

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3

МАЙ — ИЮНЬ

«Наука»

Москва

2015

Главный редактор:

Т. М. Николаева д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский технический университет, Испания
А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН
Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге
М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
М. М. Маковский д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: Н. Л. Артамонова, А. С. Кулева, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues in a year

3

MAY — JUNE

«Nauka»

Moscow

2015

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. Apresjan Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Igor M. Boguslavsky Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Technical University of Madrid, Spain
Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Mark M. Makovsky Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg, Russia
Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff: Natalia L. Artamonova, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor: Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Алпатов (Москва). Что и как изучает языкознание	7
А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2014 г.	22
В. А. Дыбо (Москва). Парадигматические акцентные системы	32
Е. А. Лютикова (Москва), А. М. Перельцайг (Стэнфорд). Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность	52
И. В. Новицкая (Томск). Словообразовательная синонимия в древнегерманских языках (на материале готского, древнеисландского и древневерхненемецкого языков).....	70
С. Б. Ямпольская (Санкт-Петербург). Автономизм, социализм и идиотизм: европеизмы в иврите, 1917—1918.....	90

Критика и библиография

Рецензии

П. М. Аркадьев (Москва). <i>М. М. Макарец</i> . Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014	110
М. В. Шкапа (Москва). <i>I. A. Seržant, L. Kulikov</i> (eds). The diachronic typology of non-canonical subjects. Amsterdam: John Benjamins, 2013	116
Р. А. Говорухо, И. М. Кобозева (Москва). <i>O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan</i> (a cura di). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014	121
Ф. И. Рожанский (Москва/Тарту). <i>V. Mattes</i> . Types of reduplication. A case study of Bikol. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.....	131

Научная жизнь

Л. Т. Леушина, Т. А. Демешкина (Томск). VIII Всероссийская конференция «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания»	136
С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев (Москва). IV Международный симпозиум «Терминология и знание»	138
К. И. Коваленко (Санкт-Петербург). VII Международная конференция по исторической лексикологии и лексикографии.....	144
Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина (Москва). Этимологический симпозиум «Этимологическое исследование старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе». Брно, 2014.....	146
Д. В. Конёр (Санкт-Петербург). Международная конференция «Грамматическая гибридизация и социальные условия»	149
Е. Л. Вилинбахова, Н. М. Заика, М. Л. Федотов (Санкт-Петербург). Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова»....	154

CONTENTS

Vladimir M. Alpatov (Moscow). Linguistics: what and how?	7
Alexey A. Gippius, Andrey A. Zaliznyak (Moscow). Birchbark letters from Novgorod excavations of 2014	22
Vladimir A. Dybo (Moscow). Paradigmatic accent systems	32
Ekaterina A. Lyutikova (Moscow), Asya Pereltsvaig (Stanford). Noun phrase structure in articleless languages: universality and variation	52
Irina V. Novitskaya (Tomsk). Derivational synonymy in the old Germanic languages (a case study of Gothic, Old Icelandic and Old High German)	70
Sonya B. Yampolskaya (St. Petersburg). <i>Avtonomizmus, socializmus and idiotizmus</i> : European loanwords in Hebrew, 1917—1918	90

Bibliography. Reviews

Reviews

Peter M. Arkadiyev (Moscow). <i>M. M. Makartsev</i> . Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta [Evidentiality in the space of the Balkan text]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014	110
Maria V. Shkap a (Moscow). <i>I. A. Seržant, L. Kulikov</i> (eds). The diachronic typology of non-canonical subjects. Amsterdam: John Benjamins, 2013	116
Roman A. Govorukho, Irina M. Kobozeva (Moscow). <i>O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan</i> (a cura di). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014	121
Fedor I. Rozhanskii (Moscow/Tartu). <i>V. Mattes</i> . Types of reduplication. A case study of Bikol. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014	131

Academic life

Lilia T. Leushina, Tatiana A. Demeshkina (Tomsk). VIII All-Russian scientific conference «Forefront issues on classical philology and comparative historical linguistics»	136
Serguey D. Shelov, Alexey E. Tsumarev (Moscow). IV International symposium «Terminology and knowledge»	138
Kira I. Kovalenko (St. Petersburg). VII International conference on historical lexicography and lexicology (ICHLL2014)	144
Zhanna Zh. Varbot, Lyubov' V. Kurkina (Moscow). Etymological symposium «Etymological research of Old Church Slavonic: from the Slavonic, Indo-European and general linguistic perspective». Brno, 2014	146
Daria V. Konior (St. Petersburg). International workshop «Grammatical hybridization and social conditions». Leipzig, 2014	149
Elena L. Vilinbakhova, Natalia M. Zaika, Maksim L. Fedotov (St. Petersburg). International conference «The heritage of Yuri Maslov: Linguistic ideas and their evolution»	154

ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

© 2015 г. Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
v-alpatov@ivran.ru

Развитие лингвистики имеет ряд особенностей. Два главных процесса в истории лингвистики — накопление фактов и становление новых методов; накопление фактов увеличивает хаос, формирование новых методов преодолевает его. В разные периоды приоритетными бывали разные задачи, некоторые проблемы становились периферийными, но потом могли снова получить приоритет на более высоком уровне. В истории лингвистики можно видеть две тенденции: одна из них стремится изучать язык объективно и точно по образцу естественных наук, другая связана с изучением языка вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции и интроспекции. Первая тенденция господствовала в эпоху структурной лингвистики, вторая стала распространенной в наше время.

Ключевые слова: история лингвистики, хаос, упорядочение, приоритеты, периферийные проблемы, человек, интуиция

LINGUISTICS: WHAT AND HOW?

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
v-alpatov@ivran.ru

The development of linguistics has some peculiarities. Two main processes in the history of linguistics are accumulation of facts and forming the new methods; accumulation of facts increases chaos, new methods overcome it. Different tasks were primary in different periods, some problems became peripheral but then were able to get priority again at a higher level. There are two tendencies in the history of linguistics; one of them aspires for studying language objectively and exactly on the pattern of natural sciences, the other tendency is connected with the study of language together with the speaking person, taking into account intuition and introspection. The first tendency was predominant in the epoch of structural linguistics, the second tendency is becoming widespread now.

Keywords: history of linguistics, chaos, putting in order, priorities, peripheral problems, person, intuition

За два десятилетия преподавания курса лингвистических учений в вузах автор статьи не раз размышлял о закономерностях развития языкознания, которые привлекли его внимание. Часть из них, видимо, свойственна любым эмпирическим наукам (естественным и гуманитарным), другие закономерности специфичны именно для лингвистики. Некоторые вопросы такого рода я уже рассматривал в статье [Алпатов 1999]. Я не претендую на полноту перечисления проблем.

1. Единство предмета и задач науки о языке

При сравнении лингвистики с другими эмпирическими — в том числе гуманитарными — науками бросается в глаза одна ее особенность. В ряде наук в течение веков менялись представления и о самом их предмете, и об их задачах и целях. Вряд ли, скажем, в современной исторической науке столь много сохранилось (кроме, конечно, фактического материала) от Геродота и Фукидида или даже Н. М. Карамзина. Но если мы сравним греческую

грамматику Дионисия Фракийца (Александрия, II в. до н. э.) и современный школьный учебник русского языка, то обнаружим в этих двух текстах много общего.

Сходна сама задача — научить правильному языку. Сходно понимание языка — как некоторой системы правил, извлекаемой из множества уже существующих, а не конструируемых автором текстов (тем самым моделируется в первую очередь восприятие, а не производство речи). Сходно выделение основных изучаемых областей языка — фонетика, морфология, синтаксис (они обычно и изучаются в том же самом перечисленном порядке); при этом основное внимание там и там уделяется грамматике. Сходны многие основные понятия и термины (русские термины чаще всего представляют собой кальки с древних языков). Это *звук, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, часть речи, глагол, наречие, местоимение, падеж, лицо, наклонение, залог* и т. д. Лишь синтаксическая терминология современного учебника большей частью еще отсутствовала в александрийский период и появилась позже. Но и она с современной точки зрения достаточно давняя: разработана в XIII—XVI вв. Также в античности еще не было представления о значимых частях слова: корне, суффиксе и т. д. Но и оно появилось в XVI в.

Конечно, задачи современной лингвистики не сводятся к обучению правильному языку. С одной стороны, с развитием культуры и науки становится все больше прикладных задач; скажем, до недавнего времени не могло быть проблемы общения человека и машины. С другой стороны, наука о языке уже давно не сводится к обслуживанию практических потребностей вроде обучения языку и поддержания языковой нормы. Лингвистика развивается в первую очередь как «чистая» наука, сама по себе независимая от практики (хотя практические задачи от языкового строительства в СССР до машинного перевода не стимулировали развитие тех или иных идей и методов). Но появление новых задач не отменяет старые. Да и процесс отделения науки от чисто практических проблем начался достаточно давно. Уже «философские грамматики» схоластов XIII—XIV вв. относились к «чистой» науке.

Однако и чисто научным сочинениям нашего времени нередко свойственны привычные подходы, восходящие к античности или средневековью и когда-то разработанные для решения практических вопросов. Все перечисленные выше термины продолжают использоваться, хотя не все из них столь общеприняты сейчас, как сто лет назад. Аналитический подход к описанию языка (по Л. В. Щербе, путь пассивной грамматики) сейчас уже не считается единственно возможным, однако он явно преобладает в описаниях конкретных языков. Понятно, почему: тексты нам даны, а смыслы нам еще надо предварительно выявить. Традиционное понятие звука еще в первой половине XX в. заменилось понятием фонемы, но, по сути, оно скорее уточняет традиционные представления о звуках, чем предлагает что-либо принципиально новое. Классификация звуков стала более детальной, но противопоставление гласных и согласных остается основополагающим. В XX в. появились попытки обойтись без понятия слова, но в целом в большинстве грамматик, особенно российских, продолжают исходить из его первичности. Современные концепции частей речи и грамматических категорий значительно ушли вперед по сравнению с античностью, но строятся на базе понятий, выработанных еще тогда. То же относится и к появившейся уже в позднем средневековье концепции членов предложения, хотя она сейчас не является общепринятой.

В то же время многие привычные для нас свойства лингвистики, так или иначе восходящие к античности или средневековью, вовсе не могут считаться универсальными, что показывают иные лингвистические традиции. Подход индийцев был синтетическим, Панини строил активную грамматику, по Л. В. Щербе. Китайская традиция до ее европеизации в конце XIX в. не знала грамматики, основным видом описания в ней был словарь. Арабская традиция шла не от морфологии к синтаксису, а в обратном направлении. В Китае и Японии до знакомства с европейской наукой не было понятия, соответствующего звуку (фонеме): в Китае основной фонетической единицей был слог, а в Японии — единица, промежуточная между звуком и слогом (мора). В арабской традиции выделялись согласные звуки, но гласные не рассматривались как отдельные сущности. Единица, соответствующая

слову, по-видимому, существовала во всех традициях, но свойства этих единиц могли быть различными. Например, в китайской традиции слова совпадали с корнями и соответствующие понятия не различались. В этой же традиции выделялись всего две части речи: «полные слова» и «пустые слова», что примерно соответствует знаменательным и служебным частям речи, но не выделялись даже имена и глаголы. Подробнее обо всем этом см. [Алпатов 1998: 11—33].

И все же развитие науки о языке идет на основе непрерывного развития античной традиции. Другие традиции могли лишь что-то добавлять к ней, см. [Робинс 1968/2010]. Например, понятия корня и аффикса пришли из семитских традиций в XVI в., понятие сандхи из Индии в начале XIX в. Европейскую традицию «в менее политкорректные времена называли просто лингвистикой» [Клубков 2011: 5]. Однако, разумеется, независимо от политкорректности другие традиции не следует игнорировать.

Итак, наша лингвистическая традиция непрерывна, что не может не быть связано как с фундаментальными свойствами языка, так и с общей задачей упорядочения многообразных и неоднородных его явлений.

2. Хаос и упорядочение

В какой-то степени развитие мировой науки о языке (и не только о языке) можно представить как два процесса, связанные друг с другом и некоторым образом противостоящие друг другу. Идет процесс расширения знаний о том, что бывает в языках, накопление фактов; это связано и с введением в оборот новых языков, и с совершенствованием методов, позволяющих обнаружить новые факты в уже известных языках. Но также развиваются и совершенствуются способы упорядочения имеющегося знания, разного рода объяснительные теории и модели; они проходят проверку на новом фактическом материале. Как отмечал еще В. фон Гумбольдт, «все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, все же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа» [Гумбольдт 1984: 69]. Открытие новых фактов увеличивает хаос, разработка способов их упорядочения уменьшает его.

Преодоление хаоса происходило всегда. В фонетике еще в глубокой древности множество звуков сводили к ограниченному числу интуитивно выделяемых звукотипов, что отразилось в создании алфавитов. Позднее в «экзотических» языках обнаруживали звуки, не вписывающиеся в прежние представления, а формирование экспериментальной фонетики показало, что звуковых различий гораздо больше, чем это нам кажется на слух. Хаос временно увеличился, но его преодолением стало создание фонологии, упорядочившей и развившей традиционные представления.

То же мы видим и в истории синтаксиса, где, разумеется, сам объект намного сложнее и абстрактнее. Весь хаос конкретных связей между словами стали со временем сводить к ограниченному набору отношений, прежде всего, субъектно-объектных и атрибутивных. К XVI в. окончательно сформировалась концепция членов предложения, господствовавшая до XX в. Но затем расширение знаний о языках разного строя поставило под сомнение ряд ее пунктов, причем самым слабым ее местом оказалось то, что считалось наиболее существенным: понятие подлежащего. Еще в античное время полагали, что это наиболее важная часть предложения; на этом положении основывались как ряд философских теорий, так и традиционная европейская логика. Однако такая логика была упрощенным и иначе интерпретированным синтаксисом древнегреческого языка [Бенвенист 1958/1974: 111]. В этом языке сказуемое согласуется с подлежащим и, что не менее важно, только с ним (то и другое свойственно многим индоевропейским языкам). Но анализ разных языков за пределами «европейского стандарта» показал неуниверсальность данной традиции. Сложности могли увеличиваться и в связи с более детальным изучением явлений «наших» языков, например, при обсуждении вопроса о применимости понятия подлежащего к так называемым безличным предложениям. И здесь произошло увеличение хаоса, который преодолевается

в современных грамматических теориях, учитывающих материал многих языков разного строя. Например, понятия синтаксического и семантического актанта по универсальной применимости — шаг вперед по сравнению с понятиями подлежащего и дополнения.

Увеличение хаоса отразилось и в некоторых теоретических высказываниях, свойственных, например, дескриптивистам: они говорили, что универсален лишь дескриптивный метод, а в языках может встретиться все, что угодно. Однако «за последние десятилетия было получено много результатов первостепенного значения, в первую очередь эмпирических обобщений, ограничивающих допустимое разнообразие языков. Гипотеза о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров, ныне повсеместно оставлена» [Тестелец 2003: 69]. В области фонологии выделение единых параметров произошло еще в середине XX в., когда была разработана теория дифференциальных признаков. В морфологической и синтаксической типологии разработка таких параметров продолжается.

Стремление разобраться в хаосе и выявить единство, о котором говорил Гумбольдт, неустранимо из науки и совершенно естественно. А процесс накопления знаний неизбежно приводит к качественному скачку. Ясными становятся (по крайней мере, с точки зрения современного состояния науки) границы возможного и допустимого, ограничения на то, что внешне представляется хаосом.

3. Развитие по спирали

Любая история науки — не однолинейный процесс постоянного движения вверх. Широко известный метафорический образ спирали хорошо подходит к лингвистике (как, вероятно, и ко многим другим наукам). В разные эпохи на первый план выходили то одни, то другие проблемы.

Об этом (несколько в иных терминах, чем здесь) еще в 1948 г. писал В. Скаличка: «Проблематика языка — вещь сложная... Можно увидеть три типа отношений и три разные проблемы: 1. Прежде всего отношение языка к внеязыковой действительности, т. е. проблему семасиологическую. 2. Отношение языка к другим языкам, т. е. проблему языковых различий. 3. Отношение языка к его частям, т. е. проблему языковой структуры. В различные времена лингвистика занималась одними проблемами, в другие — другими. Так, например, античная лингвистика занималась только проблемами семасиологии и структуры, в то время как проблему языковых различий она обходила. В эпоху младограмматизма на первом плане была проблема языковых различий (решаемая исторически)» [Скаличка 1960: 98—99]. У Л. Ельмслева же «вся языковая проблематика... сводится к проблеме структуры» [Там же: 99].

3.1. Синхрония и диахрония

Исконно все традиции, включая европейскую, изучали язык как неизменное явление, тем самым синхронно. Считалось, что язык либо дарован человеку высшими силами (в Японии, например, богиней Аматерасу), либо (как в Библии) создан человеком под руководством тех же высших сил. Такой язык нельзя развивать или совершенствовать, а можно лишь забывать или портить. И долго все изменения языка рассматривались как «порча», а наиболее авторитетными считались старые памятники. Такой взгляд до XVIII в. не менялся. Однако затем в европейскую науку о языке вошла идея историзма. Весь XIX в. научная лингвистика считалась исторической наукой, а изучение современных языков, разумеется, не прекращаясь, считалось скорее практической, чем научной задачей, недостойной университетских профессоров. Эти языки в основном описывали либо педагоги, авторы гимназических учебников и нормативных словарей (если речь шла о языках «культурных народов»), либо миссионеры или чиновники колониальной администрации (если речь шла об «экзотических» языках). Методы исследования языков вне их истории почти

не развивались в течение нескольких веков. Но с начала XX в., особенно после появления в 1916 г. «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изучение языков в их современном состоянии вновь стало рассматриваться как основная задача лингвистики, а исторические штудии ушли на второй план.

Часть направлений структурализма (прежде всего, глоссематика) пошла еще дальше и превратила синхронию в ахронию, исключив из рассмотрения всю диахроническую проблематику. По существу, это был возврат на новом уровне к исконной традиции, бывшей именно ахроничной (существование этимологии в европейской традиции не означало исторического подхода: переход к этимону — не движение от нового к старому, а вскрытие сущности именуемой вещи [Клубков 2011: 29]).

Данный подход сохраняется и в генеративизме. Н. Хомский и его последователи изучают общий механизм усвоения языка и порождения предложений, действующий всегда и везде, без каких-либо исторических изменений. «Внутри вида (человеческого. — В. А.), как представляется, никакой изменчивости нет... Речь идет о единообразной системе, а значит со времени ее появления никакой значительной эволюции не было... В случае языка нам известно, что нечто появилось в процессе эволюции и что с тех пор, как оно появилось, нет указаний на какие-либо эволюционные изменения» [Хомский 2010: 218]. На столь общем уровне рассмотрения диахроническая лингвистика (как и типология) теряет всякий смысл: в далеком прошлом каким-то нам пока не ясным образом возник человеческий язык (отсюда может возрождаться интерес к проблеме происхождения языка), а дальше ничего принципиально не менялось.

Сейчас же в науку возвращается если не идея о превосходстве диахронии (такое вряд ли возможно в обозримом будущем), то ушедшая на некоторое время в тень идея о том, что пониманию современных явлений могут помогать данные исторической лингвистики. «С исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние» [Кибрик 1980/1992: 130]. Тем самым снимается дихотомия синхронии и диахронии в той жесткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр. Об этом снятии еще более полувека назад говорил Р. Якобсон: «Статичная синхрония — это абстракция, необходимая лингвисту для определенных целей, а согласованное с фактами, исчерпывающее синхронное описание должно последовательно учитывать его динамику» [Якобсон 1965: 399]. То есть, преодолены оба «перекоса», бывшие необходимыми на каких-то этапах развития науки.

3.2. Роль сопоставительных исследований

Все традиции основывались на изучении одного языка — языка «своей» культуры (что отмечал В. Скаличка, говоря об античной лингвистике). Другие языки поначалу могли рассматриваться как «бормотание» варваров: так долго думали в Древней Греции и в Китае. Идея сопоставления языков (изучения языковых различий, по В. Скаличке) сформировалась лишь в Европе в эпоху Возрождения в связи со становлением новых национальных языков, постепенно вытеснявших латынь из культурного обихода. С XVII в. (Грамматика Пор-Рояля и др.) была поставлена задача разграничения общих свойств языка и особых свойств отдельных языков. Затем весь XIX в. прошел, как отмечал В. Скаличка, под знаком сопоставительных исследований, как в генетическом плане (сравнительно-историческое языкознание), так и независимо от языкового родства (стадиальная классификация языков). В эпоху структурной лингвистики лингвисты стремились охватить своими методами как можно больше языков, но идея их сопоставления уже не была приоритетной. Большая часть направлений структурализма (в том числе дескриптивизм) игнорировала типологию и контрастивную лингвистику (исключение отчасти составлял Пражский кружок). В противовес этому в США в 60-е гг. XX в. сформировалась лингвистика универсалий. Однако Н. Хомский принципиально ограничил сферу своих исследований и сферу исследований

большинства ученых его школы английским языком. Он выдвинул в качестве основной задачи лингвистики построение общей теории языка, удобным материалом для которой, естественно, выступает родной язык лингвиста; лишь после этого могут строиться частные теории, учитывающие особенности отдельных языков.

В наше время степень интереса к сопоставлению языков зависит от принадлежности к тому или иному направлению науки. Для генеративистов типологическое сопоставление языков не приоритетно, тогда как оппозиционные генеративизму направления так называемого функционализма, наоборот, активно занимаются типологией, изучая путем сравнения не только общие, но и особенные свойства языков.

То, что мы теперь называем типологией, традиционно, исключая разве что первую половину XIX в., эпоху стадий, находилось в основном на периферии мирового лингвистического процесса. Это, например, последователи В. фон Гумбольдта, Э. Сепир, школа И. И. Мещанинова, лингвистика универсалий и пр. (речь сейчас идет о мировом процессе: в отдельных странах типология могла занимать и центральное положение, как это было в СССР в 1940-е гг.). Но в современной функциональной лингвистике роль типологии резко возросла. Что же касается сравнительно-исторического языкознания, то после Ф. де Соссюра оно из центральной области науки о языке превратилось в обособленную лингвистическую дисциплину со специфической проблематикой и специфическим методом.

3.3. Лингвистика и другие науки

В лингвистике можно видеть как периоды сближения с другими науками, разработки пограничных проблем, так и периоды ее обособления от других наук, сосредоточения на выработке собственно лингвистических методов. В Европе этот процесс начался уже на ранних этапах развития традиции. В античности первоначально она была частью философии, но еще в Александрии сложилась грамматика как отдельная дисциплина, ставшая затем первым по порядку из «семи свободных искусств». Однако в XVI—XVIII вв. (отчасти и позже) наблюдалось объединение лингвистики с филологией, наукой о текстах и их толковании. Новое обособление появилось в первой половине XIX в., когда сформировался первый строгий лингвистический метод — сравнительно-исторический. Например, для филолога-классика текст неотделим от автора и исторического контекста его создания, а компаративисту, занимающемуся классическими языками, все это не важно, зато необходимы данные родственных языков. По выражению одного из историков лингвистики, языки равны перед лингвистом, но не перед филологом [Белый 2012: 25]. Затем, когда к концу XIX в. обнаружился кризис исторического языкознания, стали активно сближать лингвистику с историей, психологией, физиологией, социологией и даже с географией; границы между языкознанием и другими дисциплинами вновь стали менее ясными.

Но после появления книги Ф. Де Соссюра начался длительный период нового, еще более радикального обособления лингвистики от всех наук (исключая лишь математику и общую семиотику). Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах. Особенно последовательны были дескриптивисты и глоссематики. Л. Блумфилд писал в 1936 г., что предмет изучения в лингвистике — «шум, производимый органами речи» [Там же: 14]. Л. Ельмслев в 1953 г.: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*» [Ельмслев 2006: 32]. Редким исключением для того времени был Э. Сепир, посвятивший специальную работу 1928 г. отношению лингвистики к другим гуманитарным наукам [Сепир 1928/1993]. Но в то время преобладала противоположная тенденция. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» понимались как нечто строгое и раз и навсегда заданное.

Однако Н. Хомский в 60-е гг. XX в. объявил лингвистику «особой ветвью психологии познания» [Хомский 1968/1972: 12]. И в последнее время лингвистика все более сближается

с самыми разными, преимущественно гуманитарными науками; развиваются пограничные дисциплины (социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, поэтика и др.). «То, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [Кибрик 1983/1992: 20]. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» стали все более неопределенными.

3.4. Степень интереса к лингвистическим дисциплинам

В те или иные периоды преимущественное внимание может уделяться то одной, то другой стороне языковой системы. Становление европейской традиции началось с грамматики, которая до XIX в. оставалась центральным разделом науки о языке. Изучение звуковой стороны языка играло очень малую роль в европейской традиции (в отличие от ряда других) до начала XIX в., но затем, начиная с реконструкции праформ, вышло на первый план, что достигло своего предела в 20—40-е гг. XX в., в эпоху классической фонологии. Теперь же фонология ушла на периферию науки о языке, зато выходит вперед долго находившаяся вне магистральных ее направлений экспериментальная фонетика. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов — синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова 2001: 15].

Морфология исконно, начиная с античности, была центральной частью лингвистического описания, но во второй половине XIX в., в период господства сравнительно-исторического языкознания стала в реконструкциях лишь «приложением» фонетики, по выражению Р. О. Шор [Шор 1931: 404]. Затем в структурной лингвистике она вновь привлекала к себе внимание, хотя и меньшее по сравнению с фонологией, пик в ее развитии наблюдался в 40—50-е гг. XX в. Однако после «Синтаксических структур» Н. Хомского морфология опять отошла на второй план, став уже «приложением» синтаксиса. Сейчас же у ряда лингвистов (чаще на Западе, чем в России) распространены идеи об отказе от понятия слова и объединении морфологии и синтаксиса в морфосинтаксис, см., например, [Haspelmath 2011]. В России эти идеи встречаются реже, но термин «морфосинтаксис» уже стал достаточно частым.

Синтаксис очень долго отставал в своем развитии от фонетики (фонологии) и морфологии. После короткого периода повышенного внимания к нему в начале XX в. (у нас это проявилось у А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др.) синтаксис в целом игнорировался структуралистами; среди исключений [Сеше 1926/2003; Теньер 1959/1988]. Зато Н. Хомский объявил его центральной областью лингвистики, и современная американская наука о языке занимается, прежде всего, именно им. Фонетический и семантический компоненты в генеративизме дополнительны по отношению к центральному синтаксическому компоненту теории, а морфология включается в синтаксис.

Семантика всегда, начиная с античности, привлекала внимание исследователей. Это проявлялось, когда тем или иным решениям, по сути, вовсе не обязательно семантическим, давали семантические объяснения (см., например, традиционные определения частей речи). При этом она была самой неразвитой областью лингвистики, что, безусловно, было связано с особой сложностью объекта. В структурализме на общем фоне отставание семантики стало особенно заметным. В дескриптивной лингвистике даже наблюдались попытки вовсе исключить изучение значения из науки о языке. «Это различие *x* и *y* на основе значения есть различие, которое делают лингвисты, слепые к дистрибуционным различиям... Если мы знаем, что *x* и *y* не полностью повторяют друг друга, мы установим, что они различаются и по дистрибуции (а отсюда — и по “значению”» [Харрис 1948/1960: 155]. То есть достаточно дистрибуционного анализа, а семантический анализ избыточен. Такая точка зрения и для структурализма была крайней, но она отражала общую тенденцию.

Однако в последние 20—30 лет семантика стала активно развиваться, всплеск интереса к ней несомненен. В отличие от генеративизма, не упраздняющего семантику, но отводящего ей подчиненное положение по сравнению с синтаксисом, современная функциональная лингвистика отстаивает главную роль значения в языке. «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [Кибрик 1983/1992: 21]. Полемизируя с «самоограничением, доведенным до абсурда» у З. Харриса и др., А. Е. Кибрик писал: «Можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения» [Там же: 20].

Итак, в истории науки о языке постоянно наблюдается смена приоритетов, интерес к тому или иному уровню языка может то расти, то падать. Все сказанное не означает, что области лингвистики и научные подходы, временно отошедшие на периферию, никем не развиваются. Они могут быть количественно распространенными. Например, и в XX в. многие ученые занимались сравнительно-историческим языкознанием, перешло оно и в XXI в., но ту ведущую роль, которую оно играло в XIX в., оно утеряло. Тематика лингвистики неуклонно расширяется, и ни одна лингвистическая проблема не исчезает; об этом я уже писал [Алпатов 1999: 19—20]. Были случаи, когда некоторые вопросы объявлялись «ненаучными» и табуировались; так с конца XIX в. поступали с проблемой происхождения языка на основании того, что для ее решения нет позитивных данных. Однако все равно кто-то продолжал ею заниматься, в последние же два десятилетия она вновь стала привлекать внимание серьезных ученых; см. обзор в книге [Бурлак 2011]. Проблема символической связи между звучанием и значением (исключая узкую сферу звукоподражаний), поставленная еще в античности, казалось бы, после Ф. де Соссюра была снята с научной повестки дня. Но интересные работы в этой области, в конце концов, снова стали появляться, в том числе и в нашей стране; некоторые ученые, включая Р. Якобсона, рассматривали эту проблематику всерьез. Даже те направления, которые кажутся в настоящее время тупиковыми, могут когда-нибудь возродиться.

Однако нельзя считать, что возрождение интереса к какой-то проблеме означает простое возвращение к тому, что было когда-то. Всегда возвращение происходит на новом уровне, с учетом сделанного за прошедший период, в том числе в других лингвистических дисциплинах и за пределами лингвистики. Шаблонный образ спирали все же правомерен.

4. Язык как система и как деятельность

Традиционно, начиная с древнегреческих грамматистов, язык постоянно рассматривался и рассматривается как система правил. Начиная от самых простых правил в учебниках вроде: *У слов, обозначающих действия предметов, бывают приставки, а не предлоги* — и кончая сложными правилами современных исследований, использующих изощренный математический аппарат, предполагается выделение в языке некоторых постоянных свойств. Лингвисты ищут в сложном многообразии наблюдаемых явлений речи некоторые постоянные, стабильные, повторяющиеся единицы и структуры, воспроизводимые разными людьми одинаково или с незначительными вариациями, от которых можно отвлечься. Эти единицы и структуры фиксируются в грамматиках и словарях. Так неосознанно поступали еще в античности, но четко и последовательно этот подход был сформулирован Ф. де Соссюром: «Язык не деятельность говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» [Соссюр 1916/1977: 52]. В другом месте «Курса» сказано: «Языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом: общество принимает язык таким, какой он есть» [Там же: 104].

Согласно Ф. де Соссюру, язык в данном смысле — то, что нужно изучать в первую очередь. Все функционирование языка — речь — можно отодвинуть на второй план или «на потом». Лекция о речи в его курсе для студентов, положенном в основу книги, имела

в плане, но так и не была прочитана. Идеи Ф. де Соссюра позволили более строго и последовательно заниматься теми проблемами, которые и раньше находились в центре внимания лингвистов. Поэтому противопоставление языка и речи было принято большинством ученых XX в., как и предложенная швейцарским ученым расстановка приоритетов. На этом постулате основывалось большинство школ структурной лингвистики, господствовавшей в 20—50-е гг. XX в. в мировой науке о языке.

Иной, как известно, была точка зрения В. фон Гумбольдта, высказанная еще в первой половине XIX в.: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности... По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи... Расчленение языка на слова и правила — это лишь мертвый продукт научного анализа» [Гумбольдт 1984: 70]. Нет сомнений в том, что Ф. де Соссюр, говоря о «готовом продукте», спорил с данными утверждениями, хотя имя В. фон Гумбольдта им не было названо.

Идеи немецкого мыслителя, безусловно, серьезны и убедительны. Однако их дальнейшая судьба довольно точно охарактеризована современным автором Б. М. Гаспаровым: «Не смотря на то, что идеи Гумбольдта сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX века, в конкретных описаниях истории и структуры различных языков они фактически не отразились» [Гаспаров 1996: 21]. Характерно, что хотя все работы В. фон Гумбольдта о языке написаны в XIX в., столь разные историки лингвистики как Р. О. Шор [Шор 1931: 393] и Р. Х. Робинс [Робинс 1968/2010: 205—210] считали его по духу ученым XVIII в.: в следующем веке науку о языке прежде всего интересовало совсем другое. У него были очень интересные мысли, но не было строгого метода. Языковеды просто не знали, как можно изучать язык-деятельность. Зато можно было, как и прежде, заниматься «расчленением языка на слова и правила» и совершенствовать это расчленение. Так поступали и компаративисты, и структуралисты.

Однако с наступлением XX в. чаще стали вспоминать идеи Гумбольдта. В 1929 г. в Ленинграде вышла книга В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка», она была полемична по отношению ко многим идеям Соссюра, прежде всего, к ставшей почти общепринятой идее о разграничении языка и речи. Само существование языка в смысле Соссюра подвергается сомнению: «Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка — продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях непосредственного говорения» [Волошинов 1929/1995: 281—282]. Такая абстрактная система «уводит нас прочь от живой становящейся реальности языка и его социальных функций» [Там же: 298]. Этот неадекватный подход, свойственный большинству языковедов начиная с античности, исключая лишь последователей Гумбольдта, вырабатывался с практическими целями: «расшифровывания чужого мертвого языка» (имеется в виду филология) и «научения ему». Правила склонения или спряжения полезны при обучении чужому языку, но ничего не дают для «понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении» [Там же: 298].

Итак, изучать надо речь во всем ее многообразии, а язык в смысле Соссюра — искусственное понятие, пригодное лишь для педагогических и филологических целей. Однако метод, который бы позволил изучать «живую становящуюся реальность», в книге остался неразработанным. По-видимому, и в 1929 г., как и за столетие до этого, такая задача еще была преждевременной.

Вновь и по-новому ее поставил Ноам Хомский начиная с книги «Синтаксические структуры» (1957). В «Аспектах теории синтаксиса» (1966) Н. Хомский ввел важные понятия компетенции и употребления: компетенция — знание языка говорящим-слушающим, а употребление — использование языка в конкретных ситуациях. «Задачей лингвиста, как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [Хомский 1972: 10]. Н. Хомский писал: «Противопоставление, вводимое мною, связано с сосюрровским противопоставлением *языка* и *речи*; но необходимо отвергнуть его концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» [Там же: 10]. Сам термин «порождать» Н. Хомский взял у В. фон Гумбольдта. То есть сохраняются и правила, но не правила процедур с заранее выделенными объектами, а правила, фиксирующие и моделирующие творческую деятельность человека.

В книге «Язык и мышление» (1968) Н. Хомский писал: «Возникает необходимость обратиться к некоторому совершенно новому принципу... Этот новый принцип имеет “творческий аспект”, который яснее всего наблюдается в том, что может быть названо “творческим аспектом использования языка”, т. е. специфически человеческая способность выражать новые мысли и понимать совершенно новые выражения мысли на основе “установленного языка”, языка, который является продуктом культуры» [Хомский 1972: 17]. Н. Хомский указывал на преемственность этих идей по отношению к В. фон Гумбольдту.

Впрочем, критики генеративизма отмечают и имеющуюся в нем непоследовательность. Крупнейший отечественный историк лингвистики В. А. Звегинцев цитирует Н. Хомского за то, что он поставил задачу изучать язык вместе с говорящим на нем человеком. Но при этом он писал, что теория Хомского «в конечном счете, сводится все к тем же описательным процедурам и ставит своей целью дать описание абстрактной структуры лингвистической компетенции — в идее, но не в исполнении взаимодействующей с другими видами психического поведения человека» [Звегинцев 1996: 33—34]. То есть, испытав влияние В. фон Гумбольдта, Н. Хомский опять-таки предложил новый вариант конструирования «мертвого продукта научного анализа», пусть усовершенствованный по сравнению с прежними вариантами.

Однако после появления теории Н. Хомского (его приверженцы любят говорить о «хомскианской революции») наука стала выходить и за рамки, им установленные. Активно изучаются, например, общественное функционирование языка, коммуникативный аспект языка, проблемы диалога и др. Лингвистика все более начинает подступаться к тем проблемам, которые ставили В. фон Гумбольдт и В. Н. Волошинов. Это, однако, не означает того, что старые проблемы потеряли свое значение или являются псевдопроблемами.

Безусловно, язык — и система, и деятельность. Он может рассматриваться тем или другим образом в зависимости от поставленных задач. Идеи В. Н. Волошинова о фиктивном характере системы языка были все-таки максималистскими. Только системное изучение языка за последнее столетие значительно продвинулось, имеются разработанные методы, широко используются индукция и дедукция. А деятельностный подход к языку, безусловно, гораздо более сложный, находится на раннем этапе. Здесь пока мы имеем «поле, на котором выделяются..., с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой — определенное множество образцов... прокомментированного материала» [Дементьев 2013: 31]. «Самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, постулатные модели, которые могут быть очень красивы сами по себе, но при этом не иметь большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» [Там же: 42].

Дедуктивные модели, в том числе в лингвистике, строятся с опорой на индуктивно собранный материал и они тем ценнее, чем больший объем материала позволяют объяснить. Теория с недостаточной опорой на факты была свойственна XVIII в. и первой половине XIX в., включая В. фон Гумбольдта; идеи могли быть в высшей степени ценными, но, как

выше отмечалось в отношении Гумбольдта, их использование долго оставалось затруднительным. Разрыв между теорией и исследовательской практикой свидетельствует о том, что исследования в данной области находятся еще на раннем этапе.

5. Три главных вопроса лингвистики

Сильно огрубляя и схематизируя круг проблем лингвистики, можно их свести к трем главным вопросам. Это вопросы: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?» и «Как развивается язык?». Различие между двумя первыми вопросами тесно связано с различием двух подходов к языку, который рассматривался в предыдущем пункте, но не совпадает с ним: язык, по Ф. де Соссюру, и компетенция, по Н. Хомскому, не одно и то же, но в равной степени относятся к устройству языка.

Из этих вопросов первый, поднятый еще Панини и александрийцами, изучен лучше всего, хотя, разумеется, многое еще остается неясным. Существуют развитые научные теории, предложенные в структурной и генеративной лингвистике, детально разработаны и методы работы с языковым материалом, дающие возможность в ряде случаев проверять те или иные построения. XX в., безусловно, прошел под знаком изучения этого вопроса.

Много занималась лингвистика в последние два столетия и третьим вопросом, здесь, однако, имеется значительный разрыв между прекрасно разработанными методами (сравнительно-историческим и филологическим) и весьма скудной и уязвимой для критики теорией языковых изменений. Более того, вопрос о причинах языковых изменений активно ставился в конце XIX в. и первой половине XX в. (Г. Пауль, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов и др.), а потом отошел на периферию исследовательского внимания. Его нельзя отнести к сколько-нибудь решенным. Е. Курилович считал, что он не может целиком решаться средствами лингвистики, которая способна лишь отсеять запрещаемые устройством системы варианты развития, но выбор реализуемого варианта среди возможных определяется экстралингвистическими причинами [Курилович 1949/1962].

Вопрос же о функционировании языка, не раз ставившийся в науке начиная от В. фон Гумбольдта, и сейчас изучен слабее других. Ограничение лингвистики изучением языка, введенное Ф. де Соссюром, для своего времени было плодотворным, хотя и среди его последователей были ученые, стремившиеся выйти за его пределы (К. Бюлер, А. Гардинер и др.), см. [Алпатов 2015]. Пражская школа вводила понятие функции, указывая: «К лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения *язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели*» [Тезисы 1930/1960: 69]. Сходные взгляды развивала и Московская школа: «Весь пафос нашей работы заключался в том, чтобы показать систему языка во всей полноте реального функционирования» [Аванесов 2004: 16]. Ставились одновременно обе задачи, но в целом преобладало изучение устройства языка.

Заменив язык компетенцией, Н. Хомский расширил рамки лингвистики, но отказ от изучения употребления опять-таки требовал отвлечься от функционирования языка. Однако одновременно с этим (не всегда в рамках собственно лингвистики) складывались такие дисциплины, как теория речевых актов, прагматика, дискурсный анализ. За последние 20—30 лет подобные исследования значительно активизировались, хотя теория и методы находятся еще в стадии становления, что я отмечал в предыдущем разделе. Для многих процессов пока что имеются лишь более или менее правдоподобные гипотезы и догадки.

Исследование функционирования языка не сводится к тому, что стало принято называть когнитивной лингвистикой. Сюда входят и социолингвистика, изучающая функционирование языка в обществе, и комплекс дисциплин, исследующих функционирование языка «на самом деле». Здесь разные стороны речевого процесса по объективным причинам изучены неравномерно. Лучше всего ввиду большей доступности изучено функционирование голосового аппарата; экспериментальная фонетика, по традиции всегда признававшаяся лингвистической дисциплиной, существует со второй половины XIX в., и с тех

пор получено много данных. Механизмы слухового восприятия изучены хуже. Наименее исследованной постоянно оставалась главная составляющая — мозг, считавшийся «черным ящиком». Изучение речевых механизмов мозга началось с 1940-х гг. вне тогдашних рамок лингвистики, прежде всего, как изучение афазий (А. Р. Лурия и его школа), а также детской речи. Долгое время они давали наибольший материал, однако это все-таки лишь косвенные данные. Теперь уже активно разворачиваются и прямые исследования речевых механизмов мозга, в том числе в нашей стране. Особенно надо отметить петербургский коллектив во главе с Т. В. Черниговской. Им уже накоплен немалый материал. Из множества проблем, связывающих исследование функционирования мозга с традиционной тематикой науки о языке, отмечу лишь одну. Эти исследования подтверждают и показывают фундаментальность традиционных понятий, в том числе понятия слова, имеющих объективное содержание, связанное с мозгом.

Изучение механизмов мозга — «не лингвистика» с точки зрения научных взглядов недавнего прошлого, когда считали важным учитывать лишь «шум, производимый органами речи» и не заходили в «черный ящик». Но, как я отмечал выше, в наше время все больше интересуются тем, что происходит «на самом деле»; такой интерес неустраим из современной науки.

Заключительные замечания

Выше история языкознания рассматривалась по нескольким параметрам, на первый взгляд, независимым друг от друга. Однако представляется, что расхождения взглядов по этим параметрам по-разному отражают спор двух течений в науке о языке, которые В. Н. Волошинов не вполне удачно назвал «абстрактным объективизмом» и «индивидуалистическим объективизмом». Близко к этому разграничение «антропоцентрического» и «системоцентрического» подходов к языку у Е. В. Рахилиной [Рахилина 1989]. Представители этих течений неоднократно спорили, два ярких примера — подробно описанная в статье [Винокур 1957] полемика Л. Блумфилда и «менталиста» Л. Шпитцера в 1940-х гг. и дискуссия о «дегуманизации» в «Вопросах языкознания» между В. И. Абаевым и П. С. Кузнецовым [Абаев 1965; Кузнецов 1966].

Можно говорить о том, что в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей. Последний подход был сформулирован В. фон Гумбольдтом в начале XIX в., но его недостатком постоянно оказывались нестрогость и произвольность. Другой же подход, достигший максимума в структурализме, давал несомненные, но ограниченные результаты. Ему свойственны стремление к проведению строгих границ, обособлению лингвистики от других наук, рассмотрению объекта как замкнутой системы, ограничению задач своей науки относительно узким кругом, будь то сравнение родственных языков и реконструкция праформ или же структурный анализ фонологии и морфологии. В конечном счете, он стремится к упорядочению. В противоположность этому подход, связываемый с именем В. фон Гумбольдта, стремится к расширению любых рамок, междисциплинарным исследованиям, постановке глобальных задач, при этом часто без сколько-нибудь строгого метода. В какой-то мере можно считать, что он увеличивает хаос. Наше время — скорее эпоха движения в такую сторону.

Еще несколько десятилетий назад казалось, что лингвистика приближается по степени строгости и математизированности к естественным наукам, и полностью формализованная теория языка — дело близкого будущего. Через какое-то время наметилась противоположная крайность: лингвистика, особенно в нашей стране, начинает напоминать далекие от какой-либо строгости гуманитарные дисциплины. Оба подхода неустраимы из развития науки, хотя в разные эпохи на первый план может выходить то один, то другой из них. Может быть, их существование необходимо для развития науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1965 — Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 22—43. [Abaev V. I. Linguistic modernism as dehumanisation of linguistic science. *Voprosy jazykoznanija*. 1965. No. 3. Pp. 22—43.]
- Аванесов 2004 — Аванесов Р. И. Владимир Николаевич Сидоров // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. Борунова С. Н., Плотникова-Робинсон В. А. М.: Институт русского языка, 2004. С. 13—19. [Avanesov R. I. Vladimir Nikolaevich Sidorov. *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly. Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Borunova S. N., Plotnikova-Robinson V. A. (eds). Moscow: Institute of the Russian Language, 2004. Pp. 13—19.]
- Алпатов 1998 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1998. [Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic theories]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Алпатов 1999 — Алпатов В. М. Некоторые заметки по истории лингвистики // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / Отв. ред. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 19—25. [Alpatov V. M. Some notes on the history of linguistics. *Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Rakhilina E. V., Testeleets Ya. G. (eds). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999. Pp. 19—25.]
- Алпатов 2015 — Алпатов В. М. Предшественники когнитивистики // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2015. [Alpatov V. M. Predecessors of cognitive science. *Yazyk i mysl'. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Белый 2012 — Белый В. Леонард Блумфилд. Арад (Израиль), 2012. [Belyi V. *Leonard Bloomfield*. Arad (Israel), 2012.]
- Бенвенист 1958/1974 — Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104—114 (1-е изд. 1958). [Benveniste E. Categories of thought and categories of language. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 104—114 (1st ed. 1958).]
- Бурлак 2011 — Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. [Burlak S. A. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language. Facts, studies, hypotheses]. Moscow: Astrel', 2011.]
- Винокур 1957 — Винокур Г. О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 59—70. [Vinokur G. O. An episode of ideological struggle in the western linguistics. *Voprosy jazykoznanija*. 1957. No. 2. Pp. 59—70.]
- Волошинов 1929/1995 — Волошинов В. Марксизм и философия языка // Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс, 1995. (1-е изд. 1929). [Voloshinov V. Marxism and the philosophy of language. Voloshinov V. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg: Asta-Press, 1995 (1st ed. 1929).]
- Гаспаров 1996 — Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image: linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 1996.]
- Гумбольдт 1984 — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37—298. [Humboldt W. von. On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow: Progress, 1984. Pp. 37—298.]
- Дементьев 2013 — Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. [Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian culture. The category of personality in lexicon and pragmatics]. Moscow: Global Kom, 2013.]
- Ельмслев 2006 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: УРСС, 2006. [Hjelmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. Moscow: URSS, 2006.]
- Звегинцев 1996 — Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: МГУ, 1996. [Zvegintsev V. A. *Mysli o lingvistike* [Reflections on linguistics]. Moscow: Moscow State Univ., 1996.]

- Кибрик 1980/1992 — Кибрик А. Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 123—130 (1-е изд. 1980). [Kibrik A. E. Correlation of form and meaning in the grammatical description. Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya*. Moscow: Moscow State Univ., 1992. Pp. 123—130 (1st ed. 1980).]
- Кибрик 1983/1992 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 17—27 (1-е изд. 1983). [Kibrik A. E. Linguistic postulates. Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya*. Moscow: Moscow State Univ., 1992. Pp. 17—27. (1st ed. 1983).]
- Клубков 2011 — Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII — начало XIX в.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. [Klubkov P. A. *Formirovanie peterburgskoi traditsii lingvisticheskoi rusistiki (XVIII — nachalo XIX v.)* [Forming of St. Petersburg tradition of the Russian linguistics (XVIII — the early XIX centuries.]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 2011.]
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. [Kodzassov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Кузнецов 1966 — Кузнецов П. С. Еще о гуманизме и дегуманизации // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 62—74. [Kuznetsov P. S. Once more on humanism and dehumanisation. *Voprosy yazykoznaniya*. 1966. No. 4. Pp. 62—74.]
- Курилович 1949/1962 — Курилович Е. О природе так называемых «аналогических» процессов // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962 (1-е изд. 1949). [Kurylowicz E. About nature of the so called «analogic» processes. Kurylowicz E. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, 1962 (1st ed. 1949).]
- Рахилина 1989 — Рахилина Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Арутюнова Н. Д. М.: Институт русского языка, 1989. С. 46—51. [Rakhilina E. V. On conceptual analysis in A. Wierzbicka's lexicography. *Yazyk i kognitivnaya deyatel'nost'*. Arutyunova N. D. (ed.) Moscow: Institute of the Russian Language, 1989. Pp. 46—51.]
- Робинс 1968/2010 — Робинс Р. Х. Краткая история языкознания. М.: Высшая школа, 2010 (1-е изд. 1968). [Robins H. *Kratkaya istoriya yazykoznaniya* [A short history of linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2010 (1st ed. 1968).]
- Сепир 1928/1993 — Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 259—265 (1-е изд. 1928). [Sapir E. The status of linguistics as a science. Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii*. Moscow: Progress, 1993. Pp. 259—265 (1st ed. 1928).]
- Сеше 1926/2003 — Сеше А. Очерк логической структуры предложения. М.: УРСС, 2003 (1-е изд. 1926). [Sechehaye A. *Ocherk logicheskoi struktury predlozheniya* [An essay of the logical structure of the sentence]. Moscow: URSS, 2003 (1st ed. 1926).]
- Скаличка 1960 — Скаличка В. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 92—99. [Skalička V. Copenhagen structuralism and «The Prague school». Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 92—99.]
- Соссюр 1916/1977 — Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31—273 (1-е изд. 1916). [Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow: Progress, 1977. Pp. 31—273 (1st ed. 1916).]
- Тезисы 1930/1960 — Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 69—85 (1-е изд. 1930). [Prague Linguistic Circle Theses. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 69—85. (1st ed. 1930).]
- Теньер 1959/1988 — Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988 (1-е изд. 1959). [Tensiere L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Elements of structural syntax]. Moscow: Progress, 1988 (1st ed. 1959).]
- Тестелец 2003 — Тестелец Я. Г. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2003. [Testelecs Ya. G. *Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya*: Dokt. diss. [Grammar hierarchies and sentence typology. Doct. diss.] Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2003.]

- Харрис 1948/1960 — Харрис [Хэррис] З. Метод в структуральной лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 153—171 (1-е изд. 1948). [Harris Z. Method in structural linguistics. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 153—171. (1st ed. 1948).]
- Хомский 1966/1972 — Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ, 1972. (1-е изд. 1966). [Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow: Moscow State Univ., 1972 (1st ed. 1966).]
- Хомский 1968/1972 — Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. (1-е изд. 1968). [Chomsky N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. Moscow: Moscow State Univ., 1972 (1st ed. 1968).]
- Хомский 2010 — Хомский Н. О природе и языке. М.: УРСС, 2010. [Chomsky N. *O prirode i yazyke* [On nature and language]. Moscow: URSS, 2010.]
- Шор 1931 — Шор Р. О. Языковедение // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М.: Советская энциклопедия, 1931. С. 373—414. [Shor R. O. *Yazykovedenie* [Linguistics]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. Vol. 65. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1931. Pp. 373—414.]
- Якобсон 1965 — Якобсон Р. Выступление на Первом Международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1965. С. 395—402. [Jakobson R. Contribution at the 1st International symposium «Sign and the system of language». Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 3rd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1965. Pp. 395—402.]
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 31—80.

Статья поступила в редакцию 05.01.2015.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2014 Г.

© 2015 г.

Алексей Алексеевич Гиппиус^{а,б,в}Андрей Анатольевич Зализняк^б

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; ^б Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Россия; ^в agippius@mail.ru

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде в археологическом сезоне 2014 г.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород

BIRCHBARK LETTERS FROM NOVGOROD EXCAVATIONS OF 2014

Alexey A. Gippius^{а,б,в}, Andrey A. Zaliznyak^б

^а National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; ^б Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia; ^в agippius@mail.ru

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod during the archeological season of 2014.

Keywords: birchbark letters, Novgorod

В 2013 г. в Великом Новгороде продолжались работы на участках Г и Г-1 Троицкого-ХIII раскопа (руководитель работ В. К. Сингх) в напластованиях второй половины XI в., в которых находки берестяных грамот редки. В этот же год вплотную к участку Г-1 с западной стороны был заложен Троицкий-ХV раскоп общей площадью 232 кв. м (руководитель А. М. Степанов). В течение полевого сезона здесь были сняты напластования мощностью 40 см, которые предварительно датируются первой половиной — серединой XIV в. Сохранность органики в этих слоях, как и на большинстве Троицких раскопов, очень плохая, что сделало невозможным находки берестяных грамот.

В 2014 г. на участках Г и Г-1 были пройдены слои первой половины XI и второй половины X в., в которых находки грамот почти исключены. Работы на Троицком-ХV раскопе были приостановлены из-за необходимости довести до материка участки Г и Г-1 Троицкого-ХIII раскопа.

В том же году в южной части Плотницкого конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Большая Московская, 30), был заложен охранный Рогатицкий-2 раскоп (руководитель О. М. Олейников). Он расположен внутри средневекового городского квартала, образованного улицами Рогатица (с севера), Пробойная-Плотенская (с запада), Лубяница (с юга) и Большая Московская дорога (с востока). Свое название раскоп получил от расположенных неподалеку улицы Рогатица и Рогатицкого раскопа, работы на котором велись в 1971 г. Площадь раскопа составила 300 кв. м, мощность культурного слоя достигает 6,5 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются первой половиной XI — началом XV в. На раскопе найдено десять грамот, стратиграфически датированных концом XI в. (№ 1056), 2 четвертью XII в. (№ 1062), 2 половиной

XII в. (№ 1057, 1058), концом XII в. (№ 1063), 2 пол. XIII в. (№ 1054, 1055) и 1 пол. XIV в. (№ 1051, 1052, 1053).

Далее, в том же году в южной части Людина конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Воздвиженская, 3), был заложен охранный Воздвиженский раскоп (руководитель О. М. Олейников). Он расположен в непосредственной близости к средневековой улице Воздвиженская, по имени которой и получил свое название. Площадь раскопа составила около 150 кв. м. В сезон 2014 г. вскрыты культурные напластования мощностью более 2 м, датирующиеся второй половиной XII — началом XV в. В слое 2 пол. XII в. найдено три грамоты (№ 1059, 1060, 1061).

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1051. Правая часть двух средних строк документа.

...[о]зникъ це[т]верете боръ
...ю и семь мордоко поло рѣ

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Текст (с наиболее вероятными конъектурами) делится на слова так:

... (пов)озникъ цетверете бор|(...) ... и семь мордоко поло рѣ(бла) (...)

Надежно интерпретируется только отрезок ‘семь мордок, пол рубля’.

Представляет интерес самое позднее в берестяных грамотах упоминание мордок. В трех грамотах XII—XIII вв. (№ 108, 758, 775) мордки как единицы меховой денежной системы фигурируют в сочетании с гривнами и кунами; здесь же они выступают в одном ряду с рублем, который, согласно В. Л. Янину, появляется в начале XIV в.

В первой строке, по-видимому, упоминался возница («повозник») или возницы и, возможно, также борец (сборщик дани); но грамматическую форму соответствующих слов контекст надежно установить не позволяет. Допустимо предположение, что в начале второй строки утрачено только *и* (или *еи*, или *ои*); тогда на стыке строк стояло *бор|цю* (или *бор|ецю*, или *бор|оцю*) и в тексте имелось сочетание ‘четверть (вероятно, ржи) сборщику дани’; но это ненадежно.

Частичную параллель к представленному в грамоте сочетанию терминов находим в переписании крестьянских выплат Юрьеву монастырю ([ГВНП, № 115], ок. 1460 г.): *казначию с повозникомъ четwertка ржи*.

№ 1052. Грамота, сохранившаяся целиком, представляет собой лист бересты неправильной формы, на котором слева находится рисунок в виде «елочки» и левее его — фигурное О, а справа — разделенные вертикальными чертами четыре буквы:

•и|о|к|л|

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Эта необычная цепочка знаков может быть интерпретирована только как серия чисел: ‘8, 70, 20, 30’. Показателями того, что буквы здесь выступают в цифровом значении, в данном случае служат вертикальные черточки и, вероятно, начальная точка.

Можно предполагать, что сумма этих чисел, равная 128, не случайна. 128 золотников насчитывала такая весовая единица, как *ансырь* в его «бухарской» разновидности, которую «Торговая книга» конца XVI в. упоминает как более древнюю: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотников, а всего в ансыре 128 золотников; а деньгами Московскими весит ансырь 8 рублей; а нынешний ансырь весит фунт в 96 золотников, а деньгами весит 6 рублей» [Сахаров 1851: 114]. В документах XVII в. ансырь, наряду с его фракцией — золотником, многократно встречается как единица взвешивания шелка. Особый интерес представляет контекст из документа 1689 г., в котором среди украденных

из крестьянской лавки товаров упоминаются *ансырь шелку по цвѣтамъ* и *полтора ансыря шелку розныхъ цвѣтовъ* (пример из старорусского подкорпуса [НКРЯ]). С другой стороны, в грамоте № 288 (20е—30-е гг. XIV в.), единственном берестяном документе с упоминанием шелка, находим перечисление золотников шелка разных цветов: *золотнике зелоного шолкоу, дроугии церленого, третии зелоного жолтого*. Можно думать, что числа 8, 20, 30 и 70 в комментируемом документе называют количество золотников шелка разных цветов, а их сумма есть не что иное, как «ансырь шелку по цветам».

Фигурное О слева от рисунка может в таком случае быть обозначением 70 золотников.

№ 1053. Письмо из пяти строк, побывавшее в пожаре, в результате чего отгорел правый край всех строк и в пяти местах выгорели одна-две буквы в первых трех строках.

Ѡ онос[а] покл--о• ко --нил- -ынѠ м...
 мѠ при[ш]и м[и] сор--ю по--тене...
 по-от-ки• [п]овод- сестр- мое• п...
 пришли полотене• а бѣдѣ жив...
 заполацѣся

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 1280-е — 1310-е гг.

Судя по стыку первой и второй строк, утраты на конце строк были невелики — примерно по две буквы.

С конъектурами текст получает следующий вид:

Ѡ Оноса покл(он)о ко (Данилѣ) сынѠ м(ое)мѠ. Приши ми сор(оч?)ю, по(ло)тене(це), по(р)от(о)ки, повод(о). Сестрѣ) мое п-- пришли полотена. А бѣдѣ жив(о) — заполацѣся.

Перевод: ‘От Оноса поклон Даниле, сыну моему. Пришли мне сорочку, полотенце (или -нца), портки, повод. Сестре моей пришли полотна. А буду жив — расплачусь’.

Онось (и *Анось*) — народные варианты имени *Енось* (это имя иногда смешивалось с именем *Амосъ*). Хорошо известны фамилии *Аносов* и *Амосов*.

Судя по размеру лакуны, между *Данилѣ* и *сынѠ* скорее всего не было предлога *к(о)*, т. е. здесь была сравнительно редкая в эту эпоху конструкция без повторения предлога (см. [ДНД₂, § 4.10]).

Во 2-й строке в слове *приши* пропущена буква *л*, в 3-й строке в *мое* нет конечного *и*, т. е. не выражен [и] (ср. такую же ошибку в грамоте XIV в. № 363).

Отрезок *сор--ю* почти наверное равносителен словоформе *сорочицю*; но исходя из длины лакуны приходится предположить, что тут был пропущен средний слог (заметим, что при написании *сорочицю* последние два слога близко сходны, что могло способствовать ошибке). В пользу такого предположения говорит и то, что автор вообще был склонен к пропуску букв: ср. выше о написаниях *приши* и *мое* и ниже о слове *сынѠ*.

В слове *сынѠ* Онос после *ы* начал писать *ѣ* (прочертил одну из двух его половин), но сразу заметил, что пропустил букву *н* и написал это *н* вплотную к начатой дуге буквы *ѣ*.

Вместо *полотенеце* в грамоте в принципе могло стоять и *полотенеца* (мн. ч. число); вместо *бѣдѣ живо* — диалектное *бѣдѣ живе*.

Что стояло после *сестрѣ) мое* на конце 3-й строки, надежно восстановить не удастся. Скорее всего это была приставка *при* от слова *пришли*, которое автор начал писать, но затем решил записать его уже в следующей строке, а лишнее не зачеркнул; ср. очень похожую ситуацию в грамоте № 929, где при переходе с одной строки на другую написано *при|прикинѣ* (вместо *прикинѣ*). Попытки найти какое-то короткое самостоятельное слово на *п*, которое могло бы стоять в данном контексте, убедительных результатов не дают.

№ 1054. Письмо, сохранившее шесть строк на лицевой стороне листа и содержащее еще две строки на обороте.

покло^{нъ} ѿ митѣ к луке і ко фр^ѣ
 алю у лодіи ·ѣ· береме^{нѣ} ко^{жѣ}
 жь і коробию і кругъ воску

А

і курово берема кож ма
 лое куре даі грѣвну і ·ѣ· кунѣ
 ----[о^е]му полторѣ грѣ

...

Оборот

у кого грамота у того
 полторѣ грѣвни

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: 60-е — 90-е гг. XIII в.

Цифры выделены в этой грамоте четырьмя точками.

Под словом *коробию* подписана (тем же почерком) буква а. Это не что иное, как чрезвычайно редкий случай авторской правки с целью исправить синтаксис фразы: форма *коробию* здесь заменена на требуемую по синтаксису форму *коробиа*. Винительный падеж *коробию*, по-видимому, появился во фразе потому, что автор держал в уме сказуемое *послалъ*.

Горизонтальные черты разграничивают разделы послания; ср. такое же использование разделительных черт в грамотах XIII в. № 215 и 218.

Графическая особенность: вместо буквы *ы* систематически используется буква *ѣ* (см. [ДНД₂, § 1.13] и специально об этом графическом явлении [Зализняк 1986: § 23]). Отметим обоюдостороннее смещение букв *ѣ* и *и*.

В начале 6-й строки, вероятно, стояло (*сыну м*)[о^е]му.

Перевод: 'Поклон от Миты Луке и Фралу. В ладье 2 беременеи кож, коробию, круг воску; и Курово малое береме кож.

Кур! Дай гривну и 3 куны.

[Сыну? м]о^ему полторы гривны'. Вполне возможно, что текст на лицевой стороне на этом кончался.

Оборот: 'У кого грамота, у того полторы гривны'.

Отсюда мы узнаем, что передатчику письма были поручены также полторы гривны, о которых идет речь в письме.

Подобно ряду других грамот, эта грамота имеет сложную коммуникативную структуру: в середине текста автор обращается к новому адресату (см. об этом [Гиппиус 2004]). Правда, в данном случае отрезок *Куре даі* в принципе можно было бы интерпретировать и иначе — как 'Кур пусть даст', с И. ед. *Куре* и императивом 3-го лица; но это маловероятно, поскольку императивы 3-го лица для берестяных грамот нехарактерны.

В сочетании *у лодіи* предлог *у* — из *въ*; трактовать это сочетание как 'у ладьи' по смыслу неуместно.

Берема — 'ноша', 'то, что можно унести', далее 'охапка', 'связка' (как мера).

Новая форма *даи* (вместо древнего *вдаи*) в контексте отдачи денег — одна из самых ранних; ср. сохранение старого *вдаи* в грамоте № 1055, относящейся к тому же времени.

Форма *полторы* (в сочетании *полтор(ы) грѣвни*, где *поль* в И. падеже) — из [пол-торы]; ср. *полоуторѣ* в № 403, *полоутора* в № 138 и другие подобные примеры.

Не встречавшееся ранее имя *Мита* — гипокористическое к *Митрофанъ* (менее вероятно — к *Дмитрии*); по образованию ср. известные из берестяных грамот *Грига*, *Мика*, *Миха*, *Коста*, *Июра*, современные *Степа*, *Серёга*. Имя *Фраль* входит, наряду с *Фроль*, *Фларь*, *Храрь*, в группу народных вариантов первоначального имени *Флорь*. Имя *Курь* (варианты: *Кюрь*, *Кирь*) известно как из берестяных грамот, так и из книжной письменности.

№ 1055. Письмо из пяти строк с утраченным началом.

.....[у?]- на розваѣ
[ж]и улици • вѣди кожу
остафы • дѣякону • а
мзѣ с тобою • самѣ са вѣ
едаю • кожа ми надобѣ

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее середины XIII в., предпочтительно 60-е — 90-е гг.

Можно предполагать, что сверху не хватает только первой строки. В начальных полутора строках, вероятно, было: 'Поклон от такого-то такому-то', а далее шел уже сохранившийся текст: 'на Розваже улице'. Если это верно, то адресная формула содержала в данном случае также и адрес получателя.

Перевод: '[Поклон от такого-то такому-то] на Розваже улице. Отдай кожу Остафье-дьякону, а я с тобою сам рассчитаюсь. Кожа мне нужна'.

Розважа улица (от имени *Розвадь*) на Софийской стороне, существующая и поныне, впервые упоминается в новгородской летописи под 1311 г. Настоящая грамота содержит, таким образом, самое раннее ее упоминание.

Примечательно, что грамота с упоминанием Розважей улицы (и вероятно, просто отправленная на эту улицу) найдена на противоположной стороне города. Можно думать, что это одно из тех писем, с которым получатель по исполнению поручения приходил к отправителю.

№ 1056. Средние части двух строк документа (и одна буква ниже).

...а^лнилово а...
...пѣтрило ши...
а

Стратиграфическая дата: конец XI в.

Хотя, казалось бы, восстановить целый документ в таких условиях нереально, в данном случае, по-видимому, найдена реконструкция, которая может быть признана практически достоверной:

(а)а^лнилово а(оу^къшько) [или: а(оу^къшьце)]
(а) пѣтрило ши(ае)

Запись была сделана на донце (или крышке) берестяного лукошка.

Основанием для такой реконструкции являются две грамоты XII в., написанные на донце (или крышке) берестяного лукошка: № 957 (*воибеоудино лоукъньучо иже є уклъдѣтъ да прокълтъ боудѣ {оу}тъ а шьвъко флѣ*) и № 599 — три надписи одним почерком: *ѣѣдока лоукоше[ко]; ѣѣдок(и)но лоукоше(ко); ѣѣдокино лоукоше(ко)*.

Надежным подтверждением того, что к изготовлению лукошка применялся именно глагол *шита*, оказывается пословица, приводимая Далем: *Двором жить — не лукошко шить*.

Роль буквы *л* посреди 3-й строки из-за отсутствия правого края грамоты неясна. Можно было бы даже предположить, что это просто *л* из слова *шил*, вынесенное для орнаментального эффекта (три буквы *Л* строго друг под другом) в отдельную строку; но необычно в этом случае было бы отсутствие гласной (*е*, *ь* или *о*) после этого *л*. Можно отметить, впрочем, что нечто подобное (опущение конечных букв при выносе буквы в отдельную строку) всё же один раз встретилось — в грамоте № 970, которая имеет следующий вид:

по^до твою мило
с

Представляет значительный интерес появление христианских имен *Данило* и *Петрило* в столь раннем документе, причем они почти наверное принадлежат здесь не членам социальной верхушки, а рядовым новгородцам.

Грамота № 1056 позволила уточнить понимание грамоты № 957, приведенной выше. Писавший там назван *швьѣко*, и это понималось как простое прозвище. Но после находки грамоты № 1056 естественно полагать, что это прозвище было дано человеку по его занятию (профессиональному или хотя бы частому). Но трактовать слово *швьѣко* просто как нарицательное ‘швец’ мы всё же не должны, поскольку окончание *И. ед. -о* в мужском роде встречается только в именах собственных, но не в нарицательных.

№ 1057. Целый документ из двух строк.

на вѣдѣмолѣ ꙗко десѣте гривнѣ и гивнѣ и [ѣ]: коунѣ
полѣ осма съта : на съкроуду полѣ шестѣ гривнѣ[ѣ]

В первой строке в слове *гивнѣ* пропущено *р*. В последнем слове *гривнѣ[ѣ]* буква *в* переправлена из *н*.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е — 70-е гг. XII в., предпочтительно 60-е — 70-е гг.

Перевод: ‘За водмол тридцать одна гривна и 10 кун. Семьсот пятьдесят (очевидно, локтей водмола) на снаряжение — пять с половиной гривен’.

Водмол — род грубого (небеленого) сукна.

Очевидно, в грамоте указывалась общая стоимость имеющегося (или закупленного) водмола и стоимость той его части (а именно 750 локтей), которая должна пойти на снаряжение.

Правильность именно такого понимания грамоты подтверждается расчетом цен. Из грамоты № 609 (конец XII — начало XIII в.) известно соотношение «40 локтей (не указано, какой именно ткани, но наиболее вероятен тот же водмол) — 9 кун», т. е. 0,225 куны за локоть. Если 5,5 гривен (= 137,5 куны из обычного расчета 25 кун в гривне) — это стоимость 750 локтей водмола, то это 0,183 куны за локоть. Разница цен в этих двух близких по времени документах (соотношение 81 к 100) — в пределах сравнительно небольшого колебания цен на протяжении нескольких десятилетий (или в пределах неравноценности каких-то сортов ткани).

Судя по количеству водмола, потребного для снаряжения, речь, по-видимому, идет о подготовке отряда, насчитывающего порядка сотни человек. Отсюда понятно, что перед нами документ не частного, а общественного масштаба.

Нигде не засвидетельствованное слово *съкроуда* можно связать, с одной стороны, с древнерусским *съкроута* ‘одежда’, ‘снаряжение’ (также ‘свадебный наряд’ и др.), с другой — с шведским *skrud* ‘облачение’, ‘наряд’ (ср. также древнеанглийское *scrūd* с тем же значением, откуда современное английское *shroud* ‘саван’). Считать слово прямым заимствованием из шведского *skrud*, по-видимому, нельзя, поскольку было бы необъяснимо начальное *съ-*: никаких оснований для вставки гласной в начальное *skr-* нет (а в грамоте № 1057 древнее состояние редуцированных сохранено безупречно). Кроме того, при заимствовании ожидалась бы форма *скрудѣ*, а не *скруда*. Можно было бы, правда, предположить, что *на съкроуду* — это не В. ед. женского рода, а М. ед. мужского рода; но М. ед. на -у не от исконных и-основ в столь раннюю эпоху — явление исключительное (см. [ДНД₂: 109]), а в случае с относительно недавним заимствованием (что видно из отражения [ū] в виде у, а не ы) это было бы нечто совсем беспрецедентное.

В результате, по-видимому, следует предполагать контаминацию заимствованного **скрудѣ* с практически синонимичным ему исконным словом *съкроута*. Заметим, что в принципе можно предполагать также и простое смешение глухой и звонкой согласной, превратившее *съкроута* в *съкроуда* (см. о случаях такого рода [ДНД₂: 500]); но ввиду наличия скандинавского слова с -д- с ровно таким же значением это предположение становится излишним.

№ 1058. Левая часть трехстрочного письма.

Ѡ содила ко радокоу мысла...
коуноу :в: гривен[ѣ] ...
:ѣ: гривене а оу ...

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120-е — 1210-е гг., предпочтительно 40-е — 90-е гг. XII в.

Адресная формула — ‘От Сдила к Радку’. Имя *Радько* встретилось также в грамотах № 168, 710 и 952, из которых две последних относятся примерно к тому же времени, что № 1058 (но для отождествления соответствующих персонажей нет достаточных оснований). Имя *Сдьдиль* до сих пор встречалось только в варианте *Сдьдила* (см. о нем [ДНД₂: 357]) — в грамотах № 422, 503 и 654.

Мысла — скорее всего имя собственное или его начало. Это может быть, в частности, имя *Мысль* в В. падеже (ср. *Мысльѣ дѣтъѣ* в грамоте № 136, XIV в.) или начало имени *Мыслата* (с *ла* вместо *ла*); ср. также имя *Мысльѣ* [Тупиков 1903: 318; Веселовский 1974: 209]. Во всяком случае местоимение *мы* здесь крайне маловероятно (тем более, что в собственно русском тексте с сохранением редуцированных на *сла* могут начинаться только слово *слава* и его производные).

Во второй строке *коуноу* — скорее всего часть сочетания *без 2 коуноу*, т. е. в тексте содержалась запись ‘без 2 кун 2 гривны’; ср. *без дѣвоу ногатоу гѣна* в № 526, *без девати коунъ 2 гривнѣ* в № 119 и др.

№ 1059. Целое письмо из четырех строк.

+ Ѡ перьнѣга къ гѣлочанѣу въ
земи почестѣе акъ тѣ еси мѣло
вишь съ множи въсади же и семѣ ѣс ко
лика кѣлико въземоу въдамѣ азѣ

В конце третьей строки буквы *ѣско* зачеркнуты тонкими горизонтальными штрихами; по-видимому, зачеркивание должно было исключить из текста всё словосочетание *ѣс колика*.

В слове *почестѣе* буква *ѣ* переправлена из *е*. В слове *множи* представлен йотированный юс большой с инвертированным порядком составных частей: *жѣ*. Эта крайне редкая буква до сих пор в берестяных грамотах не встречалась.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно 40-е — 90-е гг.

Перевод: ‘От Перенег к Голчану. Возьми почестье, как ты условился со мной. Всади же (вероятно: в ладью) его (муж. род — посланного с почестьем) сюда (= для отправки сюда). Сколько возьмут (за перевоз), дам я’. Видимо, автор вначале собирался сказать: ‘за сколько (*ис колика*) перевозчики повезут, столько заплачу я’, — но потом решил выразить ту же мысль проще.

Почестье — род подати (первоначально: почетный дар господину, требуемый обычаем в определенных ситуациях).

Вероятно, Перенег — получатель почестья, а Голчан должен был его собрать. Собранное должно было быть с каким-то посланцем отправлено к Перенегу. Перенег берет на себя плату за перевоз.

Отметим эффект второго полногласия в *мѣловишь* (= *мѣльвиле*) и *Гѣлочанѣу* (= *Гѣльчанѣу*).

Акъ тѣ (= *ако то*) — относительное местоименное наречие (‘как’) древнего типа — с релятивизатором *то* (см. [ДНД₂, § 4.35]), народный эквивалент книжного *яко же*; ср. *ако то* в № 872.

Имя *Перенѣгъ*, представленное также в грамоте № 36 из Старой Руссы, встречается в Русской Правде; в [Ипат.] под 1213 г. упомянут воин *Перенѣжско*.

Прозвище *Гълчанъ* (с примерным значением ‘крикун’, ‘смутьян’) — производное от *гълчати* (презенс *гълчить*) ‘шуметь, кричать’ [Срезн.], ср. *гълчание* ‘шум, крик’ [Там же]; в современных говорах *голчѣть* ‘говорить’, ‘кричать’ [СРНГ, 6: 344]. Ср. совершенно аналогичный ряд: *мълчати*, *мълчание*, *мълчанъ* ‘молчун’ [Слов. XI—XVII, 9: 255], прозвище *Молчанъ* [Тупиков 1903: 310], фамилия *Молчановъ* [Там же: 704]. Исходный корень *гълк-* виден в *гълкъ* (соврем. *голк* ‘гул, шум, крик, стук, звук’ [СРНГ, 6: 295]), *гълка* ‘шум, мятеж, tumultus’ [Срезн.].

№ 1060. Найдена в виде двух фрагментов, которые смыкаются между собой лишь на участке в 1—2 миллиметра. Сохранившиеся части письма образуют четыре срединные строки, со значительными утратами в двух из них и с большим числом точек, где от букв остались лишь кончики.

...[и ес]мъ [р]о[т]е
...[у] посълааъ а ты мѣне не
[прис]л[ѣ]ши кунъ сем[и] гривъмъ и зѣ [резанъ] п[ои]м[а]ъ
въ у мене м[сц]ѣн[ое] --[да]жъ госпо-и

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120-е — 1210-е гг., предпочтительно 40-е — 70-е гг. XII в.

Последнее слово нижней строки явно следует восстанавливать как *госпо(ж)и*, хотя видимые остатки предпоследней буквы фактически мало похожи на *ж*; возможно, здесь был какой-то отгрез в работе писца.

Реконструкция отрезка *м[сц]ѣн[ое]* (= *мѣсачьное*), записанное без титла) не вполне надежна, но других приемлемых решений здесь не усматривается.

Перевод: ‘... (я ходил) к роте (?) ... (грамоту?) послал, а ты мне не присылаешь денег — семи гривен и 17 резан. Забрав (получив) у меня месячное (?), отдай госпоже’.

Если верно истолкование темного места как *мѣсачьное*, то можно предполагать, что речь идет о помесечной дани, которую автор письма собрал для госпожи (или которую он, напротив, должен выплачивать госпоже).

№ 1061. Конечные полторы строки письма.

...--- а попърѣтишь да боудъ ни тоъ
бе ни мѣне и целю та .:

Следы букв перед *а попърѣтишь* надежной интерпретации не имеют.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Заключительную этикетную формулу *целою та* автор записал очень небрежно: пропустил *оу* и написал *та* вместо *та*.

Перевод: ‘А попортишь, так будет ни тебе, ни мне. И приветствую тебя’.

Судя по заключительному приветствию, текст содержал не угрозу, а деловое соглашение. Можно предполагать, что это часть переписки между участниками некоторой торговой операции; речь шла о том, что в случае порчи товара (вероятно, при транспортировке) ни один партнер другому не будет ничего должен.

№ 1062. Левая часть двух средних строк письма.

тъ [и] д[о] д[рож]...
а нынѣ на недѣлю хо[у]ем[ъ] поити ...

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Перевод основной строки: ‘А теперь в воскресенье хотим пойти...’. К сожалению, фрагментарность текста не позволяет понять, шла ли речь о купеческой поездке или о подготовке к какому-то походу.

Остатки верхней строки не дают оснований для сколько-нибудь надежной интерпретации.

№ 1063. Найдена в виде трех фрагментов. Левый и правый края документа утрачены, так что ни одна строка не сохранилась на полную длину, и тем самым связный текст восстановить невозможно.

...[Д--АТЬ] : оу пѣтра поло пата дѣсать : оу станатѣ [и]...
 ...са дѣвать оу волохва шѣсть [Д]-сать оу сонови...
 ...[А] шѣсть дѣсато сигово : оу солово[ѣ]-[и] дова дѣсат...
 ...-[РАД]- --- дѣсать оу дан[иш]...

Стратиграфическая дата: конец XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е — 90-е гг. XII в., предпочтительно 60-е — 90-е гг.

Наряду с реконструкцией *оу Сологоѣ[и]* возможно также *оу Солого[ѣ](о)[и]*.

В записи (*Оу ...*)-[рад]- --- *дѣсать* перед [рад] видна верхушка вертикальной мачты, которую из букв, возможных перед *р*, могли иметь только *и* и *ѣ*. Вся фраза могла выглядеть, например, так: (*Оу Н*)[ѣрад](*а три*) *дѣсать*.

Документ представлял собой имущественный реестр часто встречающегося в берестяных грамотах типа. Судя по упоминанию сивов (и по тому, что счет почти везде ведется десятками или полудесятками), перед нами реестр поставок рыбы. Во всех ли случаях имеются в виду именно сиви или счет сивов начинается с сохранившегося упоминания сивов, из-за утраты начала документа неизвестно. Ср. [дѣс]а[тъ сив]ово в № 831 (XII в.), 50 *сивовъ* в № 144 (XIV в.), 5 *сивово* в № 280 (XIV в.). В XIX — начале XX в. сиви составляли 85 % ценности общего улова рыбы в Волхове [НГБ IV: 23].

Полностью сохранились имена *Станата* (это имя известно также из грамот № 224 и 348) и *Петръ*, почти полностью — *Даньша* (это имя известно также из грамоты № 336). См. также выше о возможном присутствии в грамоте имени *Нерадь*.

Надежно восстанавливается имя *Съновидъ*, ныне уже хорошо известное по многим берестяным грамотам. Ценно то, что в данной грамоте это имя впервые встретилось с сохранением редуцированного в начальном слоге: *оу Сонови(да)* = *оу С(ъ)новида* (в девяти других примерах этого имени в грамотах XII века оно уже выглядит как *Сновидъ*).

Большой интерес представляет встретившееся в берестяных грамотах впервые слово *волхвъ* (в древненовгородской диалектной форме — с основой *волохв-*). В данном тексте это в принципе может быть либо прямое обозначение колдуна, чародея (без указания имени), либо прозвище. Если это прямое обозначение, то, очевидно, речь идет не о языческом жреце, а о члене общины, известном своей способностью гадать и ворожить, губительно или благотворно воздействуя на судьбы людей. Вот свидетельство Кирика о колдуньях, к которым обращаются за помощью женщины: *А кѣже дѣтици дѣла жены творать что любо . а кѣже възболать . или къ волхвамъ несоуть . а не къ попови на м(о)л(и)тву* [Вопр. Кирик., II 18]. Этот вид колдовства свидетельствуется практически во все века; ср., например, в документе 1689 г.: *Андрей де Безобразовъ приказывалъ имъ в Нижнемъ, чтобъ сыскивать волхвовъ и ворожей, и которые узнавають на костяхъ* [Слов. XI—XVII, 3: 13].

Но даже если здесь *волхвъ* — это прозвище, перед нами уникальное явление: среди засвидетельствованных антропонимов такого прозвища нет, если не считать былины о Волхе Всеславиче (да и тот носил это имя в прямой связи со своей способностью к оборотничеству).

Сологоваа (если слово правильно реконструировано) — жена человека по имени *Сологъ*; вариантом этого имени является *Солога* (также в форме *Шелога*) — имя псковского посадника первой половины XIV в. Этимология имени неизвестна. Но следует обратить внимание на слово *сологаа* в грамоте № 330, значение которого, правда, спорно; в [Попр.-X] было предложено связывать его с *soľogъ* (*śľogъ*) ‘супруг’, ‘сожитель’, ср. др.-русск. *суложь* (*сьложь*) ‘супруг’, ‘супруга’. Не исключено, что слово с таким значением могло оказаться и в роли прозвища; ср. прозвища *Уецъ* (в грамотах № 1046 и 1047), *Уика* (в № 114), *Братко* [Тупиков 1903: 120], *Сусѣдъ* [Там же: 426]. С другой стороны, можно отметить латышское *salga* ‘свиной окорок’, значение которого, вообще говоря, тоже подходит для роли прозвища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Веселовский 1974 — Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. [Veselovskii S. B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvischa i familii* [Onomasticon. Old Russian first names, second names, nicknames]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Вопр. Кирик. — Вопросание Кириково // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. [Kirik's questioning. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M. A. Aleksandrova, 1908.]
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Documents of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1949.]
- Гиппиус 2004 — Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. С. 183—232. [Gippius A. A. Towards pragmatics and communicative organization of birchbark letters. Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997—2000 gg.)*. Moscow: Russkie Slovarei, 2004. Pp. 183—232.]
- ДНД₂ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 89—219. [Zaliznyak A. A. Novgorod birchbark letters from linguistic point of view. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977—1983 gg.)*. Kommentarii i slovo-ukazatel' k berestyanyim gramotam (iz raskopok 1951—1983 gg.). Moscow: Nauka, 1986. Pp. 89—219.]
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1962. [Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom vtoroi. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. II. Hypatian Chronicle]. Moscow: Acad. of Sciences of the USSR, 1962.]
- НГБ IV — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955 g.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1955)]. Moscow: Acad. of Sciences of the USSR, 1958.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Попр.-X — Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 82—122. [Zaliznyak A. A. Amendments and notes to reading of the birchbark letters published before]. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990—1996 gg.)*. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie. Moscow: Russkie Slovarei, 2000. Pp. 82—122.]
- Сахаров 1851 — Сахаров И. Г. Торговая книга // Записки отд. Русск. и Славянск. археологии Имп. Археологическ. Общ. I. 1851. [Sakharov I. G. Torgovaya kniga [Trading book]. *Zapiski ottd. Russk. i Slavyansk. arkheologii Imp. Arkheologichesk. Obshch.* I. 1851.]
- Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—М.: Наука, 1975—. [Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. [A dictionary of the XI—XVII centuries Russian language]. No. 1—Moscow: Nauka, 1975—.]
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893—1903. [Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written texts]. Vol. I—III. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1893—1903.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—М.; Л.: Наука, 1965—. [Slovar' russkikh narodnykh govorov [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—Moscow; Leningrad: Nauka, 1965—.]
- Тупиков 1903 — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A dictionary of Russian personal proper names]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.]

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

© 2015 г. Владимир Антонович Дыбо

Институт славяноведения РАН, Москва, 119334, Россия
vdybo@mail.ru

Статья посвящена обоснованию выдвинутой автором гипотезы тонового происхождения индоевропейских систем разноместного фонологически значимого ударения. В начале статьи рассматриваются акцентные системы с фиксированным ударением: наиболее простой тип, где фиксация осуществляется посредством счета слогов, и осложненные системы, включающие в правило фиксации количество или качество слога. Последние при потере фактора, осложняющего правило фиксации, и естественной морфонологизации, преобразуются в так называемые системы «свободного акцента», или, что будет точнее, системы разноместного ударения. Приводятся соответствующие примеры. Рассмотрение славянской, балтийской и балто-славянской парадигматических акцентных систем приводит к выводу, что в основе их лежит начальнударная акцентная система, осложненная тоновым (регистровым) характером гласных.

Ключевые слова: акцентные системы, акцентология, тоновые системы, славянский языки, балтийские языки, балто-славянские языки, разноместное ударение

PARADIGMATIC ACCENT SYSTEMS

Vladimir A. Dybo

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Russia
vdybo@mail.ru

The paper illustrates a hypothesis proposed by the author concerning a tonal origin of the Indo-European systems of multi-local phonologically significant accent. The beginning of the article deals with the systems with fixed accent: the most simple type, in which fixation is carried out by counting the syllables, and more complicated systems, which include the quantity or quality of the syllable into the rule of fixation. The latter, in case of losing the factor complicating the rule of fixation and a natural morphonologisation, become the so-called systems of «free accent» or, more accurately, the systems of multi-local accent. Corresponding examples are given. Consideration of Slavic, Baltic and Balto-Slavic paradigmatic accent systems leads to the conclusion that at their base there is an initial-accent system complicated by the tonal (register) character of the vowels.

Keywords: accent systems, accentology, tonal systems, Slavic languages, Baltic languages, Balto-Slavic languages, multi-local accent

Изложить в одной статье проблематику сравнительно-исторической акцентологии и основные ее результаты — задача почти неразрешимая. Можно, конечно, выбрать такую точку зрения, при которой будет казаться, что мы получили достаточно большое пространство обзора, но при этом теряются те детали, которые в сущности и представляют собой содержание акцентологии как сравнительно-исторической дисциплины. Более того, при таком отвлечении от деталей создается впечатление, что те общие положения, являющиеся всего лишь побочными результатами размышлений над выводами, к которым приходят сравнительно-исторические исследования просодических систем, это и есть основа просодической (акцентологической) реконструкции.

Но коль скоро такая задача нами поставлена и подобное изложение признано небесполезным, можно попытаться его осуществить. Однако от читателей требуется ясное

понимание того, что по крайней мере начало этого изложения чисто догматическое: это даже не сравнительно-историческая акцентология, а некоторые наблюдения и выводы из размышлений над результатами нескольких наиболее развитых сравнительно-исторических акцентологий. Они не должны требовать развернутых доказательств выдвигаемых положений, так как такими доказательствами являются данные сравнительно-исторические акцентологии, но они также не должны упускать из виду, что излагаемые положения не являются инструментом в построении просодических реконструкций и поддерживают их лишь в той степени, в какой свидетельствуют об их объяснимости с этой более обзорной точки зрения.

По типам ударения языки принято делить на языки со свободным и фиксированным ударением. К последним относятся языки, в которых место акцента связано с фонетической структурой слова.

Способы фиксации ударения довольно разнообразны, однако все они являются модификациями одного основного способа — счета слогов. В элементарном случае ударение падает на какой-либо по счету слог от конца или начала слова. Все остальные способы фиксации, по-видимому, возникают в результате деформации основного посредством введения в правило фиксации дополнительного фактора: структуры, количества или качества слога (в последнем случае может выступать как сегментное, так и суперсегментное качество слога — тон).

Таким образом, по способу фиксации и характеру правил определения места ударения в языках с фиксированным ударением могут быть выделены следующие типы.

1. Языки, в которых место ударного элемента (слога) определяется в терминах порядка (счета) слогов (с л о г о с ч и т а ю щ и е я з ы к и), например, польский язык, где ударение падает на предпоследний слог, или чешский, в котором ударение падает на первый слог от начала слова.

2. Языки, учитывающие количество слога при счете порядка слогов (м о р о с ч и т а ю щ и е я з ы к и), например, латынь, где ударение на втором слоге от конца при двуморовости этого слога и на третьем от конца при одноморовости предконечного слога (напомню, что м о р а — элементарная единица количества, равная количеству краткого слога, в долгом слоге — две моры).

3. Языки, учитывающие структуру слога при счете слогов, например, ударение ставится на конечном слоге, если он закрытый, и на втором слоге от конца, если последний слог открытый: предполагаемое прасemitское состояние, отраженное (правда, с определенными отклонениями) в староиспанской грамматике арабского Pedro de Alcala¹; принципиально, но с усложнениями правила, по-видимому, сохраняется в магрибских арабских диалектах.

4. Языки, учитывающие качество гласных при счете слогов, например, иронский диалект осетинского языка или мокшанский мордовский; подобные же системы, по-видимому, лежат в основе марийских и пермских морфонологизированных систем ударения.

5. Языки, учитывающие просодическую характеристику слога при счете слогов, например, восточно-сахарские: в тубу, канури (во всяком случае, в его диалекте бадави), канембу ударение ставится на первый высокотональный слог. То же правило у хауса, йоруба и бамбара². Более сложное правило отмечают в усаруфа (Новая Гвинея): ударение ставится в конце слова, если оно состоит исключительно из низкотональных слогов, но в начале платформы высоких тонов (соответственно, на одиночном высокотональном слоге), если слово состоит из высокотональных слогов или включает в себя высокотональные слоги. Однако, если слово, начинаясь платформой высокотональных слогов, заканчивается низким тоном, ударение ставится на последнем высокотональном слоге (см. [Studies 1962: 114], там же материал [Ibid.: 115—127]).

¹ Специально об акцентровке и грамматике Pedro de Alcala см. [Sarauw 1939: 36 ff].

² О восточносахарских акцентных и тоновых системах см. [Дыбо 1987]; об ударении в йоруба и бамбара см. [Brauner 1982; Herms 1982].

Во всех случаях, когда предыстория систем свободного ударения или морфонологизированных систем известна или когда относительно их генезиса могут быть построены достаточно убедительные сравнительно-исторические гипотезы, обнаруживается, что такого рода системы возникают из систем фиксированного ударения с деформирующим правилом фиксации фактором (т. е., из типов 2, 3, 4, 5), когда фонологическое противопоставление, на котором построена специфика способа фиксации ударения, нейтрализуется и вместо него появляется противопоставление по месту фиксации ударения (т. е. в условиях потери фонологических противопоставлений, создававших фактор, деформировавший основное правило; иначе говоря, дистинктивные функции, которые несли ранее сегментные или суперсегментные компоненты слога, принимает на себя акцентный контур словоформы). Так, разноместное ударение ряда романских языков является результатом совпадения количеств и, следовательно, утратой контурного правила, основанного на счете мор. Сохраняющиеся акцентные различия теряют свою моровую мотивацию и фонологизируются. Аналогично, разноместное ударение коми-язвинского диалекта является результатом фонологизации акцентных контуров, ранее мотивированных различием в качестве гласных³: первоначально ударение в этом диалекте находилось на втором от начала слова слоге, но оттягивалось на первый слог, если в нем был гласный нижнего или среднего подъема, в дальнейшем несколько таких гласных (*е, о, ъ, ѳ*) сузились и совпали с соответствующими гласными верхнего подъема *і, и, ѳ*, но акцентовка соответствующих слов сохранилась и, естественно, фонологизировалась, ср.:

Коми-язв. формы с *і, и, ѳ* из **е, *о, *ѳ, *ѳ*

- к-язв. *гиз* 'веревка' ~ *гизѳн* 'веревкой' (ср. коми-зыр. *гэз*);
 к-язв. *туш* 'борода' ~ *тушѳн* 'бородой' (ср. коми-зыр. *тош*);
 к-язв. *зѳр* 'овес' ~ *зѳрѳн* 'овсом' (ср. коми-зыр. *зѳр*);
 к-язв. *вѳр* 'лес' ~ *вѳрѳн* 'в лесу' (ср. коми-зыр. *вѳр*);
 к-язв. *ч'ѳгнѳ* 'сломать' (ср. коми-зыр. *ч'эгны*);
 к-язв. *кижнѳ* 'сворачивать' (ср. коми-зыр. *кежны*);
 к-язв. *вѳд* 'ложись' ~ *вѳднѳ* 'ложиться' (ср. коми-зыр. *водны*);
 к-язв. *ѳрснѳ* 'играть' (ср. коми-зыр. *ворсны*);
 к-язв. *ѳшнѳ* 'потеряться' (ср. коми-зыр. *вошны*).

Коми-язв. формы с первичными *і, и, ѳ*

- к-язв. *гид* 'теплый телятник внутри хлева' ~ *гидѳн* 'телятником' (ср. коми-зыр. *гид*);
 к-язв. *пурт* 'нож' ~ *пуртѳн* 'ножом' (ср. коми-зыр. *пурт*);
 к-язв. *зуд* 'точильный брусок' ~ *зудѳн* 'точильным бруском' (ср. коми-зыр. *зуд*);
 к-язв. *ѳѳл* 'слиюна' ~ *ѳѳлѳн* 'слиюной' (ср. коми-зыр. *ѳѳл*);
 к-язв. *гиж* 'пиши' ~ *гижнѳ* 'писать' (ср. коми-зыр. *гижны*);
 к-язв. *мун* 'иди' ~ *муннѳ* 'идти' (ср. коми-зыр. *мунны*);
 к-язв. *ид* 'ячмень' ~ *идѳс* 'его ячмень' (ср. коми-зыр. *ид*);
 к-язв. *руч* 'лиса' ~ *ручѳс* 'лису' (ср. коми-зыр. *руч*);
 к-язв. *куз* 'длинный' ~ *кузѳс* 'длинны' (ср. коми-зыр. *куз*).

Разноместные ударения в балто-славянском и абхазо-убыхском следует объяснять фонологизацией акцентных контуров, явившейся следствием падения тонов, с которыми эти контуры были связаны [Дыбо 1973; 1977; 1978; 1989; Dybo et al. 1978; Николаев 1986а; 1989]. Специфика акцентных систем в этих языках объясняется первоначальными различиями в правилах фиксации акцента: в балто-славянском ударение ставилось на первом высокотоновом слоге или просто начальном слоге фонетического слова при отсутствии высокотоновых слогов, в абхазо-убыхском ударение стояло на последнем слоге первой

³ [Лыткин 1961: 33—34], а также [Лыткин 1952; 1955: 11—12].

последовательности высокотоновых слогов или просто на последнем слоге при отсутствии в фонетическом слове высокотоновых слогов.

В зависимости от отношения факторов, определяющих стабилизацию акцента, к морфологическим границам слова (словоформы) наблюдается два крайних типа морфонологизированных акцентных систем: 1) если морфонологизация приводит к лексическому распределению акцентных типов (тогда, когда фактор, стабилизирующий место акцента, был преимущественно связан с корневой морфемой), возникает так называемый «парадигматический акцент»; 2) если морфонологизация приводит к распределению акцентных типов по морфологическим формам и категориям, мы говорим о «категориальном акценте». Ко второму результату непосредственно приводит морфонологизация фиксированного акцента латинского типа. Причины этого очевидны: акцентный контур принимает на себя дистинктивные функции количества второго гласного от конца словоформы, который часто является гласным суффикса или флексии. Дальнейшие фонетические процессы могут упростить картину (как во французском, где редукция безударных конечных гласных разрушала дистинктивный характер акцента) или, напротив, несколько усложнить ее, создав конечную позицию ударения, наряду с позициями на 2-м и 3-м слоге и т. д.

В этом случае обычно существует наиболее частотный акцентный тип, по которому акцентируется подавляющее число словоформ языка, — это, так сказать, «немаркированный» акцентный тип, тривиальный, — и акцентные типы, характерные для определенных суффиксальных образований, определенных категорий и словоформ. Такое распределение не вполне строгое, так как в число непроемких (с синхронической точки зрения) лексем входит также определенное количество слов, акцентирующихся по нетривиальным типам. Описание в этом случае обычно делается следующим образом: устанавливаются акцентные типы, определяется тривиальный (немаркированный) тип и выявляется связь нетривиальных типов с теми или иными категориями слов и словоформ, исключения из распределения даются списком. В порождающей морфонологии, как правило, восстанавливается на так называемом глубинном уровне в определенном приближении (упрощении или усложнении) первоначальное правило стабилизации акцента и вводятся определенные маркировки, восстанавливающие позиции его применения, а затем даются правила, переводящие «глубинные» структуры на поверхностный уровень (вся эта система правил является «синхронизацией» диахронных процессов, приведших древнюю систему языка к современному его состоянию). Наличие в языке, в его синхронном состоянии, соответствующего механизма является особой проблемой, которая требует изучения, и ее решение может быть различным по отношению к разным типам порождающих моделей.

Более сложные системы возникают в результате морфонологизации пятого типа фиксированного акцента (т. е. морфонологизации акцента, связанного с просодическими, тоновыми характеристиками слогов). По-видимому, характер таких систем в значительной степени определен характером тоновой системы, которую они «отображают». Среди тоновых систем обнаруживаются системы с сильнейшим развитием так называемого грамматического тона (например, хауса). Естественно ожидать, что при морфонологизации ударения, связанного с такими тоновыми системами, возникают языки с категориальным акцентом.

При морфонологизации акцента, связанного с тональными системами с преимущественным развитием «лексического» тона, возникают, по-видимому, системы «парадигматического» акцента, часто с довольно сложными акцентными типами (акцентными парадигмами). Примером могут служить славянские (русская, сербская, словенская и под.), балтийские (литовская), западнокавказские (абхазская, абазинская, убыхская) акцентные системы.

Обычный способ их описания состоит в установлении количества акцентных типов в каждом из лексико-морфонологических классов слов и частных подразделений этих классов, описание поведения акцента в слове в каждом из этих акцентных типов («акцентной кривой»). Если это возможно, устанавливается (дополнительное) распределение акцентных кривых в зависимости от морфологического подразделения. В этом случае ряд

акцентных кривых может быть объединен по определенным их характеристикам в класс дополнительно распределенных акцентных кривых. Такой класс (или единицу, характеризующую этим классом) принято называть акцентной парадигмой. Иногда акцентную парадигму и акцентную кривую отождествляют, не обращая внимания на то, что в разных категориях слов одна и та же акцентная парадигма может выражаться разными акцентными кривыми. Затем устанавливается наполнение каждого акцентного типа, т. е. перечисляются все лексемы, которые акцентируются в соответствии с данной акцентной схемой, и выбор акцентного типа производными, который может быть связан с акцентовкой производящих и морфонологическим типом аффикса, или же может зависеть исключительно от характера аффикса. Наконец, определяются те части системы, в которых обнаруживаются отклонения от парадигматического принципа распределения акцентных типов и развитие категориального акцента. А также устанавливается наличие различного рода трансформаций акцентных кривых в синтаксическом единстве (перенос ударения на энклитики, проклитики и т. п.).

Опыт последних десятилетий показал, что такие системы часто поддаются довольно экономному описанию методами генеративной (порождающей) морфонологии, при том что такое описание помогает открывать многие неясные с «поверхностной» точки зрения отношения. Примером такого описания, построенного, в сущности, по способу моей внутренней реконструкции балто-славянской системы акцентуационных валентностей, может служить описание литовской акцентуационной системы в [Грамматика 1985: 61—68]. Достаточно полное описание акцентной системы русского языка представлено в работах А. А. Зализняка [Зализняк 1967; 1985]. «Порождающее» описание абхазской акцентной системы, исходящее из тех же принципов, предложено в моей работе [Дыбо 1989]. В языках «парадигматического акцента» во многих случаях обнаруживается тенденция перехода к «категориальному акценту» посредством генерализации в определенных категориях лексики и особенно в словообразовательных типах той или иной акцентной парадигмы. Примерами разной степени продвинутой в этом направлении могут служить русская акцентная система, литовская и акцентная система пушту.

По-видимому, представленные здесь результаты создают основу для разделения языков с морфонологизованными акцентными системами и языков с тоновыми контурами слова и тоновыми парадигмами (схемами), являющимися, возможно, результатом непосредственного развития, а не «отображения» систем с «классическими» тонами. Примером языков с тоновыми парадигмами (схемами) могут служить канури, ряд языков банту, японский с его «акцентными» системами и, по-видимому, ряд дагестанских тоновых языков (исключая аварский с его акцентной системой). Что касается «классических» тонов (т. е. тонов в так называемых слоговых языках), сейчас уже накопилось достаточно данных в пользу предположения о сегментных истоках тоновых различий («заместительное тонообразование»), фонологизация слоговой просодики, первоначально распределенной по консонантному окружению и т. п.).

Как ясно из этого краткого обзора, сравнительно-историческая акцентология — это раздел сравнительно-исторического языкознания, который посвящен изучению морфонологизованных акцентных систем.

Особенно сложным случаем являются системы, возникшие как отображения тоновых систем. До последнего времени они представляли собой сравнительно-историческую загадку, да и в настоящее время тонологическая теория их происхождения далеко не всеми исследователями принимается. К числу этих систем относится балто-славянская акцентная система, в исследовании которой было затрачено усилий больше, чем в какой-либо иной отрасли сравнительно-исторического языкознания.

Балто-славянская акцентная система относилась к так называемым парадигматическим акцентным системам (к системам парадигматического акцента).

Парадигматическими акцентными системами (или системами парадигматического акцента) принято называть системы, характеризующиеся двумя или несколькими типами

поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами, по которым распределены все слова соответствующего языка следующим образом:

1. В корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).

Первое положение названо «первым принципом парадигматического акцента», второе — «вторым принципом парадигматического акцента». Акцентные системы, у которых удается проследить оба принципа, обозначались как «нередуцированные» системы парадигматического акцента, акцентные системы, у которых прослеживается лишь первый принцип, — как «редуцированные» системы парадигматического акцента.

В сущности, языков, акцентная система которых покрывалась бы полностью этими двумя принципами организации акцента, до сих пор не обнаружено. Как правило, в языках, даже в наибольшей степени соответствующих характеристике языков с парадигматическим акцентом, определенная часть лексики (обычно часть словообразовательных типов) выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего; таким образом, в этой группе лексики (соответственно, части словообразовательной системы) акцентный тип оказывается непосредственно связанным с категорией лексики (словообразовательным типом). Этот характер связи акцентного типа получил наименование «категориальный принцип организации акцентной системы». Сравнительно-историческое исследование парадигматических акцентных систем позволяет предполагать в общем случае вторичное проникновение в них «категориального принципа» в результате генерализации определенных акцентных типов внутри соответствующих категорий лексики, словообразовательных типов или грамматических категорий.

В соответствии с вышесказанным, основной единицей описания праславянской акцентной системы является а к ц е н т н а я п а р а д и г м а. Наиболее известно определение акцентной парадигмы, предложенное В. М. Иллич-Свитычем: «Термин а к ц е н т у а ц и о н н а я п а р а д и г м а (а. п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода “акцентную кривую” грамматической парадигмы» [Иллич-Свитыч 1963: 4, сн. 1]. Например, в праславянском у непроемных имен с основой на *-ā* восстанавливаются три акцентные парадигмы:

1) **а. п. а**, с постоянным ударением на корне — *silā, sily, silē, silq, silojq, silē; sily, silē, silamē, sily, silami, silaxē; silē, silu, silama*;

2) **а. п. б**, с постоянным ударением на окончании — *ženā, žený, ženē, ženq, ženòjq, ženē; žený, žēnē, ženāmē, žený, ženāmi, ženāxē; ženē, žēni, ženāma*;

3) **а. п. с**, с ударением, меняющим свое место от формы к форме — *røkā, røký, røkē, røkq, røkòjq, røkē; røký, røkē, røkāmē, røký, røkāmi, røkaxē; røkē, røkú, røkāma*⁴. Если мы расположим словоформы столбцами и соединим их ударные слоги линией, то лишь в третьем случае мы получим «кривую», образ, послуживший основой («внутренней формой») для термина «акцентная кривая». В первом и втором случаях линия, соединяющая ударные слоги, будет прямой. Однако в литовском, рассмотрение которого и побудило ввести этот термин, из четырех акцентных парадигм соответствующих основ три при использовании такого приема дают именно р а з н ы е кривые. В определении В. М. Иллич-Свитыча термин «акцентная кривая» имеет вспомогательный характер, но, как показали дальнейшие исследования в области славянской акцентологии, это понятие не лишено самостоятельного значения. Акцентные отношения, о которых пишет В. М. Иллич-Свитыч, в отдельной

⁴ Диакритика ' в этих примерах обозначает место иктуса безотносительно к его интонационной и количественной характеристике.

словоформе могут быть обозначены как «акцентный контур» (у Ф. де Соссюра этому соответствует термин «*courbe d'accent*»)⁵. В том случае, когда при описанной выше процедуре мы получаем действительно кривую или ломаную линию, мы, очевидно, имеем дело с чередованием акцентных контуров, отличающимся от обычного морфонологического чередования лишь тем, что в данном случае чередуются суперсегментные единицы. Однако в случаях, подобных двум первым, чередование акцентных контуров отсутствует. Поэтому в общем случае акцентную кривую можно определить как *контур* *а*кцентных *контур*ов, т. е. их упорядоченное множество, совокупность.

В других именных основах в праславянском обнаруживается также по три акцентных типа, и обозначаются они так же: **а. п. а**, **а. п. б**, **а. п. с**, — аналогичная ситуация и в глаголе. При этом акцентные кривые одной и той же **а. п.** в разных основах могут существенно различаться (это тем более относится к глаголу), сохраняя определенные черты сходства, приводящие к возможности их отождествления в рамках единой акцентной парадигмы. Одним из важнейших системных моментов этого сходства является парадигматический выбор акцентного типа производных. Несмотря на различие акцентных кривых в именах **а. п. с**: *roka*, *dьlgъ* и *noktь*, производные от них получают один и тот же акцентный тип, отличный от тех, которые получают производные от имен **а. п. а**: *sila*, *morzъ*, *mьdbъ*, — или производные от имен **а. п. б**: *krasa*, *grěхъ*, *pqtь*. Для праславянского важным критерием объединения акцентных кривых в акцентные парадигмы является также наличие или отсутствие в них характерных контуров. Так, для **а. п. с** характерно наличие в акцентной кривой так называемых форм-*enclitomena*, словоформ с фонологически безударным акцентным контуром, тогда как в **а. п. а** и в **а. п. б** такие словоформы отсутствуют. Таким образом, акцентную парадигму следует рассматривать как класс акцентных кривых, фонологически, морфонологически или морфологически дополнительно распределенных (в праславянском позициями распределения служат лексико-грамматические и грамматические категории) и объединяемых одинаковой трактовкой в системе, построенной на основе второго принципа парадигматического акцента.

Важной особенностью балто-славянской акцентуационной системы было наличие «интонаций» (или «слоговых акцентов»). Оба термина не вполне удачны: лучше было бы говорить о «слоговых интонациях» или даже о «слоговых тонах». Именно эти слоговые тоны являются сейчас определенным препятствием для уяснения тонологической теории, так как те явления, отображением которых выступает балто-славянская акцентная система, непосредственно ни к славянским, ни к балтийским сложенным интонациям, восстанавливаемым обычным способом, отношения не имеют, хотя и оказали на последние определенное влияние.

Акцентная система, реконструируемая на основе балтийских и славянских фактов, характеризуется следующими чертами:

Акцентные типы.

У непроизводных две акцентные парадигмы (**а. п.**):

- 1) **а. п.** — неподвижная с постоянным ударением на корне,
- 2) **а. п.** — подвижная, включающая два типа словоформ:
 - а) формы с ударением на окончании,
 - б) формы-*enclitomena*, безударные в большинстве фразовых позиций, но в абсолютной позиции получающие начальное ударение.

У производных три акцентных типа:

- тип А — неподвижное ударение на корне,
- тип В — неподвижное ударение на суффиксе,
- тип С — подвижное ударение (= 2 **а. п.**).

⁵ В общем случае акцентный контур — это совокупность суперсегментных средств, оформляющих словоформу. Если отвлечься от фонетических деталей, его можно определить просто как схему постановки ударения в словоформе.

Выбор акцентных типов.

У непроизводных а. п. традиционны, т. е. каждой основе присуща одна из двух а. п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Выбор акцентных типов производных определялся двумя параметрами: а. п. производящего и классом суффикса (по характеру влияния на выбор суффиксы делились на два класса, I и II) — и происходил следующим образом: от основ первой а. п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ второй а. п. при суффиксах первого класса — тип С, т. е. тип, в котором были словоформы с ударением на окончании и словоформы-enclīnomēna, при суффиксах второго класса — тип В, в котором иктус был привязан к суффиксу.

На эту систему акцентных типов налагалась система фразовых модификаций акцента энклиноменов, анализ которой приводит к выводу, что формы-enclīnomēna следует рассматривать как фонологически безударные формы.

«Нередуцированный» характер балто-славянской системы позволяет сделать вывод о глубинной структуре такой системы. Между, казалось бы, разнородными характеристиками обсуждаемой системы: традиционностью выбора а. п. непроизводных, правилами выбора производных — видом акцентных кривых и фонологическим статусом форм-энклиноменов, очевидно, существует глубинная связь.

Тот факт, что традиционная а. п. непроизводных определяет выбор акцентных типов производных, указывает на то, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать некое (морфофонологическое) качество — «валентность», — определяющее выбор акцентного типа, при этом таких «валентностей» оказывается две: одна из них определяет место иктуса на корне как в непроизводных, так и в производных (первая валентность), другая не определяет (вторая валентность). Этому разбиению корневых морфем соответствует разбиение суффиксов: II класс суффиксов определяет постановку иктуса (при корневой морфеме 2-й валентности) — класс 1-й валентности; I класс суффиксов не определяет постановку иктуса — класс 2-й валентности.

Наконец, анализируя отношения в акцентной кривой подвижного акцентного типа, мы видим, что эти же «валентности» могут быть приписаны морфемам окончаний: окончаниям, несущим на себе иктус (при корнях и суффиксах 2-й валентности) может быть приписана валентность первого типа (равная валентности корней непроизводных имен 1-й а. п.), окончаниям безударным (при корнях и суффиксах со 2-й валентностью) — валентность второго типа. Важным моментом, подтверждающим это разбиение, является тот факт, что словоформы, состоящие исключительно из морфем с «валентностями» второго типа, обладали фонологическим статусом безударности.

Очевидно, что между «валентностями» существует иерархическая зависимость, которую можно определить как отношение «доминантности — рецессивности»: при наличии морфемы 1-й валентности положение иктуса определяется ею, независимо от наличия, количества и расположения относительно нее морфем 2-й валентности.

Исходя из этой иерархии, легко получить правило постановки иктуса в балто-славянском. Для этого используется следующий прием. Введем специальные пометы при морфемах: морфема 1-й валентности получит помету (+), морфема 2-й валентности — помету (–).

Рассмотрим, что происходит с иктусом при составлении последовательностей из меченых таким образом морфем⁶:

- (1) *stār-bc-ġ* (gen. pl.); *brjūx-at-ġ-tī* (inf.); *vū-dēl-q-tī* (inf.) — в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус на первой морфеме.
- (2) *lén-ъ* (nom. sg. m.); *lén-ost-ъ* (nom. sg.); *lén-ost-ъ-no* (nom. sg. n.); *krīv-av-q* (acc. sg. f.); *ō-krīv-av-ī-l-ъ* (1-part., nom. sg. m.) и т. д. — в последовательности, состоящей только из (–)-морфем, иктус на первой морфеме.

⁶ В качестве примеров приведены праславянские формы, прабалтийская реконструкция представляет собой в принципе тождественную систему парадигматического акцента.

- (3) *lĕn-ost-b-jŏ* (instr. sg.) - - - '+'
mĕx-ov-bj-e (nom. sg. n.) - - '+'-
mold-ḃc-e-mb (instr. sg. m.) - '+'--
glād-ḃk-o-mb (instr. sg. m.) '+'---
 — в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (–)-морфем.
- (4) *stār-ost-b-jŏ* (instr. sg.), *bog-āt-o-jŏ* (instr. sg. f.), *mĕd-ĕn-ic-e-jŏ* (instr. sg.), *mĕd-ĕn-ic-a* (nom. sg.) и т. д. — в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (–)-морфемами, иктус на первой (+)-морфеме.
- (5) *kŏz-bj-e-jŏ* (instr. sg. f.), *stŏl-ič-bn-o-jŏ* (instr. sg. f.), *čḃrn-ič-bn-īk-ŏ* (gen. pl.), *čḃrn-ič-bn-īk-o-mā* (instr. du. m.), *žĕn-ḃstv-bn-ost-b-jŏ* (instr. sg.) и т. д. — в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей («платформ») (+)-морфем, отделенных одна от другой (–)-морфемами, иктус на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

(1) и (2) показывают, что последовательности морфем одинаковой валентности получают иктус на первой морфеме.

(3) и (4) показывают, что последовательности морфем разной валентности получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая (5), общее «контурное правило», регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в балто-славянском, можно сформулировать следующим образом: иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности⁷ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема). Возможно, что в последовательности морфем исключительно (–)-валентности иктус, падавший в соответствии с правилом на начало последовательности, фонетически отличался от иктуса, ставившегося в остальных случаях. Однако установить, когда и в какой мере это отличие принадлежало иктусу, а когда и в какой мере другим просодическим характеристикам данной последовательности морфем, на настоящей стадии исследования невозможно, поэтому контурным правилом эта особенность не отмечается.

Примечание. Очевидно, что при учете синтаксических закономерностей организации синтагматических единств (тактовых групп) такое рассмотрение можно перенести и на тактовые группы: *nā voz-ḃ* (acc. sg.), *nā voz-ḃ žĕ* (acc. sg.); *nĕ o-kṙv-av-i-l-ḃ* (1-part.), *nĕ o-kṙv-av-i-l-ḃ sĕ* (1-part.), *ṡb-dbṙž-jŏ* (1. p. sg.), *ṡb-dbṙž-jŏ žĕ sĕ* (1. p. sg.) и др.

Как мной было показано (см. [Дыбо 1980]), система маркировки морфем и контурное правило, определяющее место иктуса, могли быть получены не выходя за пределы в свое время изученных Ф. де Соссюром отношений в литовском. Существенным пробелом анализа Соссюра, сохранившимся и в предложенной мной реконструкции, было то, что анализу подверглись вторичные суффиксы, тогда как морфонологический статус первичных (прикорневых) суффиксов оставался неизученным. А именно в образованиях с первичными суффиксами мы наблюдаем феномен балто-славянской метатонии. Хотя не было оснований ожидать, что первичные суффиксы дадут иное разбиение, чем вторичные, их строгое разделение по морфонологическим статусам наталкивалось на значительные трудности, связанные прежде всего с невозможностью формального определения первичного суффикса II класса как такого суффикса, который получал иктус при (–)-корне. В этих условиях особую значимость приобретало внешнее сравнение.

⁷ Так как «начальная (первая) морфема первой последовательности морфем» — то же, что просто «первая морфема», это правило можно было бы сформулировать как «иктус ставится на первой морфеме высшей валентности», однако типологические соображения (см. ниже) заставляют нас сохранить более развернутую формулировку.

Так же как в области корневых морфем⁸, было установлено, что греко-арийские материалы позволяют провести бинарное разбиение прикорневых индоевропейских суффиксов⁹. В дальнейшем С. Л. Николаев показал, что I классу греко-арийских суффиксов соответствует класс балто-славянских прикорневых «доминантных» суффиксов, т. е. (+)-суффиксов, а II классу греко-арийских суффиксов — класс балто-славянских прикорневых «рецессивных» суффиксов, т. е. (–)-суффиксов. Как и следовало ожидать, при «рецессивных» суффиксах производные сохраняли акцентную парадигму производящих, тогда как при «доминантных» суффиксах производные получали неподвижный акцентный тип независимо от акцентной парадигмы производящего.

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с «доминантными» суффиксами от акутированных корней «рецессивного», т. е. (–)-класса, происходит метатония «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», тогда как в этих же производных от акутированных корней «доминантного», т. е. (+)-класса, метатония отсутствует:

I. Балто-славянская метатония в производных с суффиксами «доминантного» класса (*to-*, *-sto-*, *-tlo-*, *-dlo-* и т. п.).

Акутированные корни с (–)-маркировкой ($' \Rightarrow \sim$).

Литовский

a) суфф. *-ta-s*

- лит. *stōtas* (2) 'телосложение' ~ лит. *stóti*, лтш. *stāt*; слав. *-stājō*, *-stajetě* (а. п. с);
- лит. *klōtas* (2), pl. *klōtai* 'мостки' ~ лит. *klóti*, лтш. *klāt*; слав. *klādō*, *kladetě* (а. п. с);
- лит. *graūžtas* (2) 'огрызок' ~ лит. *gráužti*, лтш. *graūzt*; слав. *grýžō*, *gryzetě* (а. п. с);
- лит. *dōtas* (2) 'подарок' ~ лит. *dúoti*, лтш. *duôt*; слав. *dājō*, *dajetě* (а. п. с);
- лит. **nuo-dētas* (> жемайт. *nū-dētas*) (2) 'Sünde'¹⁰ ~ лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dějō*, *dějetě* (а. п. с);
- лит. **mōtas* (2) в adv. (instr. pl.) *mōtais* 'in Betracht' ~ лит. *móti*, лтш. *māt*; слав. *mājō*, *majetě* (а. п. с);
- лит. *sōstas* (2; SkŽD 321) 'трон, престол' при вторичном *sóstas* (1), *pa-sēstas* (2) 'сидение' ~ лит. *sėsti*, лтш. *sėst*; слав. (cauz.) *sādō*, *saditě* (а. п. с);
- лит. *džiaūtas* (2; SkŽD 320) 'pintainė sūriams džiovinti' ~ лит. *džiāuti*, лтш. *žaiūt*;
- лит. *plauštas* (2) 'полók' ~ лит. *plāuti*; слав. *plōvō*, *plovetě* (а. п. с);
- лит. *ap-maūtas* (2) 'чехол', *pa-maūtas* (2) 'недоуздок' ~ лит. *māuti*, лтш. *maūt*;
- лит. *plauštas* (2; Šlap. 352) 'парóm' при вторичном *plauštas* (1) ~ лит. *plāusti*, лтш. *plaiūt*;
- лит. *kliūtas* (2; Jušk. II, 167) 'карша, замоина' ~ лит. *kliāuti*, лтш. *kļaiūt*;
- лит. *nařtas* (2) 'норов' ~ лит. *nėrti*; слав. *něřō*, *ньretě* (а. п. с);
- лит. *spraūstas* (2) 'шпунт' ~ лит. *sprāusti*, лтш. *spraiūt*;

b) суфф. *-sta-s*

- лит. *klōstas* (2), pl. *klōstai* 'жерди, которыми надавливается мочимый лен; мостки' ~ лит. *klóti*, лтш. *klāt*; слав. *klādō*, *kladetě* (а. п. с);
- лит. *mōstas* (2) 'жест' ~ лит. *móti*, лтш. *māt*; слав. *mājō*, *majetě* (а. п. с);
- лит. *aiķštas* (2) 'этаж, ярус, чердак' ~ лит. *augti*, лтш. *augt*;
- лит. *šluōstas* (2) 'тряпка для вытирания' ~ лит. *sluoti*, лтш. *sluôt*;
- лит. *pa-grėbstai* (pl.; 2) 'сгребки, сгребенные остатки' ~ лит. *grėbti*; ср. слав. *grěbō*, *grebetě* (а. п. с);
- лит. *narřtas* (2; SkŽD 324) 'verknötete Stelle der Peitsche, damit sie kürzer wird' ~ лит. *nėrti*; слав. *něřō*, *ньretě* (а. п. с).

⁸ См. [Николаев, Старостин 1982].

⁹ См. [Николаев 1983; 1986а; 1986б].

¹⁰ Здесь и далее толкования из ряда источников даются по-немецки.

c) суфф. *-kla-s*

- лит. *dėklas* (2) 'кобура, футляр' ~ лит. *dėti*, лтш. *dėt*; слав. *dějō, dějetě* (а. п. с);
- лит. *pa-būklas* (2) 'орудие' ~ лит. *būti*, лтш. *būt*; слав. (l-part.) *býľь, byľa, býlo* (а. п. с);
- лит. *tiñklas* (2) 'сеть, невод' ~ лит. *tinti* 'пугнуть', лтш. *tīt*;
- лит. *pa-neřklas* (2) 'wiązadło, którym przywiązuje się bat do biczyska', *pri-neřklas* (2) 'virvelė botagui prie koto priřisti (prinerti); spragilo jungas' ~ лит. *nėrti*, лтш. *niřt* (?);
- лит. *spirklas* (2) 'пинок, удар (ногой)' ~ лит. *spirti*, лтш. *sperť*; слав. *pěřō, peretě* (а. п. с).

Славянский (⇒ а. п. б)

a) суфф. *-dlo*

- слав. *dědlo* ~ слав. *dějō, dějetě*; inf. *děti*; лит. *dėti*, лтш. *dėt*;
- слав. *pědlo* ~ слав. *pěňō, pьnetě*; inf. *pěti*; лит. *pinti*, лтш. *pīt*;
- слав. *žerdlo, žьrdlo* ~ слав. *žěřō, žeretě, žěřō, žьretě*; inf. *žьraľi, žerti*; лит. *gėrti*, лтш. *dzerť*;
- слав. *stadlo* ~ слав. *stājō, stajetě*; inf. *stajaľi*; лит. *stóti*, лтш. *stāt*;
- слав. *židlo* ~ слав. *živō, živetě*; inf. *žiti*; лит. *gyti*, лтш. *džīt*;
- слав. *bydlo* ~ слав. (l-part.) *byľь, byľa, býlo*; лит. *būti*, лтш. *būt*;
- слав. *žędlo* 'жало' ~ лит. *gėlti*, лтш. *dzelť*;
- слав. *verdlo* 'источник' ~ лит. *virti*, лтш. *virť*;
- слав. *tvьrdlo* 'загон для скота' ~ лит. *tvėrti*, лтш. *tverť*;
- слав. *perdlo* 'проход' ~ слав. *pěřō, peretě*; inf. *pьraľi* (а. п. с); лит. *spirti*, лтш. *sperť*.

II. Отсутствие балто-славянской метатонии в производных с суффиксами «доминантного» класса (*-to-*, *-sto-*, *-tlo-*, *-dlo-* и др.)

Акутированные корни с (+)-маркировкой не меняют интонации.

Литовский

a) суфф. *-ta-s*

- лит. *káltas* (1) 'долото' ~ лит. *kálti*, лтш. *kalť*; слав. *koljō, koljětě*; inf. *kōlti* (а. п. б/а);
- лит. *būrtas* (1) 'жребий, ворожба, чары' ~ лит. *būrti*, лтш. *buřť*;
- лит. *gniáužtas* (1) 'кулак', pl. 'тиски' ~ лит. *gniáužti*, лтш. *gñaužt*;
- лит. *miltai* (pl.); 1) 'мукá' ~ лит. *málti*, лтш. *malť*; слав. *meljō, meljětě*; inf. *mělti* (а. п. б/а);
- лит. *sietas* (1) 'сито' ~ слав. *sějō, sějětě*; inf. *sėjati* (а. п. а);
- лит. *viltas* (1) 'предательство, измена, обман' ~ лит. *vilti*, лтш. *vilť*;
- лит. *rėžtas* (1) 'заведенный порядок; старая дорога' (*savo rėžtu* 'своим чередом; по-своему'); *ruožtas* (1) 'полоса, участок, область' (*savo ruožtu* 'своим чередом; по-своему') ~ лит. *rėžti*; слав. *rězjō, rězjetě*; inf. *rězati* (а. п. а); в лтш. в глагольных корнях на шумные обобщение прерывистой интонации.

b) суфф. *-sta-s*

- лит. *žiostas* (1; SkŽD 324) 'tai, kiek vienu kartu galima apžioti' ~ лит. *žiōti*; слав. *zějō, zějětě* (а. п. а);
- лит. *váistas* (1) 'средство, лекарство' ~ слав. *věděti* (а. п. а).

c) суфф. *-kla-s*

- лит. *dūrklas* (1) 'штык' ~ лит. *dūrti*, лтш. *duřť*;
- лит. *irklas* (1 >3) 'весло' ~ лит. *irti*, лтш. *iřť*;
- лит. *piūklas* (1) 'пила' ~ лит. *piáuťi*, лтш. *plauť*;
- лит. *ženklas* (1) 'знак, признак, знамение' ~ лит. *pa-žinti*, лтш. *pa-zīt*;
- лит. *pa-vėikslas* (1) 'картина, изображение, образ, пример, образец' ~ слав. *vīdjō, vīditě*; inf. *vīdėti* (а. п. а);
- лит. *sėkla* (1; f.) 'семя' ~ лит. *sėti*, лтш. *sět*; слав. *sějō, sějětě* (а. п. а).

Славянский (а. п. а)

а) суфф. -*dlo*

1. слав. *bǐdlo* ~ слав. *bǐjǫ*, *bǐjetь*; inf. *bǐti* (а. п. а);
2. слав. *dǔdlo* ~ слав. *dǔjǫ*, *dǔjetь*; inf. *dǔti* (а. п. а);
3. слав. *mǔdlo* ~ слав. *mǔjǫ*, *mǔjetь*; inf. *mǔti* (а. п. а);
4. слав. *rǔdlo* ~ слав. *rǔjǫ*, *rǔjetь*; inf. *rǔti* (а. п. а);
5. слав. *čǔdlo* ~ слав. *čǔjǫ*, *čǔjetь*; inf. *čǔti* (а. п. а);
6. слав. *šǐdlo* ~ слав. *šǐjǫ*, *šǐjetь*; inf. *šǐti* (а. п. а); лит. *siūti*, лтш. *šūt*;
7. слав. *mědlo* ~ слав. *mьnǫ*, *mьněть*; inf. *měti* (а. п. а/б); лит. *minti*, лтш. *mīt*;
8. слав. *tǔrdlo* ~ слав. *tьrǫ*, *tьrěть*; inf. *tǔrti* (а. п. а/б); лит. *tirti*, лтш. *trīt*.

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период (например, генерализация прерывистой интонации в глаголах с корнями на шумные в латышском или расширение а. п. с в славянском). В некоторых случаях возможны также выравнивание интонации под влиянием соответствующего отглагольного прилагательного или глагола¹¹.

Итак, обсуждаемое исследование выявило, что при образовании производных с доминантными суффиксами (т. е. с (+)-суффиксами) эти производные получали неподвижную акцентную парадигму с постоянным ударением на корне (1 а. п.) независимо от акцентуационной валентности корневой морфемы. При этом, однако, в первично акутированных корнях с (–)-валентностью происходила замена акутовой интонации на циркумфлексовую («метатония»). В производных с рецессивными суффиксами каждая лексема получала акцентную парадигму в соответствии с акцентуационной валентностью корневой морфемы: производные с (+)-корнями получали неподвижную акцентную парадигму (1 а. п.), производные с (–)-корнями — подвижную акцентную парадигму (2 а. п.). При этом интонация корневой морфемы не менялась.

Неподвижная акцентная парадигма с постоянным ударением на корне у имен с доминантным суффиксом и первично рецессивным корнем означает, что у таких имен происходило изменение морфонологического статуса корневой морфемы, а именно, в такого рода производных она становилась (вторично) доминантной. Это изменение морфонологического статуса сопровождалось у акутированных корней одновременной заменой интонации на циркумфлексовую. Отметим, что способностью изменять морфонологический статус смежной морфемы обладали, по-видимому, лишь первичные суффиксы. У вторичных суффиксов, как это явствует из предшествующего¹², такой способности нет.

Рассматривая структуру вторичных суффиксов, мы видим, что их можно представить как последовательность минимум из двух частей: *-oko-* = *-o-* + *-ko-*; *-āko-* = *-ā-* + *-ko-*; *-iko-* = *-i-* + *-ko-*; *-uko-* = *-u-* + *-ko-*; *-īko-* = *-ī-* + *-ko-*; *-ika-* = *-ī-* + *-kā-*; *-ovo-* = *-o-* + *-vo-*; *-āvo-* = *-ā-* + *-vo-*; *-īvo-* = *-ī-* + *-vo-*; *-ito-* = *-i-* + *-to-*; *-īto-* = *-ī-* + *-to-*; *-oto-* = *-o-* + *-to-*; *-ōto-* = *-ō-* + *-to-*; *-āto-* = *-ā-* + *-to-*; *-ijo-* = *-i-* + *-jo-*; *-ijā-* = *-i-* + *-jā-*; *-ājo-* = *-ā-* + *-jo-* и т. п. При этом первая часть, как правило, представляет собой либо тематический гласный *-o-*, извлеченный из тематических основ, либо иной основообразующий формант, сросшийся с первичным суффиксом (*-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ū-*), а вторая — первичный суффикс. Однако и тематический гласный (в норме) и другие основообразующие форманты при самостоятельном функционировании являются рецессивными морфемами, т. е. (–)-морфемами, что непременно вытекает из наличия у всех этих видов основ подвижного акцентного типа. Естественно предположить, что доминантность такого рода суффиксов обусловлена доминантностью их второй части. Иначе говоря, доминантная вторая часть суффикса изменяет морфонологический статус первой его части, делая

¹¹ Список исключений, их анализ и объяснение см. в [Николаев 1986а]. Важным для дальнейшего является доминантный характер в пралитовском корне **kel-* (лит. *kėlti* 'поднимать', лтш. *celt*), устанавливаемый по акцентовке производных.

¹² См. подробности в работах [Дыбо 1981а; 1981б; Николаев 1986а].

ее (вторично) доминантной так же, как первичный доминантный суффикс изменяет морфонологический статус первично рецессивного корня, делая его (вторично) доминантным. Можно показать, что при этом, если первая часть вторичного суффикса представляет собой изначально долгий монофтонг и должна быть согласно правилу де Соссюра акутированной, в ней происходит метатония и акут заменяется на циркумфлекс. Наиболее показательным в этом отношении является балто-славянский суффикс *-āko-s*. В славянском этот суффикс в адъективном употреблении сохранился лишь у местоименных прилагательных и показывает в них отчетливо рецессивный характер, ср.: 1) **jākъ*, **jaká*, **jāko* (от **jǃ*, **já*, **jě* — **а. п. с**); 2) **iākъ*, **taká*, **iāko* (от **tǃ*, **tǃ*, **tǃ* — **а. п. с**); 3) **kākъ*, **kaká*, **kāko* (ср. **kǃto*, **čǃto* — **а. п. с**); но от местоимений неподвижного акцентного типа: 1) **īnakъ*, **īnaka*, **īnako* (от **īnǃ*, **īna*, **īno* — **а. п. а**); 2) **vǃsěkъ*, **vǃsěka*, **vǃsěko* (от **vǃsǃ*, **vǃsě*, **vǃsě* — **а. п. б**). В литовском прилагательные с суффиксом *-oka-s* (< *-āko-s*) относятся к неподвижному акцентному типу с постоянным акутовым ударением на суффиксе: *ilgókas* (ср. лтш. *ilgs*), *plonókas* (ср. лтш. *plāns*), *sunkókas* (ср. ст.-лит. *suñkus*, 2 а. п. у Н. Даушки¹³), *platókas* (ср. *platus*, 4 а. п. у Даушки и в современном литовском). Это явно перестроенная акцентовка с генерализацией акцентного типа, возникшего в результате действия закона де Соссюра в производных от циркумфлектированных и краткостных имен неподвижного акцентного типа и в результате наложения деформаций акцентной кривой, вызванных действием законов де Соссюра и Хирта в производных от циркумфлектированных и краткостных имен подвижного акцентного типа, с устранением неподвижного акцентного типа с акутовым ударением на корне и деформированного действием закона Хирта акутированного подвижного типа¹⁴. Для балто-славянского следует таким образом восстанавливать рецессивный статус этого адъективного суффикса. Однако этот же суффикс в субстантивном употреблении показывает циркумфлектированный характер гласного *-ā-* и акцентный тип с постоянным насуффиксальным ударением: лит. *naujōkas* (2), *bērōkas* (2), *kaulōkas* (2) и т. п., ср. генетически тождественную **а. п. б** в подобных образованиях в славянском: **durākъ*, **prostākъ*, **rybākъ*, **mōdrākъ* и т. п. Очевидно, что и в этом словообразовательном типе мы встречаемся с генерализацией акцентного типа с насуффиксальным ударением и устранением акцентного типа с первично накоренным ударением. Например, два последних славянских примера первоначально должны были иметь следующую акцентовку: **rybākъ* и **mōdrākъ*. Более близкое к первоначальному состояние мы имеем в словообразовательном типе с вторичным суффиксом *-ykla-s*: *gǃdyklas* 'лекарство' (от *gǃdyti* 'лечить'), *vǃstyklas* (3 < *1) 'пеленка' (от *vǃstyti* 'пеленать, свивать'), но *kabǃklas* (2) 'вешалка' (от **kabǃti* > *kabinti* 'вешать'), *kibǃklas* (2) 'крюк, зацеп' (от *kibǃti* 'вешать, зацеплять'), *kratǃklas* (2) 'labai slidus šypelis pakuloms kratyti' (от *kratǃti* 'трясти'). Суффикс *-ykla-s*, очевидно, состоит из доминантного первичного суффикса *-kla-s* и основообразующего форманта каузативных глаголов *-y-* (< *-ī-*), морфонологическим статусом которого, как показывают славянские данные, была рецессивность (см. наличие в каузативах **а. п. с** и тип ее акцентной кривой: inf. **gubǃti* ~ sup. **gǃbiti*, l-part. **gǃbilǃ*, **gubilǃ*, **gǃbilo*; pl. **gǃbili* и т. д.). По двум первым примерам производных видно, что суффикс *-ykla-s* не наводит метатонию на корень, однако сама первая часть его (*-y-*), что обнаруживается при рассмотрении следующих трех примеров, подвергается метатонии и получает морфонологический статус доминантности. Подвижность акцента у второго производного, очевидно, вторична (а. п. первого слова неизвестна), ср. подобное же вторичное развитие подвижности у производных с суффиксом *-uva-s* и др. (см. соответствующий раздел в [Николаев 1986а]). Проблематичным остается объяснение акута в *salǃklas* (1) 'солод' (по-видимому, от несохранившегося **salǃti*, итератива от *sǃlti* 'делаться сладким, солодеть')¹⁵.

¹³ Материал Н. Даушки почерпнут из изданий [Daukšos 1926; 1995].

¹⁴ Ср. подобные процессы и без деформаций по закону Хирта, например, в производных с суффиксом *-inga-s* [Дыбо 1981б: 71—73].

¹⁵ Если *-y-* в данном производном извлечено из основы итеративного глагола, а не каузатива, мы имеем дело с закономерным отсутствием метатонии, так как в итеративах, по свидетельству

Такое различие в морфонологическом поведении вторичных и первичных суффиксов, а равно и составляющих вторичных суффиксов, по-видимому, свидетельствует о сложном характере статуса доминантности. Можно отразить установленные нами различия в типе доминантности соответствующей маркировкой. Для обозначения первичной доминантности корней, первичных суффиксов и соответствующих частей вторичных суффиксов оставим знак (+), для обозначения вторичной доминантности корней и соответствующих частей вторичных суффиксов введем знак (≠). В этом случае суффикс *-ykla-s* должен получить следующую маркировку: *-y-kl₊a-s*. Различие между соответствующими адъективными и субстантивными суффиксами выразится так: 1) adj. *-ā-ko-s* ~ subst. *-ā-ko₊-s*; 2) adj. *-u-ko-s* ~ subst. *-u-ko₊-s*; 3) adj. *-ā-vo-s* ~ subst. *-ā-vo₊-s*; 4) adj. *-ī-ko-s* ~ subst. *-ī-ko₊-s* (ср. здесь же, по-видимому, первичное противопоставление subst. f. и m.: subst. f. *-ī-kā₊-* ~ subst. m. *-ī-ko₊-s*; первоначальная рецессивность суффикса subst. f. отражается лишь в отсутствии метатонии, в остальном суффикс был преобразован, вероятно, в результате действия закона Хирта). Приведем еще некоторые характерные морфонологические представления вторичных суффиксов: 1) adj. *-in-o-s* ~ adj. *-in-jō-s*; 2) adj. *-isk-o-s* ~ adj. *-isk-jō-s*; 3) subst. *-īb-ā-* ~ subst. *-īb-jā-*; 4) subst. *-in-ī-ko₊-s*, *-ov-ī-kō₊-s* и т. п. Уже из этого перечня видны некоторые особенности внутренней структуры вторичных суффиксов: во-первых, вторично доминантные составляющие не наводят вторичную доминантность и, следовательно, метатонию на предшествующие им части суффиксов, т. е. ведут себя так же, как вторично доминантный суффикс в целом по отношению к корневой морфеме; во-вторых, бросается в глаза некоторая произвольность членения, связанная с наличием «чередующихся» пар и их структурой: если у нас представлены пары с рецессивными адъективными суффиксами, в которых первичный *-k-* осложнен сросшимися с ним явно рецессивными основообразующими формантами, и с соответствующими доминантными субстантивными суффиксами, мы предпочитаем вычленять первично рецессивный основообразующий формант, а различие статусов парных суффиксов сводить к различию статусов первичных суффиксов adj. *-ko-* и subst. *-ko₊-*, следуя за аналогичным рассмотрением первичных суффиксов adj. *-to-* и subst. *-to₊-*, в тех же случаях, когда в наших парах наведение вторичной доминантности осуществляется заменой тематического гласного или другого основообразующего форманта каким-либо иным формантом, мы выделяем в качестве носителя акцентуационной валентности этот тематический гласный. В действительности, по-видимому, в большинстве случаев носителем акцентуационной валентности был тематический гласный, форманты *-k-*, соответственно *-t-*, субстантивов и адъективов генетически тождественны, и следует, по-видимому, предполагать для индоевропейского существование двух тематических гласных, различавшихся какими-то просодическими качествами, которые отобразились в балто-славянском в виде двух различных морфонологических статусов (акцентуационных валентностей). Представленные С. Л. Николаевым и С. А. Старостиным древнеиндийские и древнегреческие данные, видимо, достаточно надежно подтверждают этот вывод.

Рассмотрим дистрибуционные характеристики процесса (–) ⇒ (≠): 1) он происходит на любом слоговом отрезке, маркированном знаком (–), количество или качество этого слога, по-видимому, какой-либо существенной роли не играет; 2) он происходит в непосредственной близости (смежности) к следующему за ним звуковому отрезку, в надежно установленных случаях слоговому, маркированному знаком (+), каких-либо ограничений процесса количеством или качеством данного слогового отрезка не обнаружено; 3) на кратких и циркумфлексированных слогах фонетически данный процесс никак не проявляется, в первоначально акутированных слогах он переводит акутовую интонацию в циркумфлекс (‘ ⇒ ~). Такие дистрибуционные особенности этого процесса указывают на ассимиляционный его характер, т. е. мы имеем скорее всего дело с результатом тоновой ассимиляции.

славянского, основообразующий формант *-ī-* обладал статусом доминантности, наводил вторичную доминантность и, по-видимому, метатонию на предшествующую морфему, если она была первично акутированной.

Можно попытаться более точно определить фонетический характер как самого этого процесса, так и элементов, участвующих в нем. 1. Очевидно, что мы имеем дело лишь с частичной ассимиляцией, т. е. ($\mp$) не равно (+), так как в слоге с маркировкой ($\mp$) $\acute{\Rightarrow} \sim$, тогда как в слогах с маркировкой (+) акут не изменяется. 2. Можно думать, что характер самого процесса $\acute{\Rightarrow} \sim$ как-то связан с фонетическим характером элементов, принимавших в нем участие, т. е. (–) и (+); при частичных просодических ассимиляциях обычно просодическая характеристика первой части слога (первой моры) сохраняет близость к первоначальной просодической характеристике данного слога, тогда как просодическая характеристика второй части слога (второй моры) уподобляется просодической характеристике слога, который стимулирует ассимиляцию, т. е. слога, смежного с тем, в котором произошла (в данном случае) метатонизация. 3. Циркумфлекс в литовском представляет собой восходящую интонацию, и нет серьезных оснований считать, что он был качественно иным в балто-славянском¹⁶. Это дает основание полагать, что просодические характеристики, принимавшие участие в рассматриваемом процессе, были, скорее всего, регистровыми тонами: маркировке (–) соответствовал низкий тон, маркировке (+) — высокий тон. В этом случае при регрессивной частичной ассимиляции в порядке (–+) на первом слоге должен был возникнуть восходящий тон: $[_]_ \Rightarrow [_]_ \Rightarrow [_]_$. Этот ассимиляционный восходящий тон как бы взломал возникающий по правилам де Соссюра и Беценбергера акут и создал на этом (первом) слоге интонацию, достаточно близкую фонетически к балто-славянскому циркумфлексу, в дальнейшем совпавшую с ним. Интерпретация акцентуационных валентностей (–) и (+) как отображений праязыковых низкого и высокого регистровых тонов хорошо поддерживаются типологическими сопоставлениями (ср. контурные правила, тождественные балто-славянским, в восточносахарских языках (группа теда-канури [Дыбо 1987]).

В последнее время появились данные, которые позволяют надеяться, что в севернолитовских жемайтских и аукштайтских диалектах, возможно, сохранились (помимо рассмотренной выше метатонизации) следы этой предполагаемой системы регистровых тонов праязыка. В ряде публикаций (см. [Гирденис, Качюшкене 1987; Качюшкене 1984]) были приведены факты, свидетельствующие о наличии в северножемайтском (можейкинский говор) и севернопонежевском (аукштайтском) диалектах противопоставления двух видов акута и, соответственно, двух видов циркумфлекса не ретракционного типа. Противопоставление это представлено в ряде минимальных пар и отмечено в трех категориях форм: 1. суш. с суфф. *-ta-s* ~ прилаг. (прич.) с суфф. *-ta-s*; 2. презенсы 3 л. глаголов *j-praesentia* ~ буд. вр. 3 л. тех же глаголов; 3. претериты на *-é* от первичных глаголов *j-praesentia* ~ претериты на *-é* от парных к ним итеративов. Исследователи провели большую экспериментальную работу, установив факт хорошего различия информантами указанного противопоставления и изучив его основные фонетические параметры, однако для серьезного сравнительно-исторического исследования этого феномена необходимо полное описание просодических систем данных говоров, т. е. установление типа интонации, по возможности, у каждой словоформы всего корпуса лексем этих диалектов. Поэтому сейчас относительно данной проблемы можно высказать лишь самые предварительные соображения. Авторы связывают указанное различие с противопоставлением прабалтийских (и праиндоевропейских) баритонированной и подвижной акцентных парадигм. Однако самым примечательным моментом в рассматриваемой ситуации является то, что ни одна из изученных ими лексем не отнеслась в пралитовском (и в прабалтийском) к подвижному акцентному типу. Все они имели неподвижную акцентную парадигму, т. е. были баритонированны, так как их корневые морфемы относятся к классу (+)-морфем. Важным, однако, представляется тот факт, что во всех случаях, когда мы можем установить маркировку их суффиксов,

¹⁶ Предположение о качественном изменении балто-славянского циркумфлекса в литовском основывалось на убежденности в генетическом тождестве славянского и литовского циркумфлексов. Поскольку это тождество отклонено и доказано, что литовскому циркумфлексу в славянском соответствует восходящая интонация типа нового акута, это предположение отпадает.

оказывается, что акут и циркумфлекс, относимые авторами к первой разновидности, появляются перед (+)-суффиксами, а акут и циркумфлекс, относимые ими ко второй разновидности, — перед (–)-суффиксами:

I. Сущ. с суфф. $-ta-s \sim$ прилаг. (прич.) с суфф. $-ta-s$
(акут: первого вида — ₁ ~ второго вида — ₂)

1. Северножемайтский

- 1) $kā-lts_{(1)}$ 'долото' ($kāltas$) ~ $kā-lts_{(2)}$ 'битый' ($kāltas$)
- 2) $svē-ists_{(1)}$ 'масло' ($sviēstas$) ~ $svē-ists_{(2)}$ 'кинутый' ($sviēstas$)

2. Севернопонежежский

- 1) $kā-lts_{(1)}$ 'долото' ($kāltas$) ~ $kā-lts_{(2)}$ 'битый' ($kāltas$)
- 2) $kē-lts_{(1)}$ 'паром' ($kēltas$) ~ $kē-lts_{(2)}$ 'поднятый' ($kēltas$); в последней паре корень $*kel-$, вопреки лтш. *celt*, следует относить к доминантному классу, во всяком случае в пралитовском, что отражается как в отсутствии метатонии в образованиях с доминантными суффиксами, так и непосредственно в производных с вторичными суффиксами сохранением неподвижного акцентного типа с накоренным ударением: *kēltuvas, kēltuva* (1 $\Rightarrow$ 3).

(циркумфлекс: первого типа — ₁ ~ второго типа — ₂)

1. Северножемайтский

(в опубликованных материалах эта категория отсутствует)

2. Севернопонежежский

- 1) $āū-tvs_{(1)}$ 'портянка' ($āūtās$) ~ $āū-tvs_{(2)}$ 'обутый' ($āūtās$)
- 2) $pōr-štas_{(1)}$ 'палец' ($pīrštās$) ~ $pōr-štas_{(2)}$ 'сосватанный' ($pīrštās$).

Очевидно, что здесь мы имеем дело в левой части пар с тем же словообразовательным типом, что и представленный выше тип, в котором первично акутированные корни дают метатонию «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», его суффикс $-ta-s$, как было показано выше относится к первичным (+)-морфемам. Лишь в последней паре в слове *pīrštās* 'палец' морфонологический, так же как и морфологический, статус элемента $-ta-s$ не ясен, однако субстантивный характер этого элемента свидетельствует скорее в пользу его доминантности. В правой части пар во всех примерах представлены формы страдательных причастий прошедшего времени, в которых и в балтийском и в славянском присутствует подвижная акцентная парадигма. Следовательно, суффикс $-ta-s$ этих форм относится к первичным (–)-морфемам.

В первой паре в северножемайтском и, соответственно, в севернопонежежском представлен акутированный корень *kal-*, который относится к (+)-морфемам: лит. *kāltas* (1) 'долото': лтш. *kalts* 'das Stemmeisen, der Meissel; ein kleiner Hammer'; лит. *kālti* 'ковать, долбить'; *kūlti* 'молотить; колотить, бить': лтш. *kalīt* 'schmieden; schlagen'; *kūlt* 'schlagen; dreschen'; слав. *kōlti; koljō, koljētj* (а. п. *a/b*).

Во второй паре в северножемайтском представлен акутированный корень *svied-* 'бросать, кидать, швырять; мазать': лит. *sviesti*, лтш. *sviēst*. В латышском наблюдается далеко зашедший процесс обобщения прерывистой интонации в первичных глаголах с акутированными корнями на шумные, поэтому более надежны показания литовского, который первой акцентной парадигмой существительного и отсутствием метатонии в нем свидетельствует о (+)-валентности этого корня.

Доминантность корня *kel-*, как сказано выше, подтверждается акцентуационным поведением его в литовском словообразовании.

Корень *au-* обнаруживает свою (+)-валентность в славянских языках, где глагол $*-uti$ относится к неподвижному акцентному типу: вторичная а. п. *a* $\Leftarrow$ а. п. *b*.

Корень *pīrš-* относится к глагольным корням 1-го индоевропейского парадигматического класса¹⁷, что определяет его первичную (+)-валентность.

¹⁷ См. [Николаев, Старостин 1982]; подробный анализ этого глагольного корня дан мной в [Дыбо 1984].

II. Презенсы 3 л. глаголов *j*-praesentia ~буд. вр. 3 л. тех же глаголов (акут: первого вида — ₁ ~ второго вида — ₂)

1. Северноежмайтский

- 1) наст. вр. *kā' iš₍₁₎* 'чистит (-ят)' ~ буд. вр. *ka. iš₍₂₎* 'будет (-ут) чистить'
- 2) наст. вр. *kūoš₍₁₎* 'цедит (-ят)' ~ буд. вр. *kūōš₍₂₎* 'будет (-ут) цедить'.

(циркумфлекс: первого типа — ₁ ~ второго типа — ₂)

1. Северноежмайтский

- 1) наст. вр. *mē' iš₍₁₎* 'смешивает (-ют)' ~ буд. вр. *mē. i. š₍₂₎* 'будет (-ут) смешивать'
- 2) наст. вр. *rā' us₍₁₎* 'роет (-ют)' ~ буд. вр. *rā. u. s₍₂₎* 'будет (-ут) рыть'.

Суффикс *-je-* первичных *j*-praesentia относится к доминантным суффиксам, морфологический статус суффикса сигматического буд. вр. неизвестен, но ничто не препятствует предположению о его рецессивном характере.

III. Претериты на *-ē* от первичных глаголов *j*-praesentia ~ претериты на *-ē* от парных к ним итеративов (акут: первого вида — ₁ ~ второго вида — ₂)

1. Северноежмайтский

- 1) *trā' ukē₍₁₎* 'тянул(а)' (inf. *trā' ukte*) ~ *tra. ūkē₍₂₎* 'дергал(а)' (inf. *tra. ukī' tē*).

2. Севернопонежский

- 1) *lā' užē₍₁₎* 'ломал(а)' (inf. *lā' ušīb*) ~ *la. ūžē₍₂₎* 'разламывал(а)' (inf. *la. ūžēīb*)
- 2) *gñā' užē₍₁₎* 'щемил(а)' ~ *gñā. ūžē₍₂₎* 'мял(а)'
- 3) *trā' ukē₍₁₎* 'тянул(а)' (inf. *trā' ukīb*) ~ *tra. ūkē₍₂₎* 'дергал(а)' (inf. *tra. ūkēīb*).

(циркумфлекс: первого типа — ₁ ~ второго типа — ₂)

1. Северноежмайтский

- 1) *brā' ukē₍₁₎* 'перечеркнул(а)' (inf. *brā' ukte*) ~ *brā. u. kē₍₂₎* 'перечеркивал(а)' (inf. *braukī' tē*).

2. Севернопонежский

- 1) *brāŭ. kē₍₁₎* 'перечеркнул(а)' (inf. *brāŭ. kīb*) ~ *brāŭ' kē₍₂₎* 'перечеркивал(а)' (inf. *braukī' tē*)
- 2) *plāŭ. kē₍₁₎* 'плыл(а)' (inf. *plāŭ. kīb*) ~ *plāŭ' kē₍₂₎* 'плавал(а)' (inf. *plaukī' tē*)
- 3) *rāŭ. kē₍₁₎* 'хмурил(а)' ~ *rāŭ' kē₍₂₎* 'нахмуривал(а)'.

В левой группе форм мы имеем, по-видимому, отражение первично доминантного суффикса йотированных глаголов, в правой — скорее всего, вторично доминантный суффикс, возникший в результате стяжения рецессивного и доминантного суффиксов.

Для интерпретации обсуждаемого феномена важнейшее значение имеет первая группа форм. Как мы видели, она состоит из имен неподвижного акцентного типа (подвижность акцента у соответствующих причастий в современном литовском является результатом генерализации подвижной акцентной парадигмы, происшедшей в позднее время, неподвижная а. п. в причастиях на *-ta-s* от акутированных глаголов неподвижного акцентного типа сохранялась еще у Н. Даукши), различающихся лишь морфонологическим статусом их суффикса. Достаточно надежно устанавливается и доминантный характер корней у данной группы имен. Таким образом, есть все основания объяснять представленное в этой группе просодическое различие ассимиляторным влиянием просодической характеристики суффиксального слога, отразившейся в его морфонологическом статусе, на корневой слог, подобным тому, которое привело к балто-славянской метатонии у соответствующих основ от рецессивных акутированных корней. Этому объяснению не противоречит вторая группа форм. Что касается третьей группы, то она в определенной степени даже поддерживает предложенную гипотезу. Так как в последней группе форм независимо от морфонологического статуса корней вообще отсутствует подвижный тип акцента, то здесь мы скорее всего имеем дело с противопоставлением первично и вторично доминантных формантов. Первые, как было показано выше, индуцировали метатонию в образованиях от рецессивных акутированных корней, вторые такой способностью не обладали. Сама метатония являлась результатом ассимиляции «низкого акута» высокому регистру первично доминантного суффикса, при

вторично доминантных суффиксах этой ассимиляции не происходило, так как начальный слог их имел не высокий, а восходящий контур, который сам являлся результатом ассимиляции первично низкого регистра высокому регистру следующего слога или результатом стяжения низкотонального слога с высокотональным. В обсуждаемой группе форм мы обнаруживаем тот же вид «просодического поведения»: первично доминантный формант преобразует балтийский акут доминантного корня и циркумфлекс в разновидности: акут₁ и циркумфлекс₁ — вторично доминантный формант такой способностью не обладает и при нем сохраняется старое состояние, которое обозначается как акут₂ и циркумфлекс₂. Таким образом, во всех группах форм обнаруживаются, по-видимому, следы процесса, приведшего к метатонии в образованиях с первично доминантными суффиксами от акутированных рецессивных корней. Диалектные данные, обнаруженные А. Гирденисом и Г. Качюшкене, по-видимому, свидетельствуют о том, что этот ассимиляторный процесс проходил во всех просодических типах корней, специфика акутированных рецессивных морфем лишь та, что в них произошло совпадение разновидности «акут₁ в рецессивном (низкотональном) корне (морфеме)» с одной из разновидностей циркумфлекса, тогда как в других случаях такого совпадения интонационных различий, возникших в силу действия правил Ф. де Соссюра и Ф. Бецценбергера, не произошло, а варианты, возникшие из-за указанной ассимиляции, после падения интонаций неударных слогов подверглись тенденции к унификации и сохранились лишь в отдельных литовских диалектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гирденис, Качюшкене 1987 — Гирденис А., Качюшкене Г. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // *Proceedings XIth ICPhS. Vol. 5. Tallinn, 1987. P. 91—94.* [Girdenis A., Kachyushkene G. Secondary types of syllabic intonations in Lithuanian dialects. *Proceedings XIth ICPhS. Vol. 5. Tallinn, 1987. P. 91—94.*]
- Грамматика 1985 — Грамматика литовского языка / Под ред. Амбразаса В. Вильнюс: Мокслас, 1985. [*Grammatika litovskogo yazyka* [Lithuanian grammar]. Ambrazas V. (ed.). Vilnius: Mokslas, 1985.]
- Дыбо 1973 — Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1973. С. 8—10. [Dybo V. A. Balto-Slavic accentual system from the typological perspective and the problem of Indo-European accent reconstruction. *Kuznetsovskie chteniya. 1973. Istoriya slavyanskikh yazykov i pis'mennosti.* Moscow: The Institute of Slavic and Balkan Studies, 1973. Pp. 8—10.]
- Дыбо 1977 — Дыбо В. А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». (Тезисы докладов.) М., 1977. С. 41—45. [Dybo V. A. West Caucasian accentual system and the problem of its origin. *Nostraticheskie yazyki i nostraticheskoe yazykoznanie.* (Conference abstracts). Moscow, 1977. Pp. 41—45.]
- Дыбо 1978 — Дыбо В. А. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция «Проблемы реконструкции», 23—25 октября 1978 г. (Тезисы докладов.) М., 1978. С. 56—61. [Dybo V. A. A tonological hypothesis of Indo-European accentual systems origin. *Problemy rekonstruktsii*, October 23—25, 1978. (Conference abstracts). Moscow, 1978. Pp. 56—61.]
- Дыбо 1980 — Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 91—150. [Dybo V. A. Balto-Slavic accentual system from the typological perspective and the problem of Indo-European accent reconstruction. *Balto-slavyanskije etnoyazykovye kontakty.* Moscow, 1980. Pp. 91—150.]
- Дыбо 1981a — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981. [Dybo V. A. *Slavyanskaya aktsentologiya. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentykh paradigm v praslavyanskom* [Slavic accentology. An attempt of reconstruction of accentual paradigms system in the Proto-Slavic language]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Дыбо 1981b — Дыбо В. А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 65—89. [Dybo V. A. On the question of the system of derivative nouns accentual types generation in the Proto-Baltic language. *Balto-slavyanskije issledovaniya.* 1980. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 65—89.]

- Дыбо 1984 — Дыбо В. А. От редактора // Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p—q). М.: Наука, 1984. С. 112—119. [Dybo V. A. Editor's note. *Illich-Svitych V. M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Sravnitel'nyi slovar' (p—q)*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 112—119.]
- Дыбо 1987 — Дыбо В. А. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? // Африканское историческое языкознание. М.: Наука, 1987. С. 458—557. [Dybo V. A. Tubu prosodic system (Teda-Kanuri group) — the beginning of the tonal system transformation to the paradigmatic accent system? *Afrikanskoe istoricheskoe yazykoznanie*. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 458—557.]
- Дыбо 1989 — Дыбо В. А. Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 7—45. [Dybo V. A. Typology and reconstruction of paradigmatic accentual systems. *Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 7—45.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian noun inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М.: Издательство АН СССР, 1963. [Illich-Svitych V. M. *Imennaya aktsentuatsiya v baltiiskom i slavyanskom. Sud'ba aktsentuatsionnykh paradigm* [Noun accentuation in Baltic and Slavic. The fate of accentual paradigms]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963.]
- Качюшкене 1984 — Качюшкене Г. Й. Фонологическая система северопаневежского диалекта литовского языка (Просодия и вокализм): Дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984. [Kachyushkene G. I. *Fonologicheskaya sistema severopanevezhskogo dialekta litovskogo yazyka (Prosodiya i vokalizm)*. Kand. diss. [Phonological system of the North Panevezys dialect of the Lithuanian language (Prosody and vocalism). Cand. diss.]. Vilnius, 1984.]
- Лыткин 1952 — Лыткин В. И. Об ударении в коми-пермяцком языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. I. М., 1952. [Lytkin V. I. Accent in the Komi-Permyak language. *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR*. Vol. I. Moscow, 1952.]
- Лыткин 1955 — Лыткин В. И. Дialeктологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Издательство АН СССР, 1955. [Lytkin V. I. *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam* [Dialectological Permian languages reader]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955.]
- Лыткин 1961 — Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М.: Издательство АН СССР, 1961. [Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskii dialekt* [Komi-Yaz'va dialect]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1961.]
- Николаев 1983 — Николаев С. Л. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 68—103. [Nikolaev S. L. Towards historical morphology of the Ancient Greek verb. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1982. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 68—103.]
- Николаев 1986а — Николаев С. Л. Балто-славянская акцентная система и ее индоевропейские истоки. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. [Nikolaev S. L. *Balto-slavyanskaya aktsentnaya sistema i ee indoevropskie istoki*. Kand. diss. [Balto-Slavic accent system and its Indo-European origin. Cand. diss.]. Moscow, 1986.]
- Николаев 1986б — Николаев С. Л. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1984. М.: Наука, 1986. С. 157—208. [Nikolaev S. L. Towards historical morphology of the Ancient Greek verb. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1984. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 157—208.]
- Николаев 1989 — Николаев С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 46—109. [Nikolaev S. L. Balto-Slavic accentual system and its Indo-European origin. *Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 46—109.]
- Николаев, Старостин 1982 — Николаев С. Л., Старостин С. А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 261—343. [Nikolaev S. L., Starostin S. A. Paradigmatic classes of the Indo-European verb. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1981. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 261—343.]
- Brauner 1982 — Brauner S. Zur grammatischen Funktion prosodischer Merkmale im Bambara. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1982. Bd 35. Hf. 2. Ss. 144—149.

- Daukšos 1926 — *Daukšos Postilė*. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- Daukšos 1995 — *Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995.
- Dybo et al. 1978 — Dybo V., Nikolayev S., Starostin S. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems. *Estonian papers in phonetics*. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian S. S. R., Institute of Language and Literature, 1978. Pp. 16—20.
- Herms 1982 — Herms I. Ton und intensität in Yoruba. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1982. Bd 35. Hf. 2. Ss. 150—156.
- Jušė. — Юшкевич А. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. Т. I. СПб., 1904; Т. II. Вып. 1. Пг., 1922. [Yushkevich A. *Litovskii slovar's tolkovaniem slov na russkom i pol'skom yazykakh* [The Lithuanian dictionary with glosses in Russian and Polish]. Vol. I. St. Petersburg, 1904; Vol. II. No. 1. Petrograd, 1922.]
- Sarauw 1939 — Sarauw Chr. *Über Akzent und Silbenbildung in den älteren semitischen Sprachen*. København: Ejnar Munksgaard, 1939.
- SkŽD — Pr. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943.
- Šlap. — Šlapelis J. *Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas*. 2oji laida. Vilnius, 1940.
- Studies 1962 — *Studies in New Guinea linguistics*. Sidney: University of Sydney, 1962.

Статья поступила в редакцию 14.01.2015.

СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ГРУППЫ В БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

© 2015 г.

Екатерина Анатольевна Лютикова^{а,б,в},
Ася Михайловна Перельцвайг^в

^а МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ^б МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва, 109240, Россия; ^в Стэнфордский университет, Стэнфорд, США; ^в lyutikova2008@gmail.com

Статья посвящена вопросу о наличии в именных группах безартиклевых языков функциональной проекции DP (Determiner phrase, группы определителя). Опираясь на материал татарского языка, мы показываем, что внутриязыковая категоризация именных групп является предметом параметризации: некоторые, но не все именные составляющие представляют собой DP. Эта гипотеза позволяет объяснить различное поведение именных групп двух типов в ряде синтаксических контекстов, в том числе в позиции прямого дополнения, для которого характерно вариативное падежное маркирование. Мы полагаем, что аккумулятивные дополнения представляют собой DP, а немаркированные дополнения лишены соответствующей функциональной оболочки. Такой подход делает лучшие предсказания о поведении языкового материала по сравнению с представленными в литературе подходами, опирающимися на семантические или позиционные свойства объекта.

Ключевые слова: структура именной группы, вариативное маркирование объекта, татарский язык, универсальная грамматика

NOUN PHRASE STRUCTURE IN ARTICLELESS LANGUAGES: UNIVERSALITY AND VARIATION

Ekaterina A. Lyutikova^{а,б,в}, Asya Pereltsvaig^в

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; ^б Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia; ^в Stanford University, Stanford, USA; ^в lyutikova2008@gmail.com

This article is concerned with the issue of the presence of the DP projection in languages lacking articles, such as Tatar. Contrary to both the «Universal DP» and «Parameterized DP» views, we propose that some but not all noun phrases in Tatar are DPs. We show that this hypothesis accounts for clustering of properties of noun phrases in a number of syntactic positions, including the direct object position, which in Tatar exhibits the Differential Object Marking phenomenon. We argue that accusative objects are structurally DPs, whereas unmarked objects are Small Nominals (i. e. lack the DP projection). We show that this account explains the Tatar facts better than an analysis based on either semantic or positional properties of the object.

Keywords: DP structure, Differential object marking, Tatar, Universal grammar

* Работа Е. А. Лютиковой над статьей была поддержана Российским научным фондом (РНФ), проект № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

Авторы выражают искреннюю благодарность М. Бейкеру, П. В. Гращенкову и Ж. Корнфилт за заинтересованное и плодотворное обсуждение ряда аспектов данной статьи. Мы также глубоко признательны анонимным рецензентам, замечания которых позволили нам существенно уточнить и усилить аргументацию. Неоценимую помощь в сборе и анализе татарского материала нам оказали Д. Ш. Сулейманов, Р. Р. Жамалетдинова и А. М. Галиева.

1. Именные группы и универсальная грамматика

Вероятно, не будет большим преувеличением сказать, что важнейший вопрос, занимающий лингвистов с тех пор, как в лингвистику пришла идея о сравнении языков, касается проблемы общего и особенного в языке. С одной стороны, диапазон варьирования фонетических, грамматических и лексических средств, доступных конкретным языкам, заставляет задаться вопросом: «Почему языки такие разные?» С другой стороны, чем глубже и обширнее становятся наши знания о языковом разнообразии, тем отчетливее мы осознаем, что оно не безгранично и что за ним стоят универсальные принципы, регулирующие возможное и невозможное в естественном языке. В этот момент возникает второй вопрос: «Почему языки такие одинаковые?»

Основная рабочая гипотеза, принимаемая как при функционально-типологическом, так и при формально-ориентированном подходе, состоит в том, что на естественный язык накладываются определенные ограничения, имеющие вид абсолютных универсалий (принципов) или увязывающие между собой различные параметры (импликативные универсалии, иерархии, прототипы и др.). В совокупности эти ограничения формируют возможный естественный язык, в частности возможную грамматику естественного языка (универсальную грамматику). Языковое варьирование доступно лишь в тех рамках, которые задаются ее параметрами.

В этой статье мы обратимся к проблеме языкового варьирования в синтаксической структуре именной группы (ИГ). Разнообразие структурных вариантов ИГ в пределах одного языка и в языках мира ставит вопрос, в какой степени эти структурные варианты представляют собой реализацию универсальной модели. Универсален ли набор синтаксических категорий, задействованных в деривации именных конструкций, или он является предметом межязыкового варьирования? Существует ли универсальное соответствие между синтаксическими категориями и их семантическими интерпретациями? Коррелируют ли синтаксические категории с определенными наборами формальных признаков и какие из этих признаков являются конституирующими для данной синтаксической категории?

Наиболее известной универсалистской гипотезой в области формальной типологии именных групп является предположение, что иерархическая структура ИГ, где группа лексического существительного вложена в некоторое количество функциональных проекций, предопределяющих ее референциальные и количественные характеристики, является компонентом универсальной грамматики. В частности, эта гипотеза предполагает, что, несмотря на отсутствие во многих языках грамматической категории артикля, ИГ в этих языках (по крайней мере некоторые) представляют собой группу определителя (*Determiner phrase*, DP).

Научные дебаты, связанные с универсальностью DP, были в основном сосредоточены на данных славянских языков. Сторонники DP в славянских языках ([Progovac 1998; Engelhardt, Trugman 1998; Rutkowski 2002] и др.) аргументируют точку зрения, в соответствии с которой, несмотря на отсутствие в безартиклевых языках лексических единиц, непосредственно соотносимых с артиклями, именная группа имеет иерархическую структуру, так что группа лексического существительного (NP) вложена по меньшей мере в одну функциональную оболочку (DP), отвечающую за референциальные свойства именной группы и содержащую лексические единицы, создающие соответствующие интерпретации. Для противников гипотезы об универсальности DP [Zlatić 1997; Trenkić 2004; Bošković 2005; 2008; 2009; 2012; Willim 1998; 2000] наличие/отсутствие в языке категории артикля представляется синтаксическим параметром, задающим структурный тип ИГ. Соответственно, они полагают, что в отсутствие типичных представителей категории D — артиклей — такая синтаксическая категория в языке не представлена, а лексические единицы, кодирующие определенность, референтность и т. п., располагаются в проекции лексического существительного (NP) и имеют соответствующие категории

(например, прилагательные). Таким образом, в безартиклевых славянских языках референциальная семантика оказывается лишена синтаксической репрезентации в виде специальной функциональной проекции.

В серии работ А. Перельсвайг [Pereltsvaig 2006; 2007; 2013a; 2013b; 2013c] проводится мысль о внутриязыковой параметризации ИГ в отношении проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительного (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, например количественную группу (NumP). Такая типология позволяет объяснить регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся богатством функциональной структуры именные группы. Так, лишённые проекции DP именные группы обычно синтаксически инертны (неспособны контролировать анафору и PRO — нулевое подлежащее нефинитной клаузы), морфологически ущербны (не имеют полной падежной парадигмы, недоопределены в отношении категорий числа, лица) и семантически ограничены (имеют только узкую сферу действия, не допускают коллективной интерпретации и др.). Этот подход был успешно использован применительно к русскому [Pereltsvaig 2006; Kagan, Pereltsvaig 2011; Лютикова 2010] и адыгейскому [Тестелец 2014] материалу.

Настоящая статья представляет новые аргументы в пользу гипотезы об универсальности структуры ИГ и внутриязыковой параметризации функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного. Эти аргументы базируются на материале татарского языка¹ — представителя тюркской языковой семьи, члены которой единообразно являются безартиклевыми. Хотя дискуссия об универсальности DP на тюркском материале не столь представительна, как на славянском, следует упомянуть, что по крайней мере один из языков этой группы — турецкий — удостоился двух прямо противоположных трактовок. С одной стороны, турецкие данные были использованы в диссертации С. Эбни [Abney 1987] как доказательство особого статуса посессора в ИГ и его расположения в особой функциональной проекции — DP. С другой стороны, в недавней статье [Bošković, Şener 2014] на основании ряда свойств, которые турецкий язык разделяет с другими безартиклевыми языками, он был отнесен к NP-языкам. В этой связи обсуждение татарских данных представляет очевидный интерес.

Здесь мы покажем, что в татарском языке можно выделить несколько классов ИГ на основании их синтаксических и интерпретационных характеристик. Мы считаем, что основанием для этой таксономии является категориальный статус ИГ: наряду с группой лексического существительного (NP), в татарском языке возможны также промежуточные функциональные проекции (группа числа NumP, посессивная группа PossP) и максимальная именная проекция — DP. Соответственно, мы принимаем подход, согласно которому категория DP является универсальной в межъязыковом аспекте, но параметрической — во внутриязыковом аспекте: во всех языках есть DP, но не все ИГ некоторого языка (в том числе и артиклевого) являются DP.

В статье мы аргументируем тезис, что в татарском языке различные синтаксические конфигурации предполагают именные составляющие разного структурного статуса. Более того, такой морфосинтаксический феномен, как вариативное маркирование объекта (Differential object marking, DOM) в татарском языке — в отличие от турецкого или якутского — возможно объяснить только в терминах категориального статуса ИГ в позиции прямого дополнения: DP получает аккузатив и маркируется соответствующим показателем (1a), в то время как ИГ меньшей структуры — NP или NumP — остаются беспадёжными (1б).

¹ Данные, полученные нами в ходе полевой работы, относятся к мишарскому диалекту татарского языка, однако они не противоречат грамматическим описаниям, текстовым примерам и суждениям носителей, относящимся к литературному татарскому языку.

- (1) а. Алсу [_{DP} алма-ны] аша-ды.
 Алсу яблоко-АСС есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко’.
- б. Алсу [_{NP/NumP} алма] аша-ды.
 Алсу яблоко есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко / яблоки’.

Соответственно, для татарского языка мы отвергаем альтернативные анализы DOM, основывающиеся на различных структурных позициях аккумулятивного и немаркированного объекта (как предлагается в [Baker, Vinokurova 2010] для якутского) или на различных семантических признаках объекта (как предлагается в [Enç 1991] для турецкого). Обобщая эту гипотезу, мы предполагаем, что только DP должны получать падеж, в то время как именные группы меньшей структуры (SN) не нуждаются в лицензировании посредством синтаксического падежа и могут оставаться морфологически беспаджными.

Таким образом, обсуждаемые в статье данные представляют интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, они релевантны для типологии именных конструкций, в частности для внутригрупповой типологии тюркских языков. Во-вторых, они позволяют предложить новый аргумент в пользу гипотезы об универсальности DP и внутриязыковой параметризации категориального статуса ИГ; при этом следует отметить, что, в отличие от русских данных, обсуждаемых в [Pereltsvaig 2006], где DP и ИГ малой структуры варьируют во всех рассматриваемых позициях, для татарского языка выявляются синтаксические контексты, избирательные и неизбирательные в отношении категориального статуса ИГ. В-третьих, материалы, представленные в статье, важны для дискуссии о дифференцированном падежном маркировании объекта в тюркских языках; они не только позволяют предположить для татарского языка новый параметр, регулирующий DOM — категориальную природу ИГ, но и переинтерпретировать предшествующие анализы DOM в якутском и турецком языках.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы показываем, что именные группы в татарском языке могут иметь разный структурный статус: некоторые представляют собой DP, некоторые — SN. Раздел 3 посвящен анализу вариативного маркирования объекта в татарском языке в терминах структурных типов ИГ. В разделах 4 и 5 мы рассматриваем возможные альтернативы — семантическую и позиционную — и показываем их несостоятельность для анализа татарского материала. Заключает работу раздел 5.

2. Контексты и категории

Начать описание именной группы в татарском языке уместно с представления структуры именной словоформы. В примере (2) в ИГ ‘в наших детских книгах’ именная вершина несет на себе показатели числа (-лар), согласования с именным зависимым (-ыбыз) и падежа (-да). Мы предполагаем, что порядок следования аффиксов в именной словоформе отражает, в соответствии с зеркальным принципом (mirror principle [Baker 1985]), порядок вложения функциональных проекций в иерархической структуре именной группы (2б). В примере (2) NP, возглавляемая лексическим существительным, последовательно вложена в группу числа с вершиной -лар и посессивную группу, возглавляемую согласовательным показателем -ыбыз. Словоформу завершает падежный показатель -да.

- (2) а. без-нең бала-лар китап-лар-ыбыз-да
 мы-GEN ребенок-PL книга-PL-1PL-LOC
 ‘в наших детских книгах’
- б. [[без-нең бала-лар [[_{NP} китап] -лар] -ыбыз] -да]

Для уточнения структуры ИГ необходимо подробнее остановиться на именных зависимых: так, в (2) имеется два именных зависимых, но только один согласовательный показатель. В грамматических описаниях татарского языка (см., например, [Закиев (ред.)

1993; Закиев 1995; Гращенков 2007] выделяется три вида изафетных конструкций, т. е. конструкций, в которых именная составляющая является зависимой в другой именной группе: изафетная конструкция 1, 2 и 3 (ИК-1, ИК-2, ИК-3). Изафетная конструкция 1 образуется соположением зависимого и вершины (3а); в изафетной конструкции 2 вершина согласуется с зависимым (3б); наконец, в изафетной конструкции 3 зависимое выступает в форме генитива и имеет место согласование вершины с зависимым (3в).

- (3) а. агач өй
 дерево дом
 ‘деревянный дом’
- б. агач яфраг-ы
 дерево лист-3
 ‘древесный лист’
- в. агач-нын яфраг-ы
 дерево-GEN лист-3
 ‘лист (этого) дерева’

В примере (2) именные зависимые соответствуют двум изафетным конструкциям — ИК-2 (*балалар китаплары* ‘детские книги’) и ИК-3 (*безнең китапларыбыз* ‘наши книги’). Одновременное выражение показателей ИК-2 и ИК-3 в одной словоформе в татарском языке невозможно. Однако этот факт не следует интерпретировать как структурное тождество двух изафетных конструкций, поскольку возможно одновременное присутствие в ИГ зависимых обоих типов. На наш взгляд, источник подобного ограничения скорее морфологический: только один набор лично-числовых показателей может быть выражен на именной вершине. Соответственно, мы предполагаем, что зависимые в ИК-2 и ИК-3 располагаются в разных функциональных проекциях, а показатель ИК-2 в примере (2) является нулевым. Таким образом, ИГ в (2) имеет иерархическую структуру (4б). В этой структуре группа лексического существительного (NP) последовательно вложена в группу числа (NumP), в группу ИК-2, которую мы обозначаем как посессивную (PossP), и, наконец, в группу ИК-3, которая соответствует максимальной именной проекции и для которой мы выбираем обозначение DP, как это представлено в (4в). Завершает деривацию именной группы (4а) присоединение падежного показателя, который можно трактовать как вершину группы падежа (KP) либо как экспонент падежного признака ИГ. Далее мы будем для простоты исходить из того, что падеж не образует собственной проекции, но является признаком DP.

- (4) а. без-нең бала-лар китап-лар-ыбыз-да
 мы-GEN ребенок-PL книга-PL-1PL-LOC
 ‘в наших детских книгах’
- б. [[без-нең [бала-лар [[NP китап] -лар] -Ø] -ыбыз] -да]
- в. [(KP) [DP без-нең [PossP бала-лар [NumP [NP китап] -лар] -Ø] -ыбыз] -да]

(4в) представляет максимальную иерархическую структуру нерекурсивной именной группы в татарском языке. Однако не все татарские именные группы включают все функциональные проекции. Наряду с DP, в ряде синтаксических контекстов мы обнаруживаем именные группы меньшей структуры, такие как PossP, NumP, NP; некоторые конструкции подчиняют неветвящуюся именную вершину (N). Ниже мы предполагаем обосновать это утверждение.

В татарском языке имеется как минимум две конструкции, в которых мы наблюдаем неветвящуюся именную вершину. Во-первых, это именной компонент сложных предикатов, например *бүләк итү* ‘дарить’, букв. ‘подарок делать’ (пример (5а)). Он не может содержать падежный показатель (5б), иметь статус именной проформы (5в), содержать показатель множественного числа *-лар* (5г) или какие-либо модификаторы (5д).

- (5) а. Эти-се Марат-ка машина-ны бүлэк ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC подарок делать-PST
'Отец подарил Марату машину'.
- б. *Эти-се Марат-ка машина-ны бүлэк-не ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC подарок-ACC делать-PST
- в. [Контекст: Марат попросил у отца подарок.]
*Эти-се Марат-ка машина-ны ул / аны ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC он / он. ACC делать-PST
- г. *Эти-се Марат-ка машина(-лар)-ны бүлэк-лэр ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина(-PL)-ACC подарок-PL делать-PST
- д. Эти-се Марат-ка машина-ны (*яхши / *бер / *теге) бүлэк ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC хороший / один / этот подарок делать-PST

Во-вторых, примером неветвящейся именной вершины может служить зависимый элемент в ИК-1, которая используется в основном для обозначения материала (6а). Как и именной компонент сложных предикатов, он не может быть местоимением (6б), содержать показатель множественного числа (6в) или модификаторы (6г).

- (6) а. алтын йөзек
золото кольцо
'золотое кольцо'
- б. *ул / *аның йөзек
он / он. GEN кольцо
'кольцо из него'
- в. *таш-лар йорт
камень-PL дом
'дом из камней'
- г. *[чын алтын] йөзек
истинный золото кольцо
'кольцо из настоящего золота'

Следующая по размеру именная составляющая — группа лексического существительного NP — обнаруживается в контексте атрибутивизатора -лы (7). Так, именная составляющая — дополнение атрибутивизатора -лы не может быть местоимением (8а), содержать показатель множественного числа -лар (8б) или изафетный показатель (8в); но, в отличие от именного компонента сложного предиката или зависимого в ИК-1, она может ветвиться, допуская некоторые типы модификаторов (7). Обратим внимание, что NP *кара тап* [черное пятно] и *күк чәчәк* [синий цветок] в (7) нейтральны в отношении числа и допускают обе интерпретации: 'черное пятно' и 'черные пятна'; 'синий цветок' и 'синие цветы'.

- (7) а. кара тап-лы сыер
черный пятно-ATR корова
'корова с черным пятном / с черными пятнами'
- б. күк чәчәк-ле чашка
синий цветок-ATR чашка
'чашка с синим цветком / с синими цветами'
- (8) а. *ул-лы чашка
он-ATR чашка
'чашка с ним' (например, с этим рисунком)
- б. *күк чәчәк-ләр-ле чашка
синий цветок-PL-ATR чашка
'чашка с синими цветами'

- в. *бала рәсем-е-ле чашка
 ребенок рисунок-3-ATR чашка
 ‘чашка с детским рисунком’

Следующую по размеру составляющую, выявляемую на основании синтаксической селекции контекста, мы наблюдаем в позиции зависимого в ИК-2. В отличие от ИК-1, зависимый элемент в ИК-2 допускает ветвление и может содержать показатель числа *-лар* (9а). Более того, зависимая группа в ИК-2 может сама являться ИК-2 (9б). Однако существуют и ограничения на структурный статус зависимого в ИК-2: оно не может быть местоимением (9в) или именем собственным (9г). Таким образом, можно заключить, что зависимое в ИК-2 является именной группой малой структуры, а именно — PossP из схемы (4в).

- (9) а. кырсаk-лы хатын-нар кием-е
 живот-ATR женщина-PL одежда-3
 ‘одежда для беременных женщин’
 б. бала-лар хастаханә-се табиб-ы
 ребенок-PL больница-3 врач-3
 ‘врач детской больницы’
 в. *мин дэфтәр-ем
 я тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
 г. *Зөфәр ата-сы
 Зуфар папа-3
 ‘папа Зуфара’ [Гращенков 2007: 84]

Наконец, максимальная именная проекция — DP — допустима во всех аргументных позициях; в пределах ИГ мы обнаруживаем DP в роли зависимого в ИК-3. Действительно, в ИК-3 мы не наблюдаем никаких ограничений на структуру зависимого: в частности, в этой позиции возможно и личное местоимение, и имя собственное (10а—б).

- (10) а. минем дэфтәр-ем
 я.GEN тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
 б. Марат-ның дэфтәр-е
 Марат-GEN тетрадь-3
 ‘тетрадь Марата’

Если зависимое в ИК-3 является DP, то ИК-3 сама по себе представляет собой DP, поскольку ИК-3 может выступать зависимым только в ИК-3, но не в ИК-2:

- (11) а. ИК-2:
 *[_{PossP} [_{DP} укучы-ның дэфтәр-ләр-е] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’
 б. ИК-3:
 [_{DP} [_{DP} укучы-ның дэфтәр-ләр-е-нен] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’

Следует заметить, что DP может выступать и компонентом некоторых атрибутивизаторов. Выше мы видели, что морфема *-лы* не способна атрибутивизировать именные составляющие, большие, чем NP; однако другие атрибутивизаторы не столь избирательны в отношении своего зависимого. Так, например, атрибутивизатор *-гы* адъективизирует локативную падежную форму DP.

- (12) а. [NP ...]-лы N
 б. [DP ...]LOC-зы N

Дополнением атрибутивизатора -зы могут выступать личные местоимения (13а), имена собственные (13б) и ИК-З (13в). Как и следовало ожидать, максимальная именная проекция, вложенная под атрибутивизатор -зы, способна содержать все возможные модификаторы и показатель множественного числа -лар (13г).

- (13) а. миндә-ге яңалык-лар
 я.LOC-ATR новость-PL
 ‘имеющиеся у меня новости’
 б. Казан-да-гы Универсиада
 Казань-LOC-ATR универсиада
 ‘Универсиада в Казани’
 в. Марат-ның шәһәр-е-ндә-ге хастаханә
 Марат-GEN город-3-LOC-ATR больница
 ‘больница в (родном) городе Марата’
 г. бу китап-лар-ы-нда-гы тикшеренү-ләр
 этот книга-PL-3-LOC-ATR исследование-PL
 ‘исследования, содержащиеся в этих его книгах’

3. Структурный анализ DOM в татарском языке

В предыдущем разделе мы обосновали утверждение, что именные группы в татарском языке могут различаться с точки зрения функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного. В данном разделе мы предполагаем показать, что эти различия предопределяют вариативное маркирование объекта (DOM). Наша гипотеза состоит в том, что аккузативный показатель оформляет только DP (14а), в то время как именные группы неполной структуры остаются немаркированными (14б)². Ниже мы представим данные, свидетельствующие в пользу предлагаемого анализа.

- (14) а. Алсу [DP алма-ны] аша-ды.
 Алсу яблоко-ACC есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко’.
 б. Алсу [NP/NumP алма] аша-ды.
 Алсу яблоко есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко / яблоки’.

Начнем с аргумента, связанного с сочинением. Как показывает (15а), аккузативное и немаркированное прямое дополнение не могут быть сочинены, что предположительно свидетельствует об их различном категориальном статусе. Если немаркированный объект предшествует аккузативному, как в (15б—в), конструкция грамматична, однако в таких примерах имеет место не сочинение немаркированного и аккузативного дополнений, а групповая флексия, использование которой в других падежах мы можем наблюдать в (15г—д).

² Анонимный рецензент справедливо отметил, что предлагаемый нами анализ может быть связан с определенными техническими трудностями, если исходить из традиционного генеративного анализа приписывания структурного падежа как следствия согласования источника падежа с ИГ-дополнением. Мы, однако, полагаем, что особенность структурного падежа состоит в том, что он может оставаться неприписанным, а признаки вершины-источника падежа при этом означиваться по умолчанию. В любом случае эта проблема неспецифична для данной конструкции татарского языка; например, в русском предложении *С каждого дерева упало по пять груш* дистрибутивная предложная группа *по пять груш* в позиции подлежащего не контролирует предикативное согласование и, по-видимому, не получает именительный падеж.

- (15) а. *Марат китап-ны һәм газет сат-ып ал-ды.
Марат книга-ACC и газета продавать-CONV брать-PST
'Марат купил (определенную) книгу и газету/газеты'.
- б. Марат [китап һәм газет]-не сат-ып ал-ды.
Марат книга и газета-ACC продавать-CONV брать-PST
'Марат купил (определенные) книгу и газету'.
- в. [татар тел-е һәм әдәбият-ы]-н укы-т-у программа-сы
татарин язык-3 и литература-3-ACC учить-CAUS-NMN программа-3
'программа обучения татарскому языку и литературе'
- г. [мәдәният һәм сәнгать]-кә битарафлык күр-сәт-ү
культура и искусство-DAT равнодушие видеть-CAUS-NMN
'проявление равнодушия к культуре и искусству'
- д. [бөтен-дөнья һәм Россия]-дә
весь-мир и Россия-LOC
'во всем мире и в России'

Следующий аргумент в пользу нашей гипотезы опирается на тот факт, что варьирование падежного оформления объекта (и, тем самым, минимальные пары типа (14а—б)) не всегда возможно. Аккузативный показатель обязательно оформляет те именные группы, которые по своему синтаксическому статусу или вследствие наличия в их составе определенных элементов ассоциируются с уровнем DP. Так, прямые дополнения, выраженные местоимениями (16а), личными именами (16б) и ИК-3 (16в), а также прямые дополнения, содержащие сильные кванторы, например *һәр* 'каждый' или *ике...* *дә* 'оба' (16г), и указательные местоимения (16д), обязательно получают падежное оформление:

- (16) а. Марат кем-*(не) күр-де?
Марат кто-ACC видеть-PST
'Кого увидел Марат?'
- б. Алсу Марат-*(ны) чакыр-ды.
Алсу Марат-ACC звать-PST
'Алсу позвала Марата'.
- в. Марат эти-се-нең машина-сы-*(н) сат-ты.
Марат отец-3-GEN машина-3-ACC продавать-PST
'Марат продал отцовскую машину'.
- г. Марат һәр бирем-*(не) чиш-те.
Марат каждый задача-ACC решить-PST
'Марат решил каждую задачу'.
- д. Марат бу машина-*(ны) сат-ып ал-ды.
Марат этот машина-ACC продавать-CONV брать-PST
'Марат купил эту машину'.

Наконец, третий аргумент в пользу структурного анализа DOM в татарском языке состоит в том, что немаркированные прямые дополнения демонстрируют набор синтаксических и семантических свойств, составляющих «профиль» именных групп неполной структуры, предложенный в [Pereltsvaig 2006; 2013c]. Во-первых, татарские немаркированные прямые дополнения не могут иметь индивидуализированную, специфическую, паритивную или анафорическую интерпретацию. Например, использование (17б), в отличие от (17а), в подразумеваемом анафорическую отсылку контексте неадекватно:

- (17) Контекст: У нас есть кошка и собака.
- а. Мин күбесенчә эт-не ярат-а-м.
я больше собака-ACC любить-PRS-1SG
'Я больше люблю собаку'.

- б. #Мин күбесенчэ эт ярат-а-м.
я больше собака любить-PRS-1SG
#‘Я больше люблю собак / (какую-то) собаку’.

Во-вторых, немаркированные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия по отношению к другим кванторам (18а) или отрицанию (18б)³.

- (18) а. Һәр укучы ике китап укы-ды.
каждый ученик два книга читать-PST
‘Каждый ученик прочитал по две книги’ ($\forall > 2$, $*2 > \forall$).
 $\forall > 2$: для каждого ученика существует две книги, которые он прочитал
 $*2 > \forall$: существуют две книги, которые прочитал каждый ученик
- б. Марат ике китап укы-ма-ды.
Марат два книга читать-NEG-PST
‘Марат не прочитал (и) двух книг’ ($\text{Neg} > 2$, $*2 > \text{Neg}$).
 $\text{Neg} > 2$: неверно, что Марат прочитал две книги
 $*2 > \text{Neg}$: существуют две книги, которые Марат не прочитал

Хотя немаркированное прямое дополнение может содержать показатель множественного числа *-лар* и иметь в этом случае множественную семантику, при отсутствии показателя множественного числа немаркированное прямое дополнение демонстрирует числовую нейтральность (19а—б). Как отмечается в [Pereltsvaig 2013a; 2013b], факты такого рода свидетельствуют об отсутствии в именной группе синтаксической проекции числа. В отличие от немаркированных прямых дополнений, аккузативные прямые дополнения в отсутствие показателя множественного числа *-лар* интерпретируются только как имеющие единственное число (19в).

- (19) а. Алсу кызыл алма аша-ды.
Алсу красный яблоко есть-PST
‘Алсу ела {красное яблоко / красные яблоки}’.
- б. Алсу кызыл алма-лар аша-ды.
Алсу красный яблоко-PL есть-PST
‘Алсу ела {красное яблоко / красные яблоки}’.
- в. Алсу кызыл алма-ны аша-ды.
Алсу красный яблоко-ACC есть-PST
‘Алсу ела {красное яблоко / *красные яблоки}’.

Наконец, в отличие от аккузативных прямых дополнений, немаркированные прямые дополнения не могут контролировать синтаксическую анафору; в частности, они не могут выступать контролерами PRO (20а) или связывать анафоры — рефлексивы и реципроки (20б). Следует заметить, что диагностика контекстов такого рода в татарском языке затруднена: немаркированное прямое дополнение тяготеет к предглагольной позиции, что вынуждает исследователя либо размещать PRO и рефлексивы за глаголом (что для татарского языка является коммуникативно нагруженной опцией), либо прибегать к катафоре. Тем не менее контраст по грамматичности с аналогично составленными примерами, в которых представлено аккузативное прямое дополнение, позволяет заключить, что неприемлемость немаркированного прямого дополнения в качестве контролера синтаксической анаформы действительно связана с его собственными свойствами.

- (20) а. Марат бала-лар-*(ны)_i жибәр-де [PRO_i ук-ырга].
Марат ребенок-PL-ACC посылать-PST учиться-INF
‘Марат отправил детей учиться’.

³ Аналоги примеров (18а—б) с показателем аккузатива неоднозначны в отношении сферы действия прямого дополнения.

- б. Марат бала-*(ны), жибәр-де үзе-нең, ту-ган көн-е-нең бәйрәм-е-нә.
 Марат ребенок-ACC посылать-PST REFL.3-GEN родиться-PART день-3-GEN праздник-3-DAT
 ‘Марат отправил ребенка, на празднование его, дня рождения’.

Итак, аккумулятивные и немаркированные прямые дополнения различаются по своей структуре: дополнения, имеющие статус DP, получают падежное маркирование, а немаркированные дополнения проявляют свойства ИГ малой структуры. Ниже мы рассмотрим два альтернативных анализа вариативного маркирования объекта, предлагавшихся для других тюркских языков, и покажем, что они не могут быть реализованы для татарского языка.

4. Семантические соображения

Альтернативный анализ DOM, базирующийся не на структурных, а на семантических различиях маркированного и немаркированного прямого дополнения, был предложен для турецкого языка в [Enç 1991] и затем адаптирован для других языков, например для иврита [Danon 2006]. Такой тип анализа предполагает, что маркированное дополнение является специфичным (specific)/определенным/референтным, в то время как немаркированное дополнение не обладает этим свойством. Соответственно, падежное маркирование отражает семантическую характеристику объектной именной группы.

Грамматики татарского языка и исследования, посвященные проблеме падежного маркирования дополнения, также, очевидно, исходят из того, что семантика предопределяет выбор формы прямого дополнения, причем релевантным признаком оказывается определенность: «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа... Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса...» [Закиев 1995: 119]. «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете» [Вильданова, Гарипов 1988: 39]. В разделе 3 мы видели, что немаркированные дополнения действительно связаны с неопределенной, неспецифичной семантикой. Тем не менее мы полагаем, что анализ в духе [Enç 1991] не применим к татарскому языку.

Проблематичным для семантической альтернативы является поведение ИК-3 в позиции прямого дополнения. Как было указано выше, такие дополнения обязательно маркируются аккумулятивом. Однако они могут одновременно иметь неопределенную и даже неспецифичную интерпретацию и демонстрировать узкую сферу действия по отношению к другим кванторным группам или операторам, как это представлено в (21а—б). Например, предложение (21а) может иметь две интерпретации: ‘Два конкретных стихотворения Тукая были прочитаны каждым учеником’ или ‘Каждый ученик прочитал по два (каких-либо) стихотворения Тукая’. Аналогично (21б) может значить ‘Есть фотография Алсу, которую Марат не видел’ либо ‘Неверно, что Марат видел (какую-либо) фотографию Алсу’. В обоих примерах доступность второй интерпретации входит в противоречие с основной гипотезой семантического подхода. Поскольку наличие показателя аккумулятива на прямом дополнении не гарантирует референтной/специфичной/определенной интерпретации, семантическая альтернатива должна быть отвергнута.

- (21) а. һәр укучы Тукай-ның ике шигыр-е-*(н) укы-ды.
 Каждый ученик Тукай-GEN два стихотворение-3-ACC читать-PST
 ‘Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая’ ($2 > \forall$ или $\forall > 2$).
 б. Марат Алсу-ның фотография-се-*(н) күр-ме-де.
 Марат Алсу-GEN фотография-3-ACC видеть-NEG-PST
 ‘Марат не видел фотографии Алсу’ (Neg $> \exists$ или $\exists > \text{Neg}$).

Добавим, что и для турецкого языка преимущества семантического подхода не столь однозначны. Гипотеза о специфичности как факторе, регулирующем DOM в турецком языке, как отмечает сама М. Энч, а также Ж. Корнфилт [Kornfilt 1990; 2003; 2008], работает не для всех ИГ, а только для тех, которые в принципе допускают и падежный, и беспадежный варианты. При этом некоторые типы ИГ в турецком языке обязательно должны получать падежное оформление в позиции прямого дополнения: в частности, к ним относятся посессивные ИК-3, а также расщепленные кванторные конструкции, которые оформляются как ИК-3:

- (22) Ali kadın-lar-in iki-sin-*(i) tanı-yor-du.
 Али женщина-PL-GEN два-3-ACC знать-PROG-PST
 ‘Али знал двух из (этих) женщин’ [Enç 1991: (28)].

Насколько можно судить по текстам, маркированные показателем аккузатива ИК-3 в позиции прямого дополнения в турецком языке далеко не всегда специфичны, ср. примеры (23а—в)⁴:

- (23) а. (Контекст: Конечно, он мог бы найти что-нибудь, что бы уронило Адриано в глазах Филиз.)
Adriano'-nun kusur-u-nu ağaу-acak-tı.
 Адриано-GEN недостаток-3-ACC искать-FUT-PST
 ‘(Он) намеревался искать (какой-нибудь) недостаток Адриано’.
- б. **Kim-se-nin de yuvas-ı-nı** yık-ma-m.
 кто-3-GEN NPI гнездо-3-ACC разрушать-NEG.PRS-1SG
 ‘(Я) ничего гнезда не разрушу’.
- в. **Adriano'-nun cevab-ı-nı** bekle-me-den lokanta kısm-ı-na geç-ti-ler.
 Адриано-GEN ответ-3-ACC ждать-NEG-CONV столовая часть-3-DAT проходить-PST-PL
 ‘Не ожидая ответа Адриано, они прошли в сектор столовой’.

В (23а) аккузативное прямое дополнение находится в сфере действия интенционального предиката и модальности и имеет интерпретацию *de dicto*; такого рода ИГ не являются специфичными в концепции М. Энч и не являются референтными в более привычных терминах. В (23б) прямое дополнение содержит отрицательно-полярную единицу *kimse de* ‘никто’ и тем самым заведомо находится в сфере действия сентенциального отрицания; а специфичные ИГ должны иметь более широкую сферу действия, чем отрицание. Наконец, в (23в) над аккузативным прямым дополнением семантически доминируют интенциональный предикат и отрицание; ИГ *Adriano'nun cevabını* ‘ответ Адриано’ в этом контексте не предполагает никакого референта, в том числе и специфичного.

Таким образом, в турецком языке специфичность может выступать как фактор, определяющий выбор аккузатива, только для части ИГ, а именно для тех, которые в принципе допускают и немаркированную форму. В том случае, когда использование показателя аккузатива с данной ИГ обязательно, аккузатив не связан со специфичностью. Если учесть, что в турецком языке список ИГ, требующих аккузатива вне зависимости от семантических характеристик, формулируется в структурных терминах (это в первую очередь ИК-3), семантическая альтернатива не кажется убедительной не только для татарского, но и для турецкого языка.

5. Позиционная альтернатива

В предыдущем разделе мы показали, что вариативное маркирование объекта в татарском языке не может быть объяснено исключительно в семантических терминах. В данном разделе мы рассмотрим еще одну альтернативную теорию, в которой варьирование падежной и беспадежной форм соотносится со структурной позицией объекта. В соответствии

⁴ Источником примеров (23а—в) является новелла «Ağlama gözlerim» («Не плачьте, мои глаза») турецкого писателя Ханзаде.

с этим подходом немаркированные прямые дополнения располагаются *in situ*, внутри глагольной группы, в то время как аккузативные прямые дополнения претерпевают подъем и оказываются вне глагольной группы. Подобный анализ был предложен, например, для вариативного маркирования объекта в якутском языке [Baker, Vinokurova 2010: 599—602]. Аналитическим вариантом позиционной альтернативы является анализ, предполагающий частичную инкорпорацию («псевдоинкорпорацию») ИГ-дополнения в глагол [Massam 2001; Baker 2009]. Псевдоинкорпорированные и свободные дополнения отличаются не только структурной позицией, но и степенью структурной сложности, что объединяет данный подход с тем, который представлен в этой статье. Однако при анализе с псевдоинкорпорацией синтаксическая структура объекта однозначно коррелирует с его структурной позицией: именные группы малой структуры псевдоинкорпорированы в глагол, именные группы полной структуры покидают глагольную группу.

Позиционный подход правильно предсказывает для татарского языка фиксированную линейную позицию немаркированного прямого дополнения: оно должно располагаться строго в предглагольной позиции, т. е. достаточно низко в структуре глагольной группы (ср. (24)):

- (24) а. Марат бала-га тиз яңа китап укы-ды.
Марат ребенок-DAT быстро новый книга читать-PST
'Марат быстро прочитал ребенку новую книгу'.
б. *Марат балага яңа китап тиз укыды.
в. *Марат тиз яңа китап балага укыды.
г. *Балага яңа китап Марат укыды.

Однако поведение аккузативных прямых дополнений противоречит позиционной теории: они могут располагаться не только вне, но и внутри глагольной группы, предположительно в той же позиции, что и немаркированные прямые дополнения. В частности, они встречаются правее не прямых дополнений и наречий образа действия, таких как 'быстро', которые, как считается, указывают на границу глагольной группы⁵. В этом отношении татарский отличается от якутского, где, как показывают М. Бейкер и Н. Винокурова [Baker, Vinokurova 2010], подобные примеры неграмматичны (ср. якутский пример (25а) [Ibid.: 602] и татарские текстовые примеры (25б—в)⁶).

- (25) а. *Masha turgennik salamaat-y sie-te.
Маша быстро каша-ACC есть-PAST.3.SG
'Маша быстро съела кашу'⁷.
б. Тиз-тиз китап-лар-ны актар-ды-м,
быстро-быстро книга-PL-ACC ворошить-PST-1SG
интернет-тан төрлө мәгълүмат-лар-ны кара-ды-м.
интернет-ABL разный сведения-PL-ACC смотреть-PST-1SG
'[Я проснулась в холодном поту.] Быстро-быстро книги полистала, из Интернета разные сведения посмотрела'.
в. Мин бик тиз аны ач-ты-м.
я очень быстро он.ACC открывать-PST-1SG
'[Тут нам начали раздавать подарки.] Я очень быстро его открыла'.

⁵ Анонимный рецензент отметил, что сопоставление структурной позиции наречия в якутском и татарском языке неправомерно; действительно, более правильным было бы утверждать, что для татарского языка нам не удалось обнаружить таких составляющих, которые бы обязательно располагались левее немаркированного дополнения, но правее маркированного дополнения.

⁶ Татарские примеры (25б—в), а также (28а) ниже взяты из татароязычного сегмента сети Интернет.

⁷ М. Бейкер и Н. Винокурова отмечают, что (25а) возможно только при контрастивном выделении объекта. Очевидно, что в татарских примерах (25б—в) речь о контрастивном выделении не идет.

Таким образом, мы полагаем, что аккумулятивные прямые дополнения в татарском языке могут располагаться в своей базовой позиции, внутри глагольной группы.

Другая гипотеза позиционного подхода состоит в том, что немаркированные дополнения имеют более тесную связь с глаголом, чем прочие именные группы в аргументных позициях [Massam 2001; Dayal 2011; Baker 2009]. В частности, предполагается, что специфическая семантика псевдоинкорпорированных дополнений (узкая сфера действия, числовая нейтральность) связана с тем, что они не заполняют аргументной позиции при глаголе, а скорее модифицируют значение глагола, лишая его при этом соответствующей валентности.

Что касается татарского языка, то едва ли немаркированные прямые дополнения образуют нечто вроде коллокации с глаголом. Намного более подходящий кандидат на то, чтобы считаться (псевдо)инкорпорированным в глагол, — это именной компонент сложного предиката (см. раздел 2). Во-первых, примечательно его поведение в каузативной конструкции. Если каузативная конструкция образуется на базе непереходного сложного предиката с переходным легким (полувспомогательным) глаголом, каузируемый получает аккумулятив; таким образом, именной компонент сложного предиката не участвует в конкуренции за падеж (26а). Напротив, при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется аблативом, даже если прямое дополнение исходного глагола не маркировано (26б—в). По-видимому, это свидетельствует о том, что именной компонент сложного предиката и немаркированное прямое дополнение занимают различные структурные позиции в глагольной области.

- (26) а. Укыгучы укучы-ны/*-дан хезмэт ит-тер-де.
учитель ученик-ACC/*-ABL труд делать-CAUS-PST
'Учитель заставил ученика трудиться'.
- б. Мин Марат-тан/*-ны китап-ны ал-дыр-ды-м.
Я Марат-ABL/*-ACC книга-ACC брать-CAUS-PST-1SG
'Я заставил Марата купить книгу'.
- в. Мин Марат-тан/*-ны китап ал-дыр-ды-м.
Я Марат-ABL/*-ACC книга брать-CAUS-PST-1SG
'Я заставил Марата купить книгу/книги'.

Во-вторых, именные компоненты сложных предикатов не могут составлять сферу действия фокусных частиц, например *-гына*, в то время как немаркированные прямые дополнения допускают фокусирование при помощи данной частицы. Так, (27а) допускает прочтение, при котором фокусируется только прямое дополнение, а также последовательный ряд интерпретаций, связанных с экспансией ремы. В (27б) именной компонент сложного предиката, несмотря на позицию фокусной частицы, входит в ее сферу действия только вместе с легким глаголом; экспансии ремы на глагольную группу не происходит.

- (27) а. Эти-м миңа машина гына ал-ган и-кән!
отец-1SG я.DAT машина EMPH брать-PF AUX-PF
'Оказывается, отец купил мне машину!'
'Оказывается, отец мне купил машину!'
'Оказывается, отец купил мне машину!'
'Оказывается, отец купил мне машину!'
- б. Эти-м миңа машина булэк кенә ит-кән и-кән!
отец-1SG я.DAT машина подарок EMPH делать-PF AUX-PF
'Оказывается, отец мне машину подарил!'
* 'Оказывается, отец мне подарил машину!'

Наконец, в-третьих, немаркированные прямые дополнения могут выступать антецедентами текстовой анафоры (хотя и, как мы видели выше, неспособны к связыванию или контролю синтаксической анафоры), см. (28а). Напротив, именные компоненты сложных

предикатов в подобных конструкциях выступать не могут: например, в (28б) анафорическое местоимение отсылает к ситуации ‘заставлять студента работать’, а не собственно к *хезмэт* ‘работа’.

- (28) а. Сөз **китап-лар** ук-ырга ярат-а-сыз
 вы книга-PL читать-INF любить-PRS-2PL
 һәм **а-лар-ны** сакла-п тот-а-сыз.
 и он-PL-ACC беречь-CONV держать-PRS-2PL
 ‘Вы любите читать книги и храните их бережно’.
- б. Укытучы укучы-ны **хезмэт** ит-тер-де.
 учитель ученик-ACC труд делать-CAUS-PST
 Ул бик файдалы эш.
 он очень важный дело
 ‘Учитель заставил ученика трудиться. Это очень важно’.
 *‘Учитель заставил ученика трудиться. Он (труд) очень важен’.

Таким образом, татарские данные не поддерживают позиционный подход к вариативному маркированию объекта: с одной стороны, аккузативные прямые дополнения могут располагаться *in situ*, в пределах глагольной группы; с другой стороны, немаркированные дополнения также не демонстрируют синтаксических или семантических признаков того, что они располагаются в особой структурной позиции, отличной от базовой позиции дополнения.

6. Структура именной группы, позиция и семантика

В данной статье предлагается анализ вариативного маркирования объекта в татарском языке в терминах структурных характеристик соответствующей именной группы: ИГ полной структуры (DP) получают падеж, а ИГ неполной структуры (SN) остаются беспадеежными. Тем самым, к типологии факторов — лицензоров DOM добавляется еще один — категориальный статус именной группы.

Мы также рассмотрели две возможные аналитические альтернативы — семантический подход, увязывающий падежное маркирование с такими семантическими характеристиками ИГ, как определенность/референтность/специфичность, и позиционный подход, предполагающий, что маркированные и немаркированные прямые дополнения располагаются в разных структурных позициях. На основании представленных в статье языковых данных эти варианты анализа, предлагавшиеся для других тюркских языков, были отвергнуты для татарского языка.

Интересно, однако, что оба рассмотренных подхода демонстрируют частичное пересечение с нашей гипотезой в своей объяснительной силе. В частности, позиционный подход, располагающий немаркированное прямое дополнение в базовой позиции [Baker, Vinokurova 2010] делает те же предсказания о его синтаксических свойствах, что и наша гипотеза. Семантический подход верно характеризует татарское немаркированное прямое дополнение как неопределенное/нереферентное/неспецифичное в тех случаях, когда оно находится в сфере действия других операторов, причем его конкретный референциальный статус, очевидно, определяется типом этих операторов. Иными словами, немаркированное прямое дополнение всегда находится в своей базовой позиции и имеет соответствующую ей (т. е. наиболее узкую из всех возможных) сферу действия.

Легко видеть, что предлагаемая в данной статье гипотеза о структурных коррелятах DOM лежит в основе как семантически, так и позиционно ориентированных моделей. Именные группы неполной структуры, у которых отсутствует функциональная проекция DP, оказываются лишены связанных с данной проекцией семантических и синтаксических свойств: способности к видимому (синтаксическому) передвижению, меняющему их линейную позицию; способности к скрытому (логическому) передвижению, позволяющему получить

более широкую сферу действия, чем та, которая определяется их исходной позицией; способности к получению падежа.

Если наша гипотеза верна, то отличия между татарским и якутским языком определяются не конкретным лицензором DOM (категориальный статус ИГ в татарском и структурная позиция в якутском), а правилами приписывания аккузатива: в татарском языке объектная DP получает падеж *in situ*, в то время как в якутском языке этот процесс связан с обязательным подъемом из глагольной группы. Турецкий материал также на первый взгляд допускает интерпретацию, при которой семантическая специфика немаркированных прямых дополнений выводима из их неспособности к передвижению в логической структуре. Конечно, в обоих случаях необходимы дополнительные исследования, однако нельзя не отметить, что предлагаемый нами подход позволяет единообразно объяснить феномен вариативного падежного маркирования объекта в трех рассмотренных тюркских языках. Как кажется, такой подход при прочих равных предпочтительнее гипотезы о том, что сходные явления близкородственных языков имеют принципиально разные источники и мотивированы разными синтаксическими и семантическими оппозициями.

Наконец, возвращаясь к проблеме, с которой мы начали обсуждение, — проблеме структуры именной группы — можно заключить, что татарские данные свидетельствуют в пользу единой модели устройства ИГ, в которой различаются как минимум проекция лексического существительного и функциональная оболочка, отвечающая за ее референциальные и квантификационные свойства. Наличие или отсутствие в языке артикля не оказывает существенного влияния на синтаксическую репрезентацию семантической информации в именной группе, а значит, скорее является фактом, характеризующим лексикон, чем представляет из себя макропараметр, предопределяющий устройство грамматики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ATR — атрибутивизатор, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — каузатив, CONV — конверб, DAT — датив, EMPH — эмфатическая частица, FUT — будущее время, GEN — генитив, INF — инфинитив, LOC — локатив, NEG — отрицание, NMN — номинализатор, NPI — отрицательно-полярная единица, PART — причастие, PF — перфектив, PL — множественное число, PROG — прогрессив, PRS — презенс, PST — прошедшее время, REFL — рефлексив, SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вильданова, Гарипов 1988 — Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 36—41. [Vil'danova N. G., Garipov T. M. One zero case or zero forms of different cases? *Sovetskaya tyurkologiya*. 1988. No. 4. Pp. 36—41.]
- Гращенко 2007 — Гращенко П. В. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 83—114. [Grashchenkov P. V. Ezafet construction: multivariate analysis. *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike*. Kazan: Magarif, 2007. Pp. 83—114.]
- Закиев 1995 — Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. Казань: Татарское книжное издательство, 1995. [Zakiev M. Z. *Tatarskaya grammatika. T. 3. Sintaksis*. [Tatar grammar. Vol. 3. Syntax]. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1995.]
- Закиев (ред.) 1993 — Закиев М. З. (ред.). Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. [Zakiev M. Z. (ed.). *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya*. [Tatar grammar. Vol. II. Morphology]. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1993.]
- Лютикова 2010 — Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 9. С. 36—76. [Lyutikova E. A. On the categorial status of noun phrases in Russian. *Vestnik Moskovskogo Univ. Ser. 9: Filologiya*. 2010. No. 9. Pp. 36—76.]

- Тестелец 2014 — Тестелец Я. Г. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алтейя, 2014. С. 536—551. [Testelecs Ya. G. The structure of noun phrases and the problem of case alternation in Circassian languages. *Yazyk. Konstanty. Peremennyye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 536—551.]
- Abney 1987 — Abney S. *The English noun phrase in its sentential aspect*. PhD thesis. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1987.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. Pp. 373—416.
- Baker 2009 — Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? *Lingua*. 2009. Vol. 119. Pp. 148—165.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. Pp. 593—642.
- Bošković 2005 — Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP. *Studia Linguistica*. 2005. Vol. 59. No. 1. Pp. 1—45.
- Bošković 2008 — Bošković Ž. What will you have, DP or NP? *Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society*. Elfner E., Walkow M. (eds). Amherst (MA): GLSA, 2008. Pp. 101—114.
- Bošković 2009 — Bošković Ž. More on the no-DP analysis of article-less languages. *Studia Linguistica*. Vol. 63. No. 2. Pp. 187—203.
- Bošković 2012 — Bošković Ž. On NPs and clauses. *Discourse and grammar: From sentence types to lexical categories*. Arewendort G., Zimmermann T. E. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 179—242.
- Bošković, Şener 2014 — Bošković Ž., Şener S. Turkish NP. *Crosslinguistic studies on nominal reference: with and without articles*. Cabredo Hofherr P., Zribi-Hertz A. (eds). Leiden: Brill, 2014. Pp. 102—140.
- Danon 2006 — Danon G. Caseless nominals and the projection of DP. *Natural language and linguistic theory*. 2006. Vol. 24. Pp. 977—1008.
- Dayal 2011 — Dayal V. Hindi pseudo-incorporation. *Natural language and linguistic theory*. 2011. Vol. 29. Pp. 123—167.
- Enç 1991 — Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. Pp. 1—26.
- Engelhardt, Trugman 1998 — Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics*. Bošković Ž., Franks S., Snyder W. (eds). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1998. Pp. 114—133.
- Kagan, Pereltsvaig 2011 — Kagan O., Pereltsvaig A. Syntax and semantics of bare NPs: Objects of intensive reflexive verbs in Russian. *Empirical Issues in syntax and semantics*. Bonami O., Cabredo Hofherr P. (eds). 2011. Vol. 8. Pp. 221—237.
- Kornfilt 1990 — Kornfilt J. Remarks on headless partitives and case in Turkish. *Grammar in progress; GLOW essays for Henk van Riemsdijk*. Mascaró J., Nespor M. (eds). 1990. Vol. 30. Dordrecht: Foris. Pp. 285—303.
- Kornfilt 2003 — Kornfilt J. Scrambling, subscrambling, and case in Turkish. *Word order and scrambling*. Karimi S. (ed.). Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 125—155.
- Kornfilt 2008 — Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. *Differential subject marking*. De Hoop H., de Swart P. (eds). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 79—111.
- Massam 2001 — Massam D. Pseudo incorporation in Niuean. *Natural language and linguistic theory*. 2001. Vol. 19. Pp. 153—197.
- Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small nominals. *Natural language and linguistic theory*. 2006. Vol. 24. Pp. 433—500.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. On the universality of DP: a view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59—94.
- Pereltsvaig 2013a — Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages without articles. *Proceedings of BLS 37*. Berkeley (CA): University of California, 2013. Pp. 300—314.
- Pereltsvaig 2013b — Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages with and without articles. *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference*. Cabredo Hofherr P., Zribi-Hertz A. (eds). Leiden: Brill, 2013. Pp. 52—72.
- Pereltsvaig 2013c — Pereltsvaig A. Noun phrase structure in article-less Slavic languages: DP or not DP? *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. Pp. 201—219.
- Progovac 1998 — Progovac L. Determiner phrase in a language without determiners. *Journal of Linguistics*. 1998. Vol. 34. Pp. 165—179.

- Rutkowski 2002 — Rutkowski P. Noun/pronoun asymmetries: evidence in support of the DP hypothesis in Polish. *Jezikoslovlje*. 2002. Vol. 3. Pp. 159—170.
- Trenkić 2004 — Trenkić D. Definiteness in Serbian/Croatian/Bosnian and some implications for the general structure of the nominal phrase. *Lingua*. 2004. Vol. 114. Pp. 1401—1427.
- Willim 1998 — Willim E. On the DP-hypothesis in Polish, an article-less language. *Projections and mapping: Studies in syntax*. Stalmaszczyk P. (ed.). Lublin: Folium, 1998. Pp. 137—158.
- Willim 2000 — Willim E. On the grammar of Polish nominal. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 319—346.
- Zlatić 1997 — Zlatić L. *The structure of the Serbian noun phrase*. Doct. diss. Austin: Univer. of Texas at Austin, 1997.

Статья поступила в редакцию 29.09.2014.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ
В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале готского, древнеисландского
и древневерхненемецкого языков)**

© 2015 г. Ирина Владимировна Новицкая

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, 634050, Россия
irno2012@yandex.ru

Статья представляет результаты исследования границ распространения однокоренных разно-оформленных существительных с тождественной или близкой семантикой в древнегерманских языках (готском, древнеисландском, древневерхненемецком). В соответствии с современным уровнем разработанности теории синонимии (для разноуровневых единиц) указанные древнегерманские существительные квалифицируются как однокоренные словообразовательные синонимы. В исторической германистике предложено несколько подходов к объяснению факта существования однокоренных словообразовательных синонимов (Э. Бенвенист, О. А. Осипова, Н. Б. Пименова и др.), общим для которых является признание семантического противопоставления в парах и рядах словообразовательных синонимов. На основе метода сплошной выборки в трех древнегерманских языках выделены все пары и ряды однокоренных словообразовательных синонимов, распределены по типам их парадигматических противопоставлений. Это позволило выявить наиболее эмпирически продуктивные словообразовательные типы в парах/рядах однокоренных словообразовательных синонимов и, следовательно, оппозицию словообразовательных суффиксов. Полученные результаты «высветили» сходства и различия древнегерманских языков в области словообразовательной синонимии.

Ключевые слова: древнегерманские языки, однокоренные словообразовательные синонимы, словообразовательный тип, словообразовательный суффикс, продуктивность

**DERIVATIONAL SYNONYMY IN THE OLD GERMANIC
LANGUAGES
(a case study of Gothic, Old Icelandic and Old High German)**

Irina V. Novitskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, 634050, Russia
irno2012@yandex.ru

The article presents results of a research that aimed to reveal the extent to which the old Germanic nouns with the same root but different paradigmatic affiliation and derivational suffixes are spread in the Gothic, Old High German and Old Icelandic languages. Recent theoretical research of synonyms at various language levels has enabled us to term the old Germanic nouns under analysis «one-root derivational synonyms». Some approaches are known to have been offered to account for the existence of the old Germanic «one-root derivational synonyms» (e. g. by E. Benveniste, O. A. Ossipova, N. B. Pimenova and others). They all argue that the investigated phenomenon has an underlying semantic or logical opposition as its foundation. A total sampling of one-root derivational synonyms made it possible to divide all synonyms into groups according to the types of their paradigmatic and word-formation opposition. As a result, it brought to light both the most empirically productive word-formation types of the synonyms and derivational suffixes. The obtained results allowed to highlight some shared and unique features of the old Germanic languages.

Keywords: old Germanic languages, one-root derivational synonyms, word-formation type, derivational suffix, productivity

Введение

Современный интерес к проблемам словообразования во многом обусловлен стремлением лингвистов не только выявить, сопоставить и сравнить существующие в языке явления разной природы и разного уровня, но и придать своим наблюдениям объяснительную силу. Область словообразования, с этой точки зрения, предоставляет исследователям широкие возможности, поскольку изучение того, как образуются, строятся номинативные единицы в языке, может вскрыть особенности лингвокреативной деятельности человека, вовлеченного в процесс «ословливания» явлений действительности, и тем самым лучше понять принципы и механизмы когнитивной составляющей этого процесса.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы представить результаты исследования границ распространения однокоренных разнооформленных существительных с тождественной или близкой семантикой в древнегерманских языках (готском, древневерхненемецком, древнеисландском и древнеанглийском) и обосновать их квалификацию как «однокоренных словообразовательных синонимов». В этом видится начало многостороннего анализа одного из заметных явлений древнегерманских языков, которое еще не получило своего окончательного объяснения (см. гипотезы далее). По нашему мнению, выявление и описание общей картины распространения однокоренной синонимии в группе родственных языков, а также типов их парадигматического и словообразовательного противопоставления способствует более точному осмыслению этого явления, позволяет «высветить» наиболее отчетливые тенденции для древнегерманского ареала и наметить направления поиска возможных оснований для формирования этого явления.

Как известно, «синонимия — это совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т. п.» [Ахманова 2004: 407], что предполагает существование синонимов на различных языковых уровнях. Из всех возможных видов синонимии (грамматическая, лексическая, синтаксическая, фразеологическая и др.) в настоящей статье обсуждается однокоренная словообразовательная синонимия, определение которой сопряжено с некоторыми трудностями.

Ключевые определения

Обзор мнений отечественных исследователей, высказанных по проблеме семантически тождественных или близких однокоренных производных с различным словообразовательным оформлением, показал, что существует определенная конкуренция терминов для квалификации анализируемого явления. Среди всего многообразия применяемых терминов (например, словообразовательные синонимы, словообразовательные параллели, синонимические параллели, однокоренные (однокорневые) синонимы (параллели) и др. [Азарх 1987; Литвинникова 1995]) предпочтение отдается двум сочетаниям: «словообразовательные синонимы» и «словообразовательные варианты».

Выбор того или иного термина объясняется различной интерпретацией характера определяемого языкового явления — сосуществующих в языке синонимичных производных от одного корня, словообразовательно оформленных нетождественными формантами. Положение осложняется еще и тем, что объем содержания, вкладываемого в каждое терминологическое обозначение, подвержен варьированию.

С одной стороны, в исследованиях отечественных лингвистов однокоренные производные существительные определяются как «словообразовательные варианты», если при тождестве семантической структуры они различаются словообразовательными формантами с тождественной семантикой [Смирницкий 1956; Ахманова 1957; Бережан 1967; Даниленко 1977;

Матвеева 1980; Логутенкова 1984; Блинова 1997; Лемов 2000; Иванова 2010 и др.]. «Отождествление разноаффиксальных однокоренных образований и признание их вариантами одного и того же слова правомерно на том основании, что корень является центральной частью слова, носителем основного значения; именно он «выражает идею тождества слова самому себе» [Иванова 2010: 519]. Отсюда следует, что словообразовательные варианты имеют различную словообразовательную структуру, которая никак не влияет на семантику (словообразовательную и лексическую): *накидушка* — *накидка* — *накидуха*; *монахиня* — *монашка*; *своеволец* — *своевольник*; *выбивалка* — *выбивушка* — *выбивало* — *выбиватель* (примеры из [Главацкая 2008; Куркина 2010; Голев 2012]).

С другой стороны, аргументируя свою позицию против квалификации однокоренных семантически тождественных или близких производных с различным словообразовательным оформлением как словообразовательных вариантов (см., например, [Николаев 2009]), некоторые ученые полагают, что наиболее адекватным для данного типа образований является термин «словообразовательные синонимы», хотя вкладываемое в это понятие содержание может варьироваться [Хожикулова 1995; Конявская 2006; Араева 2009; Шумилова 2010; Дмитриева, Крючкова 2010 и др.]. Словообразовательные синонимы — это разноаффиксные образования, характеризующиеся общим типовым значением и общей словообразовательной соотнесенностью, близкие по смыслу и взаимозаменяемые в одинаковых или близких по характеру лексической сочетаемости контекстах [Голованова 1972: 112—113]. А. Н. Тихонов называет словообразовательными синонимами «однокоренные производные слова, обладающие одинаковым или близким словообразовательным значением, которое в них выражается посредством словообразовательных аффиксов или их вариантов» [Тихонов 1985: 34]. Производные однокоренные слова-синонимы представляют собой разные слова одного корня, оформленные разными аффиксами (в том числе нулевыми), причем эти аффиксы имеют не формообразующую, а словообразующую функцию. Такие слова могут быть близкими или совпадать в значении, могут иметь различия в употреблении, синтаксических функциях, хотя представляют в этом отношении (сочетаемость с другими словами) меньшее разнообразие, поскольку общность корневой части дает меньше возможностей для разнообразия сочетаний [Главацкая 2008]. Этими характеристиками словообразовательные синонимы существенно отличаются от вариантов слова.

Ставя перед собой цель квалифицировать анализируемый в настоящей статье языковой материал — древнегерманские производные существительные, образованные от одного корня / основы посредством различных суффиксов и обладающие тождественным или близким значением (согласно словарным дефинициям), — рассмотрим более детально содержание понятия «словообразовательная синонимия».

Постановка проблемы

Одним из первых проблему словообразовательной синонимии затронул академик В. В. Виноградов, который определил словообразовательные синонимы как слова, произведенные от одной основы с помощью «синонимичных» суффиксов по признаку принадлежности их к одной и той же категории (лица, отвлеченности и т. п.), например: *низина* — *низость* — *низкость*; *глухота* — *глушина* — *глухость* [Виноградов 1975: 198].

Впоследствии представители Казанской школы (В. М. Марков, Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев и др.) разработали понятие «синонимия словообразовательных типов»: синонимичными они называли такие словообразовательные типы, которые характеризуются одинаковыми словообразовательными связями (общностью производящих основ), одинаковыми словообразовательными значениями и разными аффиксами (синоморфемами) [Балалыкина, Николаев 1985: 162]. Данное понятие легло в основу дефиниции словообразовательной синонимии, которой придерживаются многие исследователи [Земская 1992; Улукханов 2001; Акимова 2002; Главацкая 2008; Николаев 2009 и др.].

Учитывая мнения лингвистов, внесших вклад в разработку общей теории словообразовательной синонимии и ее различных аспектов, сформулируем основные положения, на основе которых древнегерманские однокоренные производные с различным словообразовательным оформлением и парадигматической аффилиацией можно квалифицировать как однокоренные словообразовательные синонимы (далее ОСС):

1) С одной стороны, древнегерманские ОСС строятся по разным, но синонимичным словообразовательным типам, у которых типовое словообразовательное значение тем не менее остается тождественным, следовательно, они выступают как единицы словообразовательной системы языка. С другой стороны, они являются самостоятельными словами с определенным лексическим значением, т. е. единицами лексики. Семантическая тождественность или близость лексических единиц ведет к реализации отношений лексической синонимии. Таким образом, будучи единицами словообразования и одновременно единицами лексической системы языка, производные слова синонимизируются в плане как словообразовательной, так и лексической семантики: *ход* — *ходьба* — *хождение*; др.-исл. *risni* (F ðn) — *risna* (F ðn) англ. «hospitality, munificence», русск. «гостеприимство, радушие, щедрость» [Cleasby, Vigfússon 1957: 498]; др.-в.-нем. *mārida* (F ð) — *māri, māre* (N ja) нем. «Kunde», русск. «известие, весть» [Schützeichel 1989: 183]. Факт синонимии создается здесь противопоставлением общности производящих основ, создающих базу лексической синонимии, и разности образующих формантов, идентичных в плане словообразовательной семантики [Главацкая 2007]. Оба эти фактора являются определяющими для становления однокоренной словообразовательной синонимии. Наряду с такой позицией существует мнение о том, что словообразовательная синонимия является частным случаем лексической синонимии [Николаев 1980; Fleischer, Barz 1995].

2) В отличие от лексической синонимии, где уровнем репрезентации является номинативная единица, словообразовательная синонимия квалифицируется как особый тип синонимических отношений, который отражает взаимодействие словообразовательных типов, а не отдельных слов [Графкова 2011]. Например, в древнегерманских языках синонимические отношения формируют такие словообразовательные типы ОСС как гот., др.-исл., др.-в.-нем. «Прил. + основообр. суф. *-īn/-ein-*» и «Прил. + суф. *-īpa/-eda-*» и др. В этой связи также предлагалось разграничивать такие понятия, как «однокоренная синонимия» (например, *молотило* — *молотилка*, *супник* — *супница*) и «словообразовательная синонимия» (например, *сахарница*, *сухарница*, *хлебница*, *перечница* и др. [Шумилова 2010: 58—59]).

3) Наличие словообразовательных типов ОСС является указанием на эволюционные дериивационные процессы, которые в итоге приводят к формально-семантическим изменениям словообразовательной системы в целом и семантической специализации словообразовательных типов в частности [Араева 1994; Ковалева 2004: 18]. Одной из причин появления ОСС может быть «расщепление» смысла слова, связанного с референцией к различным сторонам или предметам действительности [Колесов 1985; Куркина 2010; Шептухина, Мешкова 2011], например, гот. **lausawaurdei* (F ein) англ. «empty talk», русск. «пустословие» — **lausawaurdi* (N ja) англ. «empty speaking», русск. «пустая болтовня» [Lehmann 1986: 229] и др. В результате при близости лексических значений ОСС могут функционировать в различных стилях, в разных семиосферах, иметь отличающуюся сочетаемость и т. д. [Шумилова 2010: 33]. На основе полного или частичного совпадения семантики синонимичных словообразовательных морфем однокоренных существительных последние могут делиться на полные/абсолютные и неполные/частичные синонимы и по-разному располагаться по шкале «амплитуды синонимичности» (термин В. К. Фаворина [Фаворин 1953: 18—19]). Считается, что «существование абсолютных синонимов противоречит принципам построения знаковых систем» [Акимова 2002: 120], поэтому при возникновении и функционировании ОСС следует предполагать наличие тенденции, ведущей к расхождению как лексической, так и словообразовательной семантики. Следовательно, однокоренные синонимы способствуют модификации словообразовательных типов в плане уточнения их словообразовательного значения. Например, исследования показывают, что в древнеанглийском *īng*-производные имели

исконное процессуальное значение, которое затем развилось в результативное, в то время как *ung*-производные несли главным образом переносное или конкретное значение [Матвеева 1980]. По мнению Р. Раска, древнеанглийские производные с суф. *-ing/-ung-* ж. р. обозначали действие как таковое, в то время как слова м. р. — результат или продукт действия [Rask 1843: 159]. Для древневерхненемецкого языка Н. Б. Пименова сделала вывод об использовании *ungō*-моделей для передачи процессных значений [Пименова 2011: 268].

Проявляя первоначально одинаковую продуктивность, в дальнейшем взаимодействующие словообразовательные типы обнаруживают тенденцию к сохранению своей семантической уникальности посредством сужения сферы семантического влияния, т. е. специализации. «Словообразовательная синонимия — особый тип синонимии, отражающей различные степени семантического сближения словообразовательных типов от полной взаимозаменяемости до сомнительного семантического схождения» [Николаев 1980: 6]. При сужении сферы своей семантики словообразовательные типы развивают значения в направлении от абстрактного содержания к более конкретному или даже предельно конкретному [Араева 1994]. Возникая в соответствии с прагматическими задачами, словообразовательные синонимы тем самым содержат в своей семантике различные имплицитно заложенные прагматические компоненты, которые эксплицируются в языке и речи [Нещименко 1982: 22; Араева 2009: 181, 186]. В этой связи говорится о том, что синонимия, как разнокорневая, так и однокорневая, рассматривается как разновидность деривационных отношений в языке, а синонимический ряд — как один из способов реализации потенциала семантико-деривационного развития лексемы [Голев 1989]. К числу других причин появления ОСС относятся: высокая активность словообразовательных процессов, неустойчивость языковых норм на определенном этапе, наличие тождественных по словообразовательной функции и значению суффиксов [Скоробогатова, Ковалева 2006].

4) ОСС, как и словообразовательные синонимы, образованные не от одного корня, объединяются в словообразовательную категорию, которую образуют слова с разными формантами, но тождественными формантными частями значений, мотивированные словами одной и той же части речи. В однокоренной словообразовательной синонимии сосуществуют «кодериваты» (словообразовательные дублеты), которые относятся к одной словообразовательной категории. Кодериваты подразделяются на: а) кодериваты с тождественными частными словообразовательными значениями и тождественными лексическими значениями; б) кодериваты с тождественными частными словообразовательными значениями и разными лексическими значениями; в) кодериваты с различными частными словообразовательными значениями и различными лексическими значениями [Улуханов 2001: 129].

5) Выделяются различные типы словообразовательной синонимии: однокоренные, отраженные и пропозициональные словообразовательные синонимы, которые рассматриваются в словообразовательных нишах.

«Однокоренная синонимия» выступает как подлинно словообразовательная [Араева 2009]. ОСС имеют общую производящую основу, но различаются фонетически (*лукавство* — *лукавство*, гот. *haurfts* (F i) — *parba* (F ð) англ. «want, need, necessity», русск. «нужда, необходимость» [Lehmann 1986: 355], др.-в.-нем. *libleit*(ī) (F īn) — *libleita*, *liibleita* (F ð) нем. «Nahrung», русск. «пища, питание, пропитание» [Schützeichel 1989: 171], др.-исл. *gegning* (F ð) — *gegnd* (F ð/i) англ. «moderation, reason», русск. «умеренность, сдержанность» [Cleasby, Vigfússon 1957: 195]), в словообразовательном аспекте (разные аффиксы, разные модели, иногда разный «набор» мотиваций: ср., например, возможность мотивированности слова *лукавство* глаголом *лукавить* при сохраняющейся соотносительности с адъективом), грамматически (гот. *aiwaggeljo* (F jōn) — *aiwaggeli* (N ja) «Евангелие» [Lehmann 1986: 21], др.-исл. *skilning* (F ð) — *skilningr* (M a) англ. «sense, meaning, opinion», русск. «смысл, мнение» [Cleasby, Vigfússon 1957: 547], др.-в.-нем. *apostol* (M a) — *apostolo* (M an) нем. «Apostel», русск. «апостол» [Schützeichel 1989: 70]), стилистически (ср.: *мокромта* — *мокрьдъ*, *серъ* — *серость* и др.) и, как видно из приведенных русских примеров, семантически. Они могут различаться синтаксической сочетаемостью с другими словами (ср.: *тонкий визг*, при отсутствии *тонкое визжание*) и т. д. [Николаев 2007].

«Отраженная синонимия» находится на границе взаимодействия лексических и словообразовательных процессов, поскольку, с одной стороны, является следствием синонимии мотивирующих, а с другой стороны, проявляется в дериватах. При этом производные синонимы могут относиться как к одной и той же словообразовательной нише (например, *корсажница* — *корсетница*, *камешник* — *галечник*), так и к разным словообразовательным нишам (*пьяница* — *кирюшник*) [Гришина 2012]. Отраженные синонимы функционируют чаще всего среди производных со значением лица, они преимущественно мотивированы существительными, прилагательными и глаголами. Мотивирующие у отраженных синонимов не всегда являются синонимами, часто их связывают отношения гипо-гиперонимии, или же они могут быть когипонимами. Например, в группе синонимов *палочник* — *жердинник* — *хворостинник* (мелкий лес) мотивирующие (*палка*, *жердь*, *хворостина*) являются когипонимами, общее у которых «нечто деревянное, тонкое, длинное». Производные же являются полноценными синонимами, характеризуя мелкий, ни на что серьезное не пригодный лес. Таким образом, для образования отраженных синонимов определяющим является не столько синонимия мотивирующих, сколько выделение общего признака, на основании которого производное слово входит в тот или иной синонимический ряд [Там же].

«Пропозициональные синонимы» объединены тождеством лексического значения, но различаются на уровне глубинных структур, пропозиций [Янценецкая 1992]. «В основу номинаций предметов, действий, признаков положены одни и те же структурно-логические схемы, которые реализуются разной компоновкой составляющих эту схему актантов. Перестановка членов пропозиции связана с грамматическими показателями, частеречной семантикой. Значимой становится способность каждого члена пропозиции указывать на весь пропозициональный комплекс, мотивироваться им, <...> совокупность пропозициональных моделей формирует стереотипную ситуацию» [Шумилова 2010: 63]. Таким образом, «можно говорить о фреймовой природе словообразовательно-пропозициональной синонимии» [Там же]. Называя один и тот же объект по разным основаниям, словообразовательно-пропозициональные синонимы строятся на основе разных пропозиций, объединенных в пределах общего мотивационного пространства, например, *нищий*: *кусочник* (лицо по объекту); *попрошайка* (лицо по действию), *богодатник* (лицо по характерному действию и объекту действия) — «*Просит всегда: подайте ему ради бога*» [Араева, Катышев 2000].

Кроме того, В. Фляйшер и И. Барц говорят о наличии словообразовательных синонимов не только среди дериватов и сложных слов, но и среди словообразований, полученных различными способами [Fleischer, Barz 1995: 73—74]. В этой связи выделяют «внутриспособную» и «межспособную» синонимию. Если внутриспособная синонимия — это синонимия, создающаяся синоморфемами, принадлежащими одному словообразовательному способу, то межспособная синонимия — это синонимия, образуемая разными морфемными способами [Графкова 2011].

В настоящей работе рассматриваются древнегерманские существительные, образованные от одного корня (или основы) при помощи различных словообразовательных формантов, относящиеся к различным типам склонения и имеющие (как это представлено в словарях) тождественное или близкое значение. С учетом современного уровня разработанности теории синонимии подобные параллельные образования можно квалифицировать как «однокоренные словообразовательные синонимы» (ОСС), которые характеризуются одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ синонимов, одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами (синоморфемами) [Николаев 1979]. Важным замечанием относительно ОСС является взаимосвязь в их семантической структуре общего, типового, словообразовательного значения и частного, единичного, лексического значения: ОСС характеризуются не только синонимией словообразовательных средств, но и синонимичной/тождественной лексической семантикой самих однокоренных производных. Частным случаем ОСС может выступать синонимия родовая: гот. *daurawards* (М а) «привратник» — *daurawarda* (F ѓ) «привратница».

Различие словообразовательных формантов в парах существительных не всегда ведет к изменению засвидетельствованной у них семантики, однако можно предположить, что семантическая дифференциация существительных все же имплицитруется. Она может быть обусловлена, с одной стороны, различным ракурсом представления означиваемой предметной области или, с другой стороны, базироваться на уровне мотивационного признака. С точки зрения второго подхода часть анализируемых древнегерманских пар/рядов существительных можно определять как «однокоренные словообразовательно-пропозициональные синонимы», под которыми понимаются слова, построенные по одному или разным словообразовательным типам, вступающие в синонимичные отношения, объединенные на основе тождества лексического значения (сходства) и имеющие в основе номинации разный мотивирующий признак [Шумилова 2010: 65]. Называя один и тот же объект, но по разным основаниям, словообразовательно-пропозициональные синонимы строятся на основе разных пропозиций, объединенных в пределах общего мотивационного пространства, если принимать во внимание сосуществование различных производящих основ для одного производного, например, гот. *ibnassus* «равенство, подобие» от **ibns* «подобный» или **ibnatjan* «*равняться», др.-англ. *hælp* «исцеление, спасение» от *hælan* «исцелять, спасать» и *hæl* «целый», др.-исл. *heilendi*, *heilindi* «хорошее здоровье» от **heil-* «здоровый» или *heila* «делать целым, единым». В ракурсе проблемы о разноуровневости словообразовательного значения производных однокоренные словообразовательные синонимы соотносятся со словообразовательно-пропозициональными синонимами как общее vs. частное.

Проблема интерпретации ОСС в древнегерманских языках

В исторической германистике исследования данной группы существительных имеют давнюю историю. Тем не менее само явление существования однокоренных существительных с тождественным или близким значением, отличающихся парадигматически и оформленных различными словообразовательными формантами, еще не получило однозначного и всеобъемлющего объяснения. Кроме того, весь корпус ОСС в его максимальном объеме в четырех древнегерманских языках (готском, древневерхненемецком, древнеисландском и древнеанглийском) не становился материалом сравнительных исследований, поскольку, как показано ниже, авторские концепции лингвистов относительно ОСС базируются на основе изучения отдельных групп ОСС или синонимов одного языка.

В ранних работах по проблеме синонимичных существительных в древнегерманских языках исследователи указывали на факт существования ряда однокоренных существительных с идентичными или слегка отличающимися значениями, относящихся к различным типам именного склонения [Brugmann 1892: 320; Kluge 1926: 65; Krause 1953: 154; Ahlsson 1960: 125 и др.]. Данное замечание почти всегда касалось исключительно древнегерманских существительных ж. р. основ на *-īn* и *-i* и сопровождалось перечислением засвидетельствованных пар. В дальнейшем в круг подобных пар были включены и существительные *ō*-основ с суф. **-eiā-* (гот. *-īþa-*), которые, с точки зрения У. Мейда, были семантически противопоставлены существительным *ein*-основ как имена с более конкретным значением [Meid 1967: 145]. Подробный анализ готских однокоренных *ei-* и *īþa*-существительных ж. р. натолкнул Э. Бенвениста на предположение о том, что *ei*-образования использовались для обозначения качества как такового, в то время как *īþa*-производные выражали конкретную реализацию этого качества [Benveniste 1961: 21—45; Casaretto 2004: 283].

Исследуя однокоренные разносклоняемые существительные в готском языке, семантика которых ограничена одной предметной областью, О. А. Осипова предложила авторскую интерпретацию их закономерного употребления. Прежде всего она квалифицировала подобные пары существительных как «грамматические синонимы», под которыми понимались «различные формы, употребляемые в близком грамматическом значении, совпадающие в своем основном значении и различающиеся в дополнительном» [Осипова 1988: 14]. Далее на примерах употребления параллельных форм в готских текстах она показала, что

отнесение существительного к определенному парадигматическому ряду было обусловлено не только семантикой самого слова (одушевленной / неодушевленной), но и необходимостью выразить значение определенности / неопределенности. По мнению ученого, анализ употребления разноклассовых однокоренных пар позволил выявить более позднюю функцию консонантных основообразующих формантов, а точнее, суффиксов с элементом *-n-*, заключающуюся в том, чтобы служить маркером определенного по контексту существительного. Способность основообразующих формантов с элементом *-n-* являться показателями определенности, т. е. выполнять функцию, типичную для определенного артикля, была обусловлена их генетической связью с и.-е. указательным местоимением дальней семантики и свойственным ему значением «отношения к чему-то» [Ossipova 1999].

В качестве иллюстрации сопоставим примеры употребления готских существительных *daubei* (F ein) ~ *daubiþa* (F ð) «ожесточение».

R 11,25 «ni auk wiljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei ni sijaiþ in izwis silbam frodai, unte *daubei* <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo innþaleiþai» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». В данном примере слово *ein*-основ *daubei* не сопровождается указательным или посессивным местоимением и обозначает ожесточение, на которое говорящий ссылается как на уже известное слушателю событие [Осипова 1988: 17].

Mk 3,5 «jah ussaihvands ins miþ moda, gaur in *daubipos* hairtins ize qap du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastop aftra so handus is» «И, глядя на них с гневом, омраченный *ожесточением* сердце их, сказал тому человеку: “Протяни руку твою!” Он протянул, и стала его рука здорова». Слово *daubiþa* (F ð) в приведенном предложении употребляется в атрибутивной конструкции с существительным в род. п. и притяжательным местоимением, что подчеркивает неопределенность самого имени [Там же]. Кроме того, подобная атрибутивная конструкция может рассматриваться как указание на опредмеченность качества, выраженного существительным.

Высказанная О. А. Осиповой гипотеза о возможности готского основообразующего суффикса *-ein-* употребляться в функции, близкой артиклевому показателю, позднее обсуждалась в работах С. Г. Проскурина [Проскурин 2005], И. В. Новицкой [Новицкая 2005; 2010] и М. Л. Котина [Kotin 2011; 2012].

Иной, семантико-синтаксический, подход к анализу однокоренных разноклассовых пар в двух древнегерманских языках (готском и древневерхненемецком) был представлен в серии работ Н. Б. Пименовой, которая исследовала словообразовательные значения отдельных суффиксов древнегерманских существительных, а именно др.-в.-нем. *-nessi-*, *-unga-*, *-ida-*, *-in-*, *-ð-*, гот. *-ein-* и *-iþa-* [Пименова 1998; 2007; 2011; Pimenova 2000a; 2000b; 2002a; 2002b]. По мнению исследовательницы, все древнегерманские продуктивные словообразовательные типы были семантически дифференцированы и ориентированы на выражение некоего логического понятия, которое регулировало образование и дистрибуцию параллельных форм однокоренных существительных. Анализ древневерхненемецких и готских отглагольных и отадективных имен существительных, образованных при помощи как основообразующих, так и собственно суффиксов, позволил Н. Б. Пименовой сделать вывод о том, что в области словообразования противопоставление существительных опиралось на выражение значения «соотнесенность признака (действия) с носителем признака (исполнителем действия)». Сказанное означает, что выраженные именем существительным признак или действие содержат в своей семантике компонент значения, который отражает соотнесенность (отношение) этого признака или действия с носителем этого признака / исполнителем этого действия. Данное значение маркируется словообразовательными средствами и обуславливает тяготение существительного к определенным семантико-синтаксическим позициям в предложении.

Несмотря на то, что данное значение имеет в готском и древневерхненемецком языках регулярное выражение, каждый язык обнаруживает собственные предпочтения в использовании имеющихся словообразовательных средств. Так, по мнению Н. Б. Пименовой,

значение «отвлечение от носителя признака», т. е. максимальное абстрагирование признака, маркируется в готском при помощи основообразующего суф. *-ein-*, а в древневерхненемецком — при помощи суф. *-ida-*. С другой стороны, «соотнесение признака с носителем» передается др.-в.-нем. суф. *-în-*, но гот. суф. *-iþa-*.

Соотнесение с носителем — гот. *-iþa-*, др.-в.-нем. *-în-*;

Носитель признака

Отвлечение от носителя — гот. *-ein-*, др.-в.-нем. *-ida-*.

В области отглагольных имен значение инактивного «действия, замкнутого в себе», выражается в готском при помощи суф. *-ein-*, а в древневерхненемецком — при помощи суф. *-ida-* и противопоставляется активному «действию, исходящему от исполнителя», что маркируется в готском суф. *-iþa-*, а в древневерхненемецком — суф. *-în-*.

Соотнесение с исполнителем — гот. *-iþa-*, др.-в.-нем. *-în-*;

Исполнитель действия

Отвлечение от исполнителя — гот. *-ein-*, др.-в.-нем. *-ida-*.

С точки зрения синтаксиса полюс «соотнесение с ...» характеризуется функцией адъективного приписывания признака/действия, а полюс «отвлечение от...» — функцией предикативного приписывания (см. указ. работы Пименовой).

Для иллюстрации вновь рассмотрим примеры употребления готских существительных *daubei* (F ein) ~ *daubiþa* (F ð) «ожесточение».

R 11,25 «ni auk wiljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei ni sijaþ in izwis silbam frodai, unte *daubei* <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo inngaleiþai» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». Здесь существительное ein-основ, несмотря на общие временные данные, не соотносится с определенной ситуацией проявления этого качества [Pimenova 2000b: 11].

Mk 3,5 «jah ussaihvands ins miþ moda, gaur in *daubiþos* hairtins ize qaf du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastof aftra so handus is» «И, возрев на них с гневом, скорбя об *ожесточении* сердец их, говорит тому человеку: “Протяни руку твою!” Он протянул, и стала его рука здорова». В данном предложении проявляется адъективная функция производного с суффиксом *-iþa-*, которая позволяет изменить конструкцию «скорбя об *ожесточении* сердец их» на «скорбя об их *ожесточенных* сердцах». Кроме того, семантика слова *daubiþa* предполагает соотнесенность с носителем этого качества [Пименова 1998: 48].

Корпус древнеанглийских однокоренных разнооформленных существительных с тождественными и близкими значениями был описан Е. В. Мишук, которая определила данные производные как «словообразовательные синонимы» [Мишук 2011]. Исследовательница выделила типы противопоставлений словообразовательных формантов для каждой группы (отадъективных, отглагольных, отпричастных и отадвербиальных) синонимичных производных, а также проанализировала их семантическую вариативность. По результатам изучения древнеанглийских словообразовательных синонимов автор сделала вывод не только о наиболее эмпирически продуктивных типах противопоставления словообразовательных суффиксов, но и о влиянии синонимичных словообразовательных формантов на видоизменение семантической структуры производных и развитие полисемии. Е. В. Мишук установила, что при изменении словообразовательной структуры производного различными синонимичными суффиксами происходило их семантическое размежевание, т. е. присоединяемый к той же основе словообразовательный аффикс развивал дополнительный оттенок значения, иной лексико-семантический вариант: др.-англ. *hátness* «жара» — *hátung* «нагревание» (процесс действия), *tearcung* «клеяние» — *mirceles* «знак, метка» (конкретизация семантики) и др. [Мишук 2011: 93—96]. Данный механизм приводил в итоге к формированию полисемии существительных, при которой разные лексико-семантические варианты многозначного слова включались в различные синонимические

ряды, например: др.-англ. *trymnes(s)* — *trymp* «сила; поддержка», *trymnes(s)* — *trymning* «основание», *trymnes(s)* — *trymning* — *trumnað* «подтверждение», *trymning* — *trumnað* «укрепление» и др. (см. об этом также [Матвеева 1980; Зеленецкий, Новожилова 2003: 291]).

Таким образом, приведенный выше краткий обзор показывает, что в современной исторической германистике существует потребность в обобщающих исследованиях феномена однокоренных разносклоняемых существительных и выявлении оснований для их формирования и функционирования. Можно констатировать, что, несмотря на различные подходы к установлению оснований парадигматического противопоставления однокоренных существительных и полученные результаты, исследователи единогласно признают существование семантических оппозиций в системе именного склонения и подтверждают тезис о возможности и необходимости реконструкции семантики не только каждого словообразовательного типа, но и, возможно, типов склонения. Мы считаем, что для продолжения начатой лингвистами работы и придания большей объяснительной силы выводам необходимо произвести описание корпуса древнегерманских ОСС в максимально полном объеме.

Результаты исследования

Для определения границ распространения ОСС в трех древнегерманских языках — готском, древневерхненемецком и древнеисландском — из словарей [Uhlenbeck 1896; Streitberg 1910; Zoëga 1910; Feist 1920; Vries 1957; Cleasby, Vigfússon 1957; Lehmann 1986; Schützeichel 1989; Köbler 1993] были выделены ОСС на основе метода сплошной выборки. Это позволило сгруппировать ОСС по типам склонения и родам, а также выделить типы их парадигматического противопоставления. Для удобства описания противопоставляемых форм существительных первое слово в ряду синонимов принимается за опору пары, второе (и последующие, если они есть) — за синоним.

В таблице 1 приводятся общие показатели, по которым можно получить представление о степени распространения однокоренной словообразовательной синонимии в исследуемых языках и ее некоторых особенностях.

Таблица 1

Сопоставление однокоренной словообразовательной синонимии в трех языках*

Параметры описания \ Языки	Гот.	Др.-исл.	Др.-в.-нем.
Количество типов ОСС	38	79	67
Количество опорных слов	89	649	304
Количество типов с абстрактной семантикой существительных	20 (54 пары)	48 (313 пар)	37 (145 пар)
Количество типов с конкретной семантикой существительных	9 (15 пар)	5 (5 пар)	14 (30 пар)
Количество типов со смешанной семантикой существительных	8 (13 пар)	25 (326 пар)	16 (118 пар)
Количество опор пар ж. р.	65	448	244
Количество опор пар м. р.	15	138	37
Количество опор пар ср. р.	1	59	12
Количество неясных случаев	8	4	11

* точных данных о количестве выделенных пар древнеанглийских ОСС не имеется, поскольку в исследовании Е. В. Мишук они не представлены [Мишук 2011], а в работе Л. В. Матвеевой указано количество ОСС только нескольких типов. Например, ОСС с суффиксами *-ing/-ung-* vs. *-ness-* — 170 пар [Матвеева 1980].

В каждом из исследуемых языков имеются типы противопоставления ОСС, которые на общем фоне обладают достаточно высокой эмпирической продуктивностью. Результаты отбора наиболее продуктивных типов приведены в таблице 2. Цифра обозначает количество засвидетельствованных примеров.

Таблица 2

Продуктивные типы однокоренной словообразовательной синонимии

Гот.	Др.-исл.	Др.-в.-нем.
F ein (ein) ~ F ð (iþa) ~ F i/ð (eini) ~ N ja (ja) — 6	N a (a) ~ N ia (ia) — 56	F īn (īn) ~ F ð (eda) — 34
—	M a (leikr) ~ M an (leiki) — 47	F īn (īn) ~ F ð (ð) — 20
—	F ðn (ðn) ~ N a (a) — 35	F īn (īn) ~ N ja (ja) — 20
—	F īn (īn) ~ F ð/i (t, d) — 30	M a (a) ~ M an (an) — 19
—	F ðn (ðn) ~ M a/i (a/i) — 27	F īn (īn) ~ F i (heit) — 18
—	M a (a) ~ M an (an) — 25	F īn (nessī) ~ N ja (nessi) — 10
—	F ð/i (t, d) ~ F ð (ð) — 22	F īn (īn) ~ F i (i) — 8
—	F īn (semi) ~ F ð (semd) — 21	F ð (ð) ~ F ð (unga) — 8
—	F ðn (ðn) ~ N ia (ia) — 21	N a (a) ~ N ja (ja) — 7
—	F ðn (ðn) ~ F ð (ing) — 20	F īn (nessī) ~ F ð (nissa) ~ N ja (nessi) — 6
—	F ðn (ðn) ~ M an (an) — 19	F ð (nissa) ~ N ja (nessi) — 5

Из данных таблиц следует, что готский и древневерхненемецкий обнаруживают сходство между собой в области однокоренной словообразовательной синонимии в том, что в обоих языках на первом месте по количеству засвидетельствованных примеров располагается модель соотношения синонимов: др.-в.-нем. **F īn (īn) ~ F ð (eda)**; гот. **F ein (ein) ~ F ð (iþa)**. Например, др.-в.-нем. *wiz(z)ī* «Verstand, Wissen, Einsicht, Sinn, Weisheit, Tugend, Geist» (F īn (īn)) — *giwizida, kawizzida, kewizzida, kiwi(s)zida, gewiz(z)eda, kewizzeda* «Wissen, Kenntnis, Einsicht, Bewußtsein, Gewissen, Zeugnis» (F ð (eda)); *piderbī, piderbīi, bidarbī, biderbī* «Nutzen, Ertrag, Tüchtigkeit, nützliche Eigenschaften» (F īn (īn)) — *piderbida* «Bedürfnis, Angelegenheit» (F ð (eda)); *gotchundī, gotcundhī, kotcundī, cotchundī, cotchundii* «Göttlichkeit, Gottheit» (F īn (īn)) — *cotchundida* «Göttlichkeit» (F ð (eda)) и др.; гот. *swiknei* «Reinheit, Keuschheit» (F ein (ein)) — **swikniþa* «Reinigung» (F ð (iþa)); **unswerei* «Unehre» (F ein (ein)) — **unsweriþa* «Unehre» (F ð (iþa)); **kaurei* «Schwere» (F ein (ein)) — **kauriþa* «Fülle» (F ð (iþa)) и др.

Усиливает сходство между этими языками и то обстоятельство, что в древневерхненемецком языке к числу продуктивных типов соотношений синонимов относится модель **F īn (īn) ~ N ja (ja)**, которая также представлена в готской цепочке синонимов, например, др.-в.-нем. *wiz(z)ī* «Verstand, Wissen, Einsicht, Sinn, Weisheit, Tugend, Geist» (F īn (īn)) — *wizzi, wizze, giwizzi, gawitzi, gewizci, gewizze, kewizze* «Wissen, Verkunft, Verstand, Einsicht, Weisheit, Bewußtsein, Kenntnis» (N ja (ja)); гот. **gariudei* «Schamhaftigkeit» (F ein (ein)) — **gariudi* «Ehrbarkeit» (N ja (ja)); **lausawaurdei* «leeres Gerede» (F ein (ein)) — **lausawaurdi* «leeres Gerede» (N ja (ja)); **praizbwtairi* (F ein (ein)) и **praizbwtairi* (N ja (ja)) «das jüd. Ältestenkollegium, danach: christliche Gemeindebehörde» и др.

В наиболее распространенном типе соотношения синонимов в двух языках в противопоставление вовлечены словообразовательные форманты, различные по времени вхождения в словообразовательную категорию абстрактных существительных: суффиксы *ein-/īn-, iþa/-eda-, -ja-, -eini-*. В этой оппозиции словообразовательных формантов более «молодой»

основообразующий суффикс *-ein/-īn-* конкурирует с более «древним» основообразующим суффиксом *-ja-* и суффиксом *-īpa/-ēda-* (см. примеры выше). При сопоставлении этих данных со сведениями о типах склонения с наибольшей концентрацией абстрактных существительных выявляется, что тип основ *F ein (ein) / F īn (īn)* занимает верхнюю строчку рейтинга в обоих языках, тип *F ō (īpa/ēda)* относится к срединной зоне поля, находясь на 6-й (готский) и 4-й (древневерхненемецкий) позициях, а тип *N ja (ja)* — на 5-й и 7-й строчках соответственно. Это должно означать, что рассматриваемые типы основ в двух языках не только включали в себя значительное количество производных, но и в рамках словообразовательной системы вступали в конкурентные отношения, тем самым указывая на различный акцент, формат представления некой идеи посредством структуры каждого типа.

В древнеисландском языке выше рассмотренным типам соотношения OCC может соответствовать тип **F īn (īn) ~ F ō/i (t, d)**, который также относится к числу наиболее продуктивных, но отличается смешанным характером типа существительных женского рода основ на *-ō/i* (смешанная парадигма и слияние суффиксальных элементов различной природы). Например, др.-исл. *eigingirni* (*F īn (īn)*) — *eigingirnd* (*F ō/i (t, d)*), оба слова со значением «selfishness»; *fýsi* (*F īn (īn)*) — *fýst* (*F ō/i (t, d)*) «a wish, desire»; *málsnilli* (*F īn (īn)*) — *málsnild* (*F ō/i (t, d)*) «eloquence, oratory» и др.

Для древнеисландской языковой системы более характерно формирование производных по типу **N a (a)**, которые словообразовательно противопоставляются однокоренным существительным **N ia (ia)**. Например, др.-исл. *fræðinam* (*N a (a)*) — *fræðinæmi* (*N ia (ia)*) «learning, studying»; *veð* (*N a (a)*) — *væði* (*N ia (ia)*) «a pledge, surety»; *orðskrípi* (*N ia(ia)*) «scurillity» и др.

В этом языке тип существительных женского рода на *-īn* вытесняется существительными женского рода основ на *-ōn* (6-е место в рейтинге), которые в отличие от готского и древневерхненемецкого формируют словообразовательные оппозиции с большим числом типов основ: **F ōn (ōn) ~ N a (a), N ia (ia), M a/i (a/i), M an (an), F ō (ing)**. Например, др.-исл. *boda* (*F ōn (ōn)*) — *boð* (*N a (a)*) «a command»; *heimildartaka* (*F ōn (ōn)*) — *heimildartak* (*N a (a)*) «a taking possession, title»; *móttaka* (*F ōn (ōn)*) — *móttak* (*N a (a)*) «resistance»; *hneisa* (*F ōn (ōn)*) — *hneisi* (*N ia (ia)*) «shame, disgrace»; *kyrrseta* (*F ōn (ōn)*) — *kyrrsæti* (*N ia (ia)*) «sitting, living at rest»; *örffjara* (*F ōn (ōn)*) — *örfiri* (*N ia (ia)*) «an out-going, ebbing»; *brýna* (*F ōn (ōn)*) — *brining* (*F ō (ing)*) «a whetting, sharpening»; *sneyra* (*F ōn (ōn)*) — *sneyring* (*F ō (ing)*) «a disgrace, ignominy»; *upprisa* (*F ōn (ōn)*) — *upprising* (*F ō (ing)*) «a rising up, resurrection»; *brottganga* (*F ōn (ōn)*) — *brottgangr* (*M a/i (a/i)*) «departure»; *falda* (*F ōn (ōn)*) — *faldr* (*M a/i (a/i)*) «a fold, of a garment»; *þurða* (*F ōn (ōn)*) — *þurðr* (*M a/i (a/i)*) «a decrease, waning»; *kviða* (*F ōn (ōn)*) — *kviði* (*M an (an)*) «apprehension»; *náma* (*F ōn (ōn)*) — *námi* (*M an (an)*) «a mine»; *úvenja* (*F ōn (ōn)*) — *úvani* (*M an (an)*) «a bad habit» и др.

Сходными тенденциями для древнеисландского и древневерхненемецкого являются, во-первых, наличие словообразовательных противопоставлений типов **N a (a) ~ N ia/ja (ia/ja)** и **M a (a) ~ M an (an)** с различными показателями эмпирической продуктивности и, во-вторых, вовлечение в словообразовательную оппозицию словообразовательных типов с «молодыми» суффиксами: др.-исл. *M a (leikr) ~ M an (leiki)*, *F īn (semi) ~ F ō (semd)*, др.-в.-нем. *F īn (nessi) ~ N ja (nessi)*, *F īn (nessi) ~ F ō (nissa) ~ N ja (nessi)*, *F ō (nissa) ~ N ja (nessi)*. В качестве иллюстрации выступают следующие примеры OCC: тип **N a (a) ~ N ia/ja** в др.-исл. *dik* — *diki* «a dike, ditch», *líf* — *lífi* «conduct», *umráð* — *umræði* «guidance, management» и в др.-в.-нем. *firiwiz* — *firiwizzi*, *firiwizi*, *firiwizze* «Wunder», *anagin*, *anagen*, *anegin* — *anagengi* «Anfang, Ursprung», *bīwort* — *bīwurti*, *pīwurti*, *biwurte* «Gleichnis»; тип **M a (a) ~ M an (an)** в др.-исл. *forþóttir* — *forþokki* «dislike», *klaustr* — *klaustri* «a cloister», *úhlutr* — *úhluti* «an evil share, harm, hurt» и в др.-в.-нем. *heilant*, *hēlant*, *heilent* — *heilanto*, *heilento* «Heiland, Erlöser», *scepfant*, *sceffant* — *sceffanto*, *sceffento* «Schöpfer», *stapf* — *staffo* «Schritt»; тип **M a (leikr) ~ M an (leiki)** в др.-исл. *breyskleikr* — *breyskleiki* «weakness of body», *hressleikr* — *hressleiki* «good health», *skirleikr* — *skirleiki* «purity»; тип **F īn (semi) ~ F ō (semd)**

в др.-исл. *lystisemi* — *lystisemd* «pleasure, delight», *skynsemi* — *skynsemd* «reason», *miskunnsemi* — *miskunnsemd* «compassion, mercy»; тип др.-в.-нем. **F īn (nessi) ~ N ja (nessi)**: *mih(h) ilnessī*, *mihhilnissi* «Herrlichkeit, Majestät» — *mihilnessi* «Herrlichkeit, Majestät», *sūbarnessī*, *sūbernessī* «Reinigung» — *sūbernessi* «Reinigung», *unsūbarnessī* «Unreinheit» — *unsūbarnessi* «Unreinheit»; тип др.-в.-нем. **F īn (nessi) ~ F ō (nissa) ~ N ja (nessi)**: *thrīnissi* — *d(h)rīnissa*, *trīnissa* — *thrīnissi* «Dreiheit, Dreifaltigkeit» (все три формы), *einnissi* — *einnissa* — *ein(n) issi* «Einheit», *wārnissi* — *wārnissa* — *wārnissi* «Wahrheit»; тип др.-в.-нем. **F ō (nissa) ~ N ja (nessi)**: *infleischnissa* «Fleischwerdung» — *fleischnissi* «Fleischlichkeit», *irwartnissa** «Verderblichkeit, Verweslichkeit, Vergänglichkeit» — *irwartnissi** «Verletzung, Beschädigung, Verwesliches», *heilacnissa* «Heiligkeit» — *heilagnessi* «Heiligkeit».

Во всех исследованных языках в рядах OCC основообразующий суффикс *-ein/-īn-* может находиться в оппозиции к основообразующему суффиксу *-ja-* и суффиксам *-īpa/-ēda-*, *-t-*, *-d-*, основообразующий суффикс *-a-* противопоставляется основообразующим суффиксам *-ja-* и *-n-* (M, N), основообразующий суффикс *-ō-* — основообразующему суффиксу *-ōn-*.

Обсуждение и выводы

Сплошная выборка OCC в трех древнегерманских языках показала границы распространения данного явления: в готском языке выделено 89 пар существительных, которые распределяются на 38 типов парадигматических противопоставлений, в древнеисландском обнаружено 649 пар слов, сгруппированных по 79 типам противопоставлений, а древневерхненемецком — 304 пары существительных, которые формируют 67 типов. Более того, часть существительных, вступающих в отношения словообразовательной синонимии, могут образовывать ряды синонимичных форм, включающие до 4 единиц.

Однокоренная словообразовательная синонимия охватывает всю лексическую систему языка, поскольку язык стремится к наиболее адекватному выражению мысли, поэтому среди пар OCC обнаруживаются лексические единицы как с абстрактным, так и с конкретным, а также с собирательным значением. Соотношение количества пар OCC с точки зрения выражаемых ими значений показывает значительное преобладание существительных с абстрактной семантикой (см. Табл. 3). Кроме того, во всех трех языках подавляющее количество синонимичных пар включает существительные женского рода.

Таблица 3

Типы семантики однокоренных словообразовательных синонимов в трех языках

Тип семантики ОСС Языки	Абстрактный	Конкретный	Смешанный (абстрактн., конкретн., собират.)
Гот.	20 типов, 54 пары	9 типов, 15 пар	8 типов, 13 пар
Др.-исл.	48 типов, 313 пар	5 типов, 6 пар	25 типов, 326 пар
Др.-в.-нем.	37 типов, 145 пар	14 типов, 30 пар	16 типов, 118 пар

В каждом из проанализированных языков OCC формируют оппозиции парадигм существительных, характеризующих как слабый, так и сильный тип основ. При этом возможно противопоставление различных сильных типов склонения между собой (например, др.-исл. *N a (a) ~ N ia (ia)*, гот. *F i (i) ~ F ō (ō)*, др.-в.-нем. *F ō (ēda) ~ N ja (ja)* и др.), слабых типов склонения между собой (например, др.-исл. *F īn (īn) ~ F ōn (ōn)*, *F īn (īn) ~ M n (leiki)*, др.-в.-нем. *F īn (īn) ~ F ōn (ōn)*, *F īn (īn) ~ M n (n)* и др.), а также сильных типов со слабыми (др.-исл. *F ōn (ōn) ~ F i (ni)*, *F ōn (ōn) ~ N a (a)*, гот. *F ein (ein) ~ F ō (ō)*, *F ein (ein) ~ N ja (ja)*, др.-в.-нем. *F īn (īn) ~ N ja (nessi)*, *M n (n) ~ N a (a)* и др.), при которых учитываются и различия по грамматическому роду. Обобщенные данные представлены в Табл. 4.

Таблица 4

Соотношения типов основ у однокоренных словообразовательных синонимов

Тип основы синонимов Тип основы опоры	Языки	F ō	F i	F ō/i	F īn	F ōn	F jō	M a	M ja	M an	M u	N a	N ja	M a/i	M i
F īn	Гот.	18	12										8		
	Др.-исл.	28	1	30		14		1	1				3		
	Др.-в.-нем.	71	27		12	4	1	3	3			1	32		
F ō	Гот.					3	1			1					
	Др.-исл.		17	8				14			2	8	5		
	Др.-в.-нем.	16	13			1		14	1	4		8	20		
F ōn	Гот.												1		
	Др.-исл.	25	31			7		8		19	1	35	21	27	
	Др.-в.-нем.		2							4			1		
F jō	Гот.														
	Др.-исл.														
	Др.-в.-нем.									1					
F i	Гот.	5	1			4					2	5	2		1
	Др.-исл.		5					2		8	8	13	11		
	Др.-в.-нем.												5		
F ō/i	Гот.														
	Др.-исл.	22	16			25		4		7	1	2	16	1	1
	Др.-в.-нем.														
M a	Гот.								1			2	3		
	Др.-исл.							1		75	9	11	20		
	Др.-в.-нем.								4	19		4	6		
M ja	Гот.														
	Др.-исл.														
	Др.-в.-нем.									3					
M i	Гот.									1					
	Др.-исл.														
	Др.-в.-нем.									1					
M u	Гот.														
	Др.-исл.											5	1		
	Др.-в.-нем.														
M an	Гот.									3		2	2		
	Др.-исл.										2	13	1		
	Др.-в.-нем.														
N a	Гот.														
	Др.-исл.												59		
	Др.-в.-нем.									4			7		1

Не менее важным для ОСС является и вовлечение в оппозицию словообразовательных аффиксов, среди которых выделяются как основообразующие суффиксы, так и словообразовательные суффиксы, относящиеся к различным временным наслоениям. Здесь важным является тот факт, что при анализе оппозиций суффиксов ОСС выявляется определенная закономерность в формировании их противопоставлений: если основообразующие суффиксы могут конкурировать с любыми видами суффиксов (другими основообразующими, собственно суффиксами, в том числе и более молодыми и более древними), то собственно суффиксы чаще находятся в оппозиции к суффиксам того же временного пласта. Исследованный материал показывает если не абсолютный, то преобладающий характер выявленной закономерности, поскольку встречающиеся оппозиции «разновременных» суффиксов, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, вовлечены в ряды словообразовательных синонимов.

В целом изученные языковые данные показывают, что готский и древневерхненемецкий языки обнаруживают больше общих черт между собой по сравнению с древнеисландским. Наиболее частотная последовательность типов ОСС в готском языке представлена моделью F ein (ein) ~ F ð (īpa) ~ F i/ō (eini) ~ N ja (ja), которая засвидетельствована в шести случаях. В древневерхненемецком языке данная модель реализована в усеченном виде F īn (īn) ~ F ð (eda), но подкреплена также продуктивной моделью F īn (īn) ~ N ja (ja), что засвидетельствовано в 34 и 20 парах синонимов соответственно. Наиболее продуктивный тип оппозиции ОСС в древнеисландском языке, который также относится к наиболее частотным и в древневерхненемецком, — это тип N a (a) ~ N ia (ia). Проведенное исследование также показывает, что в готском, древнеисландском и древневерхненемецком языках границы распространения однокоренной словообразовательной синонимии гораздо шире, чем это описывалось ранее. Уже не существует сомнения в том, что словообразовательное противопоставление древнегерманских ОСС имело логическую основу, которая поддается дешифровке. Начало данной работе уже положено в трудах Э. Бенвениста, О. А. Осиповой, Н. Б. Пименовой и др. и может быть продолжено на материале как древнегерманских, так и других языков. Каким образом коррелирует установленная семантика словообразовательных элементов между собой, в каком направлении происходил семантический сдвиг в различных типах минимальных пар, организуются ли семантические различия в единую систему — это вопросы, на которые поможет ответить дальнейшее отдельное исследование употребления указанных лексических единиц в текстах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОСС — однокоренные словообразовательные синонимы

Др.-англ. — древнеанглийский

Гот. — готский

Др.-в.-нем. — древневерхненемецкий

Др.-исл. — древнеисландский

N ja (ja) — существительное среднего рода основ на -ja, суффикс -ja-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Азарх 1987 — Азарх Ю. С. О синонимии однокорневых слов // Дери́вация и история языка. Пермь, 1987. С. 64—73. [Azarkh Yu. S. On the synonymy of cognates. *Derivatsiya i istoriya yazyka*. Perm', 1987. Pp. 64—73.]
- Акимова 2002 — Акимова А. И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. [Akimova A. I. *Leksicheskaya i slovoobrazovatel'naya sinonimiya (na materiale suffiksial'nykh otsubstantivnykh glagolov)*. Avtoref. kand. diss. [Lexical and word-formation synonymy (a case study of suffixal verbs derived from nouns). Author's abstract of cand. diss.]. Kemerovo, 2002.]
- Араева 1994 — Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. [Araeva L. A. *Slovoobrazovatel'nyi tip kak*

- semanticheskaya mikrosistema. Suffiksalye substantivy* [Word-formation type as a semantic microsystem. Suffixal substantives]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994.]
- Араева 2009 — Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Librokom, 2009. [Araeva L. A. *Slovoobrazovatel'nyi tip* [Word-formation type]. Moscow: Librokom, 2009.]
- Араева, Катышев 2000 — Араева Л. А., Катышев П. А. Представление о годовом цикле в системе отыменных суффиксальных существительных // Актуальные проблемы русистики. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. С. 205—207. [Araeva L. A., Katyshev P. A. An idea of the annual cycle in the system of denominative suffixal nouns. *Aktual'nye problemy rusistiki*. Tomsk: Tomsk Univ., 2000. Pp. 205—207.]
- Ахманова 1957 — Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. [Akhmanova O. S. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow: Uchpedgiz, 1957.]
- Ахманова 2004 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. [Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS, 2004.]
- Балалыкина, Николаев 1985 — Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. Казань: Изд-во Казанского университета, 1985. [Balalykina E. A., Nikolaev G. A. *Russkoe slovoobrazovanie* [Russian word-formation]. Kazan: Kazan Univ., 1985.]
- Бережан 1967 — Бережан С. Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. XXVI. Вып. 3. С. 264—268. [Berezhan S. G. Match of certain elements of the word semantic structure as a basis of synonymy. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1967. Vol. XXVI. No. 3. Pp. 264—268.]
- Блинова 1997 — Блинова О. И. Вариативность как предел варьирования внутренней формы слова // Явление вариативности в языке. Кемерово: Кемеровский гос. университет, 1997. С. 16—24. [Blinova O. I. Variation as a limit of variability of the word's inner form. *Yavlenie variativnosti v yazyke*. Kemerovo: Kemerovo Univ., 1997. Pp. 16—24.]
- Виноградов 1975 — Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166—220. [Vinogradov V. V. Word-formation in its relation to grammar and lexicology. *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 166—220.]
- Главацкая 2007 — Главацкая Е. И. Человек в современном русском словообразовании (субстантивная производная лексика «лица»): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2007. [Glavatskaya E. I. *Chelovek v sovremennom russkom slovoobrazovanii (substantivnaya proizvodnaya leksika «litsa»)*. Kand. diss. [The man in the modern Russian word-formation (substantive derivative lexicon of «person»). Cand. diss.] Kiev, 2007.]
- Главацкая 2008 — Главацкая Е. И. Словообразовательные синонимы в сфере наименований лица // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (28 октября 2008 г.). Уфа: Изд-во Башкирского гос. университета, 2008. С. 153—157. [Glavatskaya E. I. Word-formation synonyms in the sphere of person names. *Aktual'nye problemy obshchego i regional'nogo yazykoznaniya*. Materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation (October 28, 2008). Ufa: Bashkir Univ., 2008. Pp. 153—157.]
- Голев 1989 — Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томского университета, 1989. [Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Tomsk Univ., 1989.]
- Голев 2012 — Голев Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 1: Роль фактора регулярности // Вестник Кемеровского гос. университета. 2012. № 2 (50). С. 123—128. [Golev N. D. Status and position of asemantic elements in the morphoderivational structure of the word. Article 1: Role of regularity factor. *Vestnik Kemerovskogo Gos. Univ.* 2012. No. 2 (50). Pp. 123—128.]
- Голованова 1972 — Голованова Г. П. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 112—113. [Golovanova G. P. Revisiting the role of interchangeability in detection and definition of synonyms. *Sinonimy russkogo yazyka i ikh osobennosti*. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 112—113.]
- Графкова 2011 — Графкова Т. С. К вопросу о словообразовательной синонимии имен существительных с заимствованными и автохтонными посткомпонентами (на материале немецкого языка) // Известия

- Волгоградского гос. пед. университета. 2011. № 7 (61). С. 108—112. [Grafkova T. S. Revisiting derivational synonymy of nouns with borrowed and autochthonous postcomponents (a case study of German). *Izvestiya Volgogradskogo Gos. Ped. Univ.* 2011. No. 7 (61). Pp. 108—112.]
- Гришина 2012 — Гришина Н. В. О некоторых особенностях синонимии производных слов // Вестник Кемеровского гос. университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 211—215. [Grishina N. V. On some aspects of synonymy of derivatives. *Vestnik Kemerovskogo Gos. Univ.* 2012. No. 4 (52). Vol. 1. Pp. 211—215.]
- Даниленко 1977 — Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. [Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: an attempt of linguistic description]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Дмитриева, Крючкова 2010 — Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Научная книга, 2010. [Dmitrieva O. I., Kryuchkova O. Yu. *Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: semantiko-kognitivnyi, zhanrovo-stilisticheskii, strukturnyi aspekty* [Dynamics of word-formation processes: semantic-cognitive, stylistic, structural aspects]. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2010.]
- Зеленецкий, Новожилова 2003 — Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. [Zelenetskii A. L., Novozhilova O. V. *Teoriya nemetskogo yazykoznaniiya* [Theory of German linguistics]. Moscow: Akademiya, 2003.]
- Земская 1992 — Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. [Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as activity]. Moscow: Nauka, 1992.]
- Иванова 2010 — Иванова Г. А. Словообразовательная вариантность и норма в метаязыке лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 519—521. [Ivanova G. A. Word-formation variability and norm in the metalanguage of linguistics. *Vestnik Nizhegorodskogo Univ. im. N. I. Lobachevskogo*. 2010. No. 4 (2). Pp. 519—521.]
- Ковалева 2004 — Ковалева Т. В. Производные с *-ator/-tor* в деривационной системе русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. [Kovaleva T. V. *Proizvodnye s -ator/-tor v derivatsionnoi sisteme russkogo yazyka*. Kand. diss. [Derivatives with *-ator/-tor* in the word-formation system of the Russian language. Cand. diss.]. Kemerovo, 2004.]
- Колесов 1985 — Колесов В. В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 80—87. [Kolesov V. V. Synonymy a result of the elimination of word polysemy in Old Russian. *Voprosy yazykoznanija*. 1985. No. 2. Pp. 80—87.]
- Конявская 2006 — Конявская С. В. Феномен собирательных существительных в истории русского языка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1. С. 45—52. [Konyavskaya S. V. A phenomenon of collective nouns in the history of the Russian language. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2006. No. 1. Pp. 45—52.]
- Куркина 2010 — Куркина Т. С. Словообразовательные синонимы в лексической системе территориального говора // Вузовский вестник Московского гос. обл. университета. Гуманитарные науки. Орехово-Зуево, 2010. С. 186—188. [Kurkina T. S. Word-formation synonyms in the lexical system of a territorial dialect. *Vuzovskii vestnik Moskovskogo Gos. Obl. Univ. Gumanitarnye nauki*. Orekhovo-Zuevo, 2010. Pp. 186—188.]
- Лемов 2000 — Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2000. [Lemov A. V. *Sistema, struktura i funktsionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoi lingvisticheskoi terminologii)* [System, structure and functioning of the scientific term (a case study of the Russian linguistic terminology)]. Saransk: Mordovian Univ., 2000.]
- Литвинникова 1995 — Литвинникова О. И. Словообразовательная парадигматика русского диалектного глагола: Дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1995. [Litvinnikova O. I. *Slovoobrazovatel'naya paradigmatica russkogo dialektnogo glagola*. Dokt. diss. [Word-formation paradigmatics of the Russian dialect verb. Doct. diss.]. Kiev, 1995.]
- Логутенкова 1984 — Логутенкова Т. Г. Исследование производных суффиксальных существительных с абстрактными значениями в древнегерманской переводной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. [Logutenkova T. G. *Issledovanie proizvodnykh suffiksals'nykh sushchestvitel'nykh s abstraktnymi znacheniyami v drevnegermanskoi perevodnoi proze*. Avtoref. kand. diss. [A study of derivative suffixal nouns with abstract meaning in the Old German translated prose. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 1984.]
- Матвеева 1980 — Матвеева Л. В. Отглагольные абстрактные существительные с суффиксами *-ung*, *-ing* и *-nes* в древнеанглийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. [Matveeva L. V. *Otglagol'nye abstraktnye sushchestvitel'nye s suffiksami -ung, -ing i -nes v drevneangliiskom yazyke*:

- AvtoREF. kand. diss. [Deverbative abstract nouns with *-ung, -ing* and *-nes* suffixes in the Old English language. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 1980.]
- Мишук 2011 — Мишук Е. В. К вопросу о словообразовательной синонимии производных существительных в древнеанглийском // Вестник Костромского гос. университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 1. С. 93—96. [Mishchuk E. V. Revisiting the problem of derivative nouns synonymy in Old English. *Vestnik Kostromskogo Gos. Univ. im. N. A. Nekrasova*. 2011. No. 1. Pp. 93—96.]
- Нещименко 1982 — Нещименко Г. П. О некоторых аспектах изучения словообразовательной вариативности // Вариативность как свойство языковой системы. Ч. 2. М.: Наука, 1982. С. 22. [Neshchimenko G. P. On some aspects of word-formation variability study. *Variativnost' kak svoistvo yazykovoi sistemy*. Part 2. Moscow: Nauka, 1982. P. 22.]
- Николаев 1979 — Николаев Г. А. Типы словообразовательной синонимии в русском языке // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1979. № 2. С. 257—264. [Nikolaev G. A. Types of word-formation synonymy in Russian. *Slavia orientalis*. Warszawa, 1979. No. 2. Pp. 257—264.]
- Николаев 1980 — Николаев Г. А. Словообразовательная синонимия и обратная соотнесенность // Развитие синонимичных отношений в истории русского языка. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1980. С. 6. [Nikolaev G. A. Word-formation synonymy and inverse relatedness. *Razvitie sinonimichnykh otnoshenii v istorii russkogo yazyka*. Izhevsk: Udmurt Univ., 1980. P. 6.]
- Николаев 2007 — Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / Под ред. Шабровой Е. Н. СПб.: Наука; Вологда: Вологодский пед. университет, 2007. С. 7—29. [Nikolaev G. A. Theoretical problems of Russian word-formation. Kazan scientific school. *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* Shabrova E. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka; Vologda: Vologda Ped. Univ., 2007. Pp. 7—29.]
- Николаев 2009 — Николаев Г. А. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казанского университета, 2009. [Nikolaev G. A. *Leksii po russkomu slovoobrazovaniyu: ucheb. posobie* [Lectures on Russian word-formation: a teaching-guide]. Kazan: Kazan Univ., 2009.]
- Новицкая 2005 — Новицкая И. В. Проблема интерпретации однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке // Вестник Томского гос. пед. университета. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 4. С. 27—32. [Novitskaya I. V. A problem of interpretation of cognate heteroclite nouns in Gothic. *Vestnik Tomskogo Gos. Ped. Univ. Ser. Gumanitarnye nauki (filologiya)*. 2005. No. 4. Pp. 27—32.]
- Новицкая 2010 — Новицкая И. В. Готское абстрактное имя в системе склонения. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. [Novitskaya I. V. *Gotskoe abstraktnoe imya v sisteme skloneniya* [Gothic abstract noun in the system of declension]. Tomsk: TML-Press, 2010.]
- Осипова 1988 — Осипова О. А. Синонимия парадигматики существительного у древних германцев // Грамматическая и лексическая синонимия, антонимия, омонимия. Томск: Томский гос. пед. институт, 1988. С. 14—21. [Osipova O. A. Synonymy of noun paradigmatics in Old German. *Grammaticheskaya i leksicheskaya sinonimiya, antonimiya, omonimiya*. Tomsk: Tomsk Gos. Ped. Institut, 1988. Pp. 14—21.]
- Пименова 1998 — Пименова Н. Б. Семантическая роль *ō*-основ в древнегерманском именном словообразовании // Вестник Московского гос. университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 44—52. [Pimenova N. B. Semantic role of *ō*-stems in the Old German noun word-formation. *Vestnik Moskovskogo Gos. Univ. Ser. 9. Filologiya*. 1998. No. 1. Pp. 44—52.]
- Пименова 2007 — Пименова Н. Б. Древневерхненемецкие имена на *-ti-* (ж. р.) и *-ti-/ta-* (м. р.) и их готские параллели: параметры сравнения словообразовательных типов в родственных языках // *Lingua Gotica: novye issledovaniya*. Институт языкознания РАН / Отв. ред. Бабенко Н. С. Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. С. 180—191. [Pimenova N. B. Old High German names with *-ti-* (feminine) and *-ti-/ta-* (masculine) and their Gothic parallels: parameters of comparison of word-formation types in kindred languages. *Lingua Gotica: novye issledovaniya*. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Babenko N. S. (ed.). Kaluga: IP Koshelev A. B. (Izd-vo Eidos), 2007. Pp. 180—191.]
- Пименова 2011 — Пименова Н. Б. Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). М.: Языки славянских культур, 2011. [Pimenova N. B. *Drevneverkhnenemetskie slovoobrazovatel'nye tipy otvlechennykh imen (rekonstruktsiya sistemnykh otnoshenii)* [Old High German word-formation types of abstract nouns (reconstruction of systemic relations)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Проскурин 2005 — Проскурин С. Г. Семиотика индоевропейской культуры. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. [Proskurin S. G. *Semiotika indoevropskoi kul'tury* [Semiotics of the Indo-European culture]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005.]

- Скоробогатова, Ковалева 2006 — Скоробогатова Е. В., Ковалева Т. В. Словообразовательная синонимия как проявление синергетических процессов в словообразовательных типах с формантом *-ист* // Наука и образование. Материалы VI Международной научной конференции (2—3 марта 2006). Белово: Беловский полиграфист, 2006. Ч. 3. С. 221—228. [Skorobogatova E. V., Kovaleva T. V. Word-formation synonymy as expression of synergetic processes in word-formation types with *-ist* formant. *Nauka i obrazovanie. Materials of the 6th International Scientific Conference (March 2—3, 2006)*. Belovo: Belovskii Poligrafist, 2006. Part 3. Pp. 221—228.]
- Смирницкий 1956 — Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. [Smirnitskii A. I. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow: Izd-vo literatury na Inostrannykh Yazykakh, 1956.]
- Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. [Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russkii Yazyk, 1985.]
- Улукханов 2001 — Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Ulukhanov I. S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya* [Word-formation semantics in Russian and principles of its description]. Moscow: Editorial URSS, 2001.]
- Фаворин 1953 — Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1953. [Favorin V. K. *Sinonimy v russkom yazyke*. [Synonyms in the Russian language]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe Izd-vo, 1953.]
- Хожиккулова 1995 — Хожиккулова О. А. Словообразовательная суффиксальная синонимия имен с общим значением качества в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. [Khozhikulova O. A. *Slovoobrazovatel'naya suffiksial'naya sinonimiya imen s obshchim znacheniem kachestva v russkom yazyke*: Avtoref. kand. diss. [Word-formation suffixal synonymy of nouns with general meaning of quality in Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Kazan, 1995.]
- Шептухина, Мешкова 2011 — Шептухина Е. М., Мешкова Т. А. Закономерности реализации отношений словообразовательной синонимии префиксальных глаголов в тексте (на материале разножанровых произведений Ф. Прокоповича) // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 55—60. [Sheptukhina E. M., Meshkova T. A. Patterns of realization of prefixal verbs word-formation relations in the text (a case study of F. Prokopovich's works of various genres). *Vestnik Volgogradskogo Gos. Univ. Ser. 2. Yazykoznanie*. 2011. No. 2 (14). Pp. 55—60.]
- Шумилова 2010 — Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка). Кемерово: Кемеровский гос. университет, 2010. [Shumilova A. A. *Sinonimiya kak mental'no-yazykovaya kategoriya (na materiale leksicheskoi i slovoobrazovatel'noi sinonimii russkogo yazyka)* [Synonymy as a mental and linguistic category (a case study of lexical and word-formation synonymy in Russian)]. Kemerovo: Kemerovo Univ., 2010.]
- Яценецкая 1992 — Яценецкая М. Н. Пропозитивный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Материалы Всесоюзной научной конференции «Говоры и разговорная речь». Кемерово: Кемеровский гос. университет, 1992. С. 4—33. [Yantsenetskaya M. N. A propositive aspect of word-formation (a review of works of Siberian derivatologists. *Aktual'nye problemy regional'noi lingvistiki i istorii Sibiri*. Materials of the All-Union Scientific Conference «Dialects and colloquial language». Kemerovo: Kemerovo Univ., 1992. Pp. 4—33.]
- Ahlsson 1960 — Ahlsson L.-E. *Die Altfriesischen Abstraktbildungen*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1960.
- Benveniste 1961 — Benveniste E. Fonctions suffixales en gotique. *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 1961. No. 56/1. Pp. 21—45.
- Brugmann 1892 — Brugmann K. *Gründriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Trübner, 1892. Bd 2.
- Casaretto 2004 — Casaretto A. *Nominale Wortbildung der gotischen Sprache. Die Derivation der Substantive*. Heidelberg: Winter, 2004.
- Cleasby, Vigfússon 1957 — Cleasby R. *An Icelandic — English Dictionary*. Vigfússon G. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1957.
- Feist 1920 — Feist S. *Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache*. Halle: Druck von Karras, Kröber und Nietschmann, 1920.
- Fleischer, Barz 1995 — Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer, 1995.

- Kluge 1926 — Kluge F. *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte*. Halle: M. Niemeyer, 1926.
- Köbler 1993 — Köbler G. *Althochdeutsches Wörterbuch*. 1993. Available at: <http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html>.
- Kotin 2011 — Kotin M. L. Zur historischen Entwicklung der Definitheitsmarker in der Germania und Slavia. Die Frühformen der Definitheits-Kodierung. *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme = History and Typology of Language Systems*. Kotin M. L., Kotorova E. G. unter Mitarbeit von M. Durrell (Hrsg.). Heidelberg: Winter, 2011. Pp. 147—157.
- Kotin 2012 — Kotin M. L. *Gotisch: Im (diachronischen und typologischen) Vergleich*. Heidelberg: Winter, 2012.
- Krause 1953 — Krause W. *Handbuch des Gotischen*. München: Beck, 1953.
- Lehmann 1986 — Lehmann W. P. *A Gothic etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1986.
- Meid 1967 — Meid W. *Germanische Sprachwissenschaft. Teil III. Wortbildungslehre*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1967.
- Ossipova 1999 — Ossipova O. The mystery of consonantal nominal stem-building markers in Ancient Germanic. *Language and parole in synchronic and diachronic perspective*. Selected Proceedings of the XXXIst Meeting of the Societas Linguistica Europaea, St. Andrews, 1998. Beetham Ch. (ed.). Oxford: Elsevier, 1999. Pp. 411—418.
- Pimenova 2000a — Pimenova N. B. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe *-ī(n)-*, *-ō-* in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen. *Sprachwissenschaft*. Heidelberg, 2000. Bd 25. Heft 3. S. 297—334.
- Pimenova 2000b — Pimenova N. B. Die semantische Distribution der Gotischen Abstrakta auf *-ei* und *-ipa*. *Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*. 2000. Bd 122. S. 3—22.
- Pimenova 2002a — Pimenova N. B. Die Funktional-Semantische Verteilung der Eigenschaftsnomina auf *-ī(n)-* und *-ida-* im Althochdeutschen und die Subjekt-objekt Relation. *Zeitschrift für Deutsche Philologie*. 2002. Bd 121. Heft 1. S. 89—120.
- Pimenova 2002b — Pimenova N. B. Die semantische Stellung von deverbalen *ī(n)-*Nomina im althochdeutsche Wortbildungssystem. *Historische Wortbildung des Deutschen*. Habermann M., Müller P. O., Munske H. H. (Hrsg.). Tübingen, 2002. S. 137—158.
- Rask 1843 — Rask E. A. *A Grammar of the Icelandic or Old Norse Tongue*. Transl. From the Swedish by Dasent G. W. London: William Pickering, 1843.
- Schützeichel 1989 — Schützeichel R. *Althochdeutsches Wörterbuch*. Tübingen: Niemeyer, 1989.
- Streitberg 1910 — Streitberg W. *Die Gotische Bibel. Zweiter Teil: Gotisch — Griechisch — Deutsches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter, 1910.
- Uhlenbeck 1896 — Uhlenbeck C. C. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache*. Amsterdam: Verlag von Joh. Müller, 1896.
- Vries 1957 — De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill, 1957.
- Zoëga 1910 — Zoëga G. T. *A concise dictionary of Old Icelandic*. Oxford: Clarendon Press, 1910.

Статья поступила в редакцию 01.04.2014.

АВТОНОМИЗМУС, СОЦИАЛИЗМУС И ИДИОТИЗМУС: ЕВРОПЕИЗМЫ В ИВРИТЕ, 1917—1918

© 2015 г. **Софья Борисовна Ямпольская**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 191187, Россия
sonyayamp@gmail.com

Концептуализация истории иврита на рубеже XIX—XX вв. представляет собой интересную проблему для социолингвистики. Существующие теории, весьма разнящиеся между собой, сходятся в одном положении: иврит претерпел кардинальные изменения в Палестине в указанный период времени. Одной из важных задач модернизации иврита, которую часто называют «возрождением» языка, было расширение словаря.

Настоящая статья предлагает анализ европейских заимствований (500 лексем), обнаруженных в московской газете на иврите, выходившей в 1917—1918 гг. Заимствования рассматриваются с точки зрения орфографической, грамматической и морфологической адаптации, с опорой на материал ивритской прессы предыдущего периода (второй половины XIX в.). Анализ материала показывает, что основные модели адаптации заимствований, работающие в современном иврите, сложились в начале XX в. вдали от Палестины, т. е. от деятельности Э. Бен-Иегуды и от новых поколений говорящих, для которых иврит стал первым языком, что не вписывается в существующие теории.

Ключевые слова: диглоссия, распад диглоссии, нативизация языка, европеизмы, заимствования, газетный иврит, идиш, ашкенозис, возрождение иврита

AVTONOMIZMUS, SOCIALIZMUS AND IDIOTIZMUS: EUROPEAN LOANWORDS IN HEBREW, 1917—1918

Sonya B. Yampolskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia; European University at St. Petersburg, St. Petersburg, 191187, Russia
sonyayamp@gmail.com

Conceptualisation of Hebrew language history at the turn of 19th—20th centuries poses a curious and problematic case for sociolinguistics. Modern theories on this subject, often contradicting one another, have one assumption in common: Hebrew underwent crucial linguistic changes in Palestine during the period. The Hebrew language modernization usually referred to as Hebrew «revival» faced inter alia a challenge to expand Hebrew vocabulary.

The article at hand presents an analysis of European loanwords (500 lexemes), found in a daily Hebrew newspaper, published in Moscow in 1917—1918. Orthographic, morphological and grammar adaptation of the loanwords, as well as functional groups of borrowings, are examined, building on the data of Hebrew newspapers of the previous period (the second half of the 19th century). The analysis shows that basic models of loanword adaptation, which are still actual in Modern Hebrew, were elaborated in the early 20th century far away from Palestine, i.e. both from activity of Ben-Yehuda and from first generations of Hebrew speakers, thus our general interpretations of Hebrew history remain open to question.

Keywords: diglossia, dissolution of diglossia, language nativization, europeisms, loanwords, newspaper Hebrew, Yiddish, Ashkenazic Hebrew, Hebrew revival

0. ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье¹ речь пойдет о заимствованной международной лексике в иврите столетней давности на материале газеты на иврите «Гоом» («Народ»), выходившей в Москве в 1917—1918 гг. В основе работы — 500 новых заимствований, обнаруженных в «Гооме». Под новыми заимствованиями мы понимаем слова, вошедшие в иврит после 1880 г., большая их часть начинает широко использоваться в 1910-е гг. Исследование преследует две цели: 1) описать и представить материал, не исследовавшийся до сих пор; 2) попытаться осмыслить, как полученные данные согласуются или не согласуются с общими теориями, описывающими развитие иврита в начале XX в.

Этот период в истории языка особенно интересен: то ли «мертвый» древнееврейский язык в начале XX в. оживает и становится разговорным языком в Палестине, то ли в это время рождается совершенно новый еврейский язык...

В периодизации иврита принято выделять иврит маскильский (европейский иврит со второй половины XVIII в. по 1881 г., когда Э. Бен-Иегуда, идеолог возрождения иврита, переезжает в Палестину) и современный израильский иврит (иврит Палестины, позже Израйла, с конца XIX в. по сей день); из последних работ см. [Zuckermann 2009: 44]. При этом европейский иврит начала XX в. оказывается за пределами общепринятой периодизации языка и вне внимания исследователей².

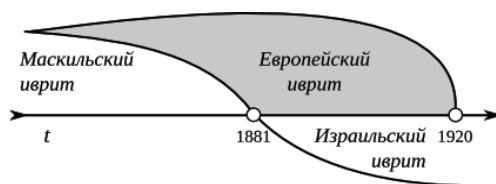

Рис. Периодизации иврита

Традиционно выделяются маскильский иврит (Западная и затем Восточная Европа) и сменяющий его израильский иврит. Как можно видеть, за пределами такой хронологии остается европейский иврит 1880—1920.

Если мы посмотрим на развитие иврита не ретроспективно — из нашего времени в прошлое, а взглянем на синхронный срез 1917—1918 гг., то окажется, что именно Восточная Европа, а в эти годы в особенности Москва, была центром языковой активности иврита. Тогда Шаляпин пел со сцены «Атикву», Бялик читал открытые лекции на иврите в зале Политехнического музея, а Цемах открывал в Москве театр на иврите «Габима» (режиссером которого был Вахтангов). В России действовали десятки ивритских детских садов³, в Мо-

¹ Автор выражает глубокую признательность Керен Дубнов, Дов-Беру Керлеру и Николаю Вахтину за замечания и дополнения к работе, а также сердечно благодарит Анну Верщик, Лили Кан, Гилада Цукерманна, Анну Кушкову и Ариэля Когана за предоставление научных материалов, недоступных в России. Никто из вышеперечисленных, разумеется, не несет ответственности за содержание статьи.

² На недостаточную изученность европейского иврита, в частности, сетует Л. Глинерт в предисловии к выпущенному им сборнику «Hebrew in Ashkenaz: language in exile» [Glinert 1993: 3]. Несколько исправляет положение недавняя монография Б. Харшава «Language in time of revolution» [Harshav 1993], в которой автор уделяет внимание также событиям, происходившим в России и Восточной Европе. Книга получила широкую популярность и в 2008 г. была переведена на русский язык [Харшав 2008]. Поскольку это первая работа в своем роде, она носит общий характер и дает импульс дальнейшим детальным исследованиям.

³ По данным документов ГАРФ (Ф. Р-1318. ОП. 1. Д. 562. Л. 10) [Чистяков 2011: 3], к 1918 г. в России было 55 ивритских детских садов в ведении просветительской организации «Тарбут». Из многочисленных объявлений в газете «Гоом», рекламирующих ивритские садики, мы знаем, что в 1918 г.

ске и Одессе существовали курсы Альтермана и Гальперина, где готовили для них воспитательниц. Были также школы и гимназии, в которых преподавание части или всех предметов велось на иврите. В 1918 г. в Москве выходила ежедневная политическая газета на иврите «Гоом», журнал для детей «Шесилим» и толстый литературный журнал «Гатекуфа».

Позже, в конце 1920-х — 1930-е гг., многие представители российской ивритской интеллигенции оказались в Палестине, где продолжали развивать культуру на иврите. Трое редакторов газеты «Гоом» (М. Гликсон, М. Клейнман и Ш. Черновиц) в 1920-е гг. стали работать в Тель-Авиве в редакции «Гаарэц» — главной ивритской газеты Палестины. Все это заставляет предположить, что «московский» иврит играл не последнюю роль в позднейшем развитии иврита израильского.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать один аспект истории языка (европейские заимствования) на материале, к которому лингвисты пока не обращались. Не имея возможности в рамках одной статьи полностью отразить ситуацию, связанную с европейскими заимствованиями в иврите, мы представим читателю лишь те наблюдения над вопросами, которые кажутся нам наиболее любопытными.

Отметим, что некоторые существенные для данной темы наблюдения можно встретить в работах, посвященных смежным областям — маскильскому ивриту (предыдущий период европейского иврита) и раннему израильскому ивриту (иврит интересующего нас периода в Палестине).

0.1. Маскильский период

Иврит второй половины XVIII — конца XIX в. называется маскильским по просветительскому движению Гаскала, в частности стремившемуся создать светскую литературу на «чистом», т. е. библейском иврите. Большинство работ в этой области посвящено литературоведческому анализу, некоторые описывают язык художественной литературы ([Alter 1988; Mirkin 1990] и др.). В конце XIX в. М. Мойхер-Сфоримом (Ш.-Я. Абрамович) разработал новый стиль в ивритской литературе, сочетающий черты иврита разных исторических пластов, а также идиша [Frieden 2012]. Его произведения пользовались небывалой популярностью и повлияли на дальнейшее развитие художественной прозы на иврите.

Одновременно с «высокой» литературой просветителей-маскилов существовал «народный» иврит хасидов. В немногочисленных работах, посвященных языку хасидской литературы этого периода, содержатся весьма любопытные наблюдения о влиянии идиша, русского и польского на язык хасидских авторов. Хасидский иврит высмеивался маскилами за его простоту, грубость и простонародный характер, каковые качества приписывались ему из-за простого синтаксиса, а также из-за калек и заимствований из идиша и славянских языков [Frieden 2008; 2009; Kahn 2014].

Сходные черты присущи и языку газеты «Гоом» — синтаксис его проще, чем в художественной литературе, в нем мало сложной метафорики (того, что в маскильском иврите называется «мелица» — стиль красноречия, основанный на игре библейскими цитатами) и много новых заимствований (международной лексики, общей с идишем и русским), но, в отличие от XIX в., в 1917 г. такой язык газеты имел совершенно иной статус и вызывал восхищение и гордость, а не насмешки⁴.

Для настоящей статьи важно отметить следующее: с одной стороны, еврейское сообщество Восточной Европы в XIX в. характеризовалось диглоссией иврита (H) и идиша (L) [Glinert 1987; Fishman 1967: 31]. В конце XIX — начале XX в. начинается распад этой

около половины из них существовали независимо от «Тарбута», т. е. можно предположить, что их общее число было еще больше.

⁴ Например, М. Клейнман, влиятельный писатель и журналист, писал на страницах «Гоома» о том, как расцвел и преобразился язык ивритской прессы за последние 20 лет (Гоом. 1917. № 18, 6 августа. С. 1).

иврит-идишской диглоссии, в ходе которого каждый из языков стремится захватить все области использования — в идише развиваются верхние регистры литературного языка (художественная проза, поэзия), в иврите — нижние регистры, включая разговорный язык (детские сады и школы с преподаванием на иврите и т. д.). С другой стороны, языковая ситуация диглоссией не исчерпывалась. В России и Восточной Европе в XIX в. евреи часто владели несколькими европейскими языками: как минимум русским, польским и немецким [Fishman 1981: 747]. Многоязычие евреев вообще и элиты, порождающей ивритские тексты, в частности послужило почвой для адаптации ивритом множества европеизмов.

0.2. Работы о генезисе современного иврита

Основное направление работ, посвященных истокам современного израильского иврита, представлено агиографиями Э. Бен-Иегуды. Любые экскурсы в историю иврита XX в. до сих пор воспроизводят миф о возрождении иврита Бен-Иегудой. Последний известный нам случай такого рода встречается в огромном труде Т. Камуселлы, посвященном языковой политике в Центральной Европе [Kamusella 2012: 309—310]. Между тем несостоятельность этого мифа признана, пусть и довольно узким кругом исследователей: первым авторитетным автором, поставившим под сомнение общепризнанную историю «возрождения иврита», считается Б. Харшав [Харшав 2008: 212—213], те же идеи развивает Ш. Изреель [Izre'el 2001: 1—2], Р. Кузар разбирает этот миф с позиций дискурсивного анализа [Kuzar 2001: 84—92], Л. Глинерт уже пишет об этом в общей энциклопедической статье о современном иврите [Glinert YIVO], Н. Сейдман деконструирует миф, используя гендерный подход [Seidman 1997: 102—114], и т. д.

Исследователи новой волны (последних 20 лет) пытаются противопоставить новые концепции мифологическому изложению истории иврита XX в. Приведем работы трех авторов: П. Векслера, Ш. Изрееля и Г. Цукерманна [Wexler 1995; Izre'el 2001; Zuckermann 2003; 2009]. Общую идею этих работ можно свести к следующему: невозможно сделать разговорным языком сообщества язык, бытующий только на письме и лишенный носителей, для которых бы он был родным, материнским языком. Значит, перед нами не возрождение старого языка, а создание языка нового (не семитского). Векслер видит в современном иврите «релексифицированный» идиш, Изреель — креольский язык, возникший из смешения иврита со славянскими и западноевропейскими языками, Цукерманн — гибридный семито-европейский язык.

Иврит газеты «Гоом» дает нам материал, не вписывающийся ни в одну из этих концепций. Традиционная картина предполагает, что в 1910-е гг. центром «возрождения» иврита была Палестина, а основным его действующим лицом — Бен-Иегуда. Между тем язык ежедневной газеты, ее живой стиль, объем, тираж, территория распространения и транслируемая в ней информация в сравнении с газетой «Гацви», издававшейся Бен-Иегудой в Палестине в 1909—1915 гг., свидетельствует об обратном. Как справедливо заметил Харшав, «“период ренессанса” ивритской литературы начался в России <...> после того как Бен-Иегуда отбыл в отдаленную провинцию Османской империи, Палестину. Поэтому, несмотря на то, что он изобрел множество неологизмов и тысячами классифицировал старые слова, его сочинения производили впечатление устаревших и излишне риторичных, его газеты — старомодных, а его речь казалась посетителям, знакомым с возрождением ивритской литературы в Европе, детским лепетом» [Харшав 2008: 238—239].

Новые концепции «ревернакуляризации» иврита ценны своими апофатическими постулатами (иврит XIX в. неверно называть мертвым языком; процессы, происходившие в иврите в XX в., некорректно называть возрождением (*revival*); Бен-Иегуда не играл в них ключевой роли и т. п.), а также данными о влиянии на иврит идиша, славянских и западноевропейских языков. Но их пока недостаточно, чтобы дать непротиворечивую

картину истории языка — слишком много данных с ними не согласуется. Так, наблюдения над развитием языка в упомянутых работах строятся на предположении, что нативизация иврита в Палестине привела к таким кардинальным изменениям, после которых его следует рассматривать как новый язык. Между тем язык европейской прессы на иврите демонстрирует как раз преемственность в развитии иврита, по крайней мере письменного⁵.

0.3. Заимствования в ивритской прессе XIX в.

Первые газеты на иврите начали выходить в середине XVIII в. в Германии, столетием позже центром периодической печати на иврите становится Запад Российской империи (очерк истории прессы на иврите в России см. в [Римон 2007: 141—142]). «Во второй половине XIX в. в России выходило четыре (мы подчеркиваем это) ежедневные газеты на иврите: «Гамагид», «Гамелиц», «Гайом», «Гацфира» — на идише ни одной, — пишет в своих воспоминаниях Б. Каган, идишский журналист и литератор [перевод с идиша наш. — С. Я.], — журналы на иврите также выходили в этом столетии чаще журналов на идише и количество их, представьте себе, было больше» [Kagan 1991: vii]. Только в ОЛСАА РНБ⁶ в Петербурге хранится 79 периодических изданий, выходивших на иврите в Восточной Европе и России до 1918 г.⁷ Стиль и содержание газет постепенно меняются: от витиеватого языка просветителей, полного библеизмов и рассуждений о духовности, — к энергичному информационному стилю газет XX в., где важнее передать не идею, а факты — где, кто, когда. Проблема нехватки лексики для описания современных реалий и идей существовала все эти годы и решалась по-разному.

Общие наблюдения над заимствованиями в ивритской прессе складываются в следующую картину. В 1860—1870-е гг. в основном тексте заимствования использовались редко. Новое понятие передавалось описательно несколькими ивритскими словами, а в скобках давалось пояснение через иностранное слово, обычно на немецком в ивритской графике, реже по-русски или на европейских языках. В прессе 1870—1880-х гг. таких пояснений становится очень много (может быть несколько в одном предложении). Имена собственные и названия давались латиницей, реже — в ивритской графике, которая в скобках пояснялась латиницей. Постепенно часть иностранной лексики выходит из скобок и начинает использоваться в основном тексте (в ивритской графике) — так язык пополняется европейскими. В газетных новостях 1880-х гг. мы встречаем огромное количество немецкой лексики, записанной в ивритской транслитерации, большая часть которой совершенно не адаптирована — сохраняет все флексии немецкого, включая падеж и число⁸. В 1890-е гг. ориентация на немецкий заметно снижается, в начале 1900-х уже сильнее влияние русского языка. Заимствований становится меньше, но они начинают все больше адаптироваться в языке грамматически и орфографически. Иностранные имена и названия передаются ивритским письмом, а пояснения в скобках в 1910-е гг. уже очень редки.

⁵ Й. Решеф в своей недавней статье [Reshef 2014] подтверждает наши наблюдения. Проследившая развитие ранней ивритской прессы в Палестине, она выделяет три направления в развитии языка газетного стиля: консервативный (маскильский), иерусалимский (язык газеты Бен-Иегуды) и европейский. При этом зачатки современного газетного стиля она видит именно в последнем.

⁶ Отдел литературы на языках стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки.

⁷ Каталог ивритской периодики собрания ОЛСАА см. по ссылке: <http://olsaa-rnb.blogspot.ru> (дата обращения 09.10.2013).

⁸ См., например, «Гамагид» за 28.02.1883, с. 5. Статья «Швеция» посвящена похоронам Р. Вагнера. Среди выступавших на похоронах упоминается некто Липпенс, произносивший речь «от имени либеральной ассоциации» (ивритский текст приводится в транскрипции): *be-šem* ('от имени', ивр.) *liberal-en ferain-s* (нем. *Verein*, оба германизма имеют немецкие окончания имен ед. ч. род. п.); а также «профессора университета»: *ha-professor-en šel ha-univerzitet* (германизм *professor-en* имеет немецкое окончание имени мн. ч.).

Социальные и политические катаклизмы начала XX в. в России отражались на развитии русского языка, в частности, с ними связано большое количество заимствованной международной лексики [Горнфельд 1922; Карцевский 1922; Селищев 1928; Живов 2005]. Те же события стали триггером и для развития иврита. Февральская революция, с одной стороны, сняла все ограничения с использования иврита, дала ему возможность развиваться на равных с остальными языками⁹, а с другой — поставила его перед трудной задачей: стать актуальным языком описания ежедневно меняющейся действительности. Пример русского языка, по всей видимости, играл существенную роль в процессе модернизации иврита. Неслучайно вся европейская лексика «Гоома», за редчайшими исключениями, представлена и в русском языке. Те же процессы пополнения словарного запаса и освоения иностранной лексики, что и в русском языке, в газетном иврите в 1917—1918 гг. протекают с необычайной стремительностью. Заимствования последних 30 лет адаптируются грамматически и орфографически, новые заимствования быстро проходят весь путь адаптации по уже выработанным моделям. Модели эти с тех пор прижились и широко используются в современном иврите.

Новая лексика (будь то заимствования или неологизмы) — наиболее актуальная проблема становления современного иврита. Для законодателей иврита в Палестине свобода от заимствований была важной и эмоционально окрашенной темой — она означала самостоятельность и витальность языка. Таково было убеждение Э. Бен-Иегуды, идеолога и практика неологии. Изобретая новые слова и создавая сводные словари старой лексики, Бен-Иегуда не столько заполнял лакуны (как принято считать), сколько боролся с европейскими заимствованиями [Fellman 1973: 59, 69], и ту же деятельность продолжает Академия языка иврит по сию пору¹⁰. Отражение этих взглядов мы находим даже у профессиональных лингвистов: «Средний газетный или книжный текст [на иврите] содержит гораздо меньше иностранных слов, чем соответствующий русский или немецкий (не говоря уже об английском)» [Долгопольский 1990: 351]. Важно понимать, что все неологизмы, возникавшие в иврите и в XVIII, и в XX вв., вводились как эквиваленты ключевых понятий европейской культуры, т. е. играли ту же функциональную роль, что и заимствования. Подробный обзор примеров см. в [Blau 1981: 60—142].

1. Материал

1.1. Общие сведения о газете «Гоом»

С началом Первой мировой войны закрывается большинство ивритских газет: полтавская «Гамодия» в 1914 г. перешла на идиш, но вскоре была закрыта; в 1915 г. закрылась старейшая петербургская газета «Гамелиц»¹¹, а за ней виленский «Газман»; варшавская «Гацфира», ранее ежедневная, с 1917 г. начала выходить раз в неделю.

Летом 1917 г. Б. Кац, журналист и переводчик, публиковавшийся на иврите, идише и польском и к тому времени уже имевший опыт издания газет на иврите («Газман» и «Гэд

⁹ См. постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 г., давшее всяческие свободы и, в частности, отменившее черту оседлости и ограничения на использование национальных языков и другие постановления за тот же месяц [Журналы заседаний Временного правительства].

¹⁰ Цукерманн приводит поучительную стенограмму заседания Академии — две страницы прений о замене общепринятого *želatina* на ивритский неологизм [Zuckermann 2008a: 142—143].

¹¹ Считается, что газета «Гамелиц» перестала выходить в 1904 г. Эти сведения приводятся в двух общих статьях, посвященных этой газете: в энциклопедии ИВО [Holtzman YIVO] и на сайте Historical Jewish Press (<http://web.nli.org.il/sites/JPress/English/Pages/hmlets.aspx>, дата обращения 21.03.2014). Однако в отделе ОЛСАА РНБ хранятся выпуски газеты «Гамелиц» до 1915 г., включая неизвестные исследователям номера за 1905—1915 гг., выходившие в Санкт-Петербурге.

Газман», 1903—1915, Петербург, Вильна) и на идише («Ди цайт», 1905—1906, Вильна), получил разрешение издавать в Москве две газеты — одну на идише, вторую на иврите. Кац решил ограничиться одним изданием, выбрав иврит. Его проект получил поддержку еврейских культуртрегеров и меценатов — И. Найдича, А. Подлишевского и чуть позже Г. и М. Златопольских [Katz B. 1983: 96]. Газета «Гоом» стала единственным ежедневным изданием на иврите в Восточной Европе¹².

Начиная с июля 1917 г. ежедневная газета большого формата объемом в четыре полосы под названием «Гоом» стала выходить пять раз в неделю в Москве. Издание освещало политические и общественные события в России и мире вообще и в еврейском мире в частности¹³. Постоянными рубриками газеты были «Мир или война?» (рубрика первой полосы); «В русских газетах» (дайджест русской прессы); «В России» (собственные статьи о новостях российской политики); «В нашем мире» (новости еврейской жизни России, Украины, Польши, Литвы, Западной Европы, Палестины, США, Аргентины и др.); «Экономическое обозрение»; «Эхо дня» (аналитические статьи о российской политике); «В Москве» (хроника московской жизни); «Телеграммы» (сообщения с мест о событиях в России и Европе); «В последний момент» (экстренные сообщения о последних событиях в России и Европе, полученные по телеграфу или телефону от собственных корреспондентов). Большую часть последней полосы занимали реклама и частные объявления.

Из воспоминаний Б. Каца известно, что первый тираж составлял 7 000 экземпляров, но, поскольку газета пользовалась большим спросом, в дальнейшем тираж значительно увеличился [Katz B. 1983: 96]. О географии распространения газеты можно судить по частным объявлениям, присылаемым читателями, в которых указывается пункт, из которого объявление было отправлено. Опираясь на данные этих объявлений, мы составили карту распространения газеты. Карта эта насчитывает 60 городов и местечек на территории России, Украины, Белоруссии, Румынии, Грузии, Финляндии, Эстонии и Китая: от Томска на севере до Сухуми на юге и от Гельсингфорса на западе до Харбина на востоке¹⁴.

Тексты газеты «Гоом» были выбраны в качестве материала для исследования в силу следующих причин: 1) это единственная ежедневная газета на иврите, которая издавалась в период 1917—1918 гг. (не только в Восточной, но и Западной Европе и на Ближнем Востоке); 2) эта газета выходила в крупном еврейском центре (в Москве, где в силу пертурбаций Первой мировой войны сосредоточилась еврейская культурная жизнь); 3) эта газета издавалась не одним лицом, а широкой редакционной коллегией и имела много авторов, стало быть, ее язык отражает не индивидуальные вкусы издателя, но скорее общие языковые тенденции того времени. Анализ европейских заимствований газеты «Гоом» проводился с оглядкой на ивритскую прессу предыдущего периода, а именно на газеты «Гацефира», «Гамагид», «Гамелиц», «Гацви», «Гапозль гацаир»: орфографическая, грамматическая и морфологическая адаптация, а также сам состав и количество заимствований в «Гооме», сопоставлялись с соответствующими показателями в более ранней ивритской прессе. Богатое собрание прессы на иврите хранится в ОЛСИА РАН, кроме того, в работе использовались возможности проекта «Historical Jewish Press»¹⁵, в рамках которого номера многих газет оцифрованы и имеют внутренний поиск.

¹² В то же время в Москве начали выходить литературный ежеквартальник «Гаткуфе» и детский журнал «Шесилим».

¹³ Относительно полный комплект номеров газеты и ее еженедельного литературного приложения доступен на сайте Historical Jewish Press по адресу: <http://web.nli.org.il/sites/JPress/English/Pages/NaAm.aspx> (дата обращения: 31.12.2013).

¹⁴ Карта с обозначением всех населенных пунктов, из которых приходили частные объявления в газету, расположена по адресу: <http://goo.gl/maps/xZdrG> (дата обращения: 31.12.2013).

¹⁵ <http://web.nli.org.il>

1.2. Обзор заимствований

Газетная статья или заметка в «Гооме» может содержать разное количество заимствований — от 2 до 20 % словарного запаса¹⁶, в зависимости от тематики и стиля. Чем длиннее заметка, тем больше в ней рассуждений и тем меньше общий процент иноязычной лексики. Здесь важно отметить, что широкое использование иноязычной лексики сочетается в языке «Гоома» с элементами традиционного красноречия: аллюзиями на библейские тексты, арамеизмами, традиционными фразеологией и образным рядом. Таким образом складывалась новая языковая норма иврита, формулировавшая принципы еврейской секулярной культуры в России.

Иноязычную лексику «Гоома» можно разбить на три группы в зависимости от той роли, которую она играла в языке. Заимствования первой группы выполняют функцию номинации новых явлений окружающей действительности. В чистом виде эта функция реализуется в передаче новых имен собственных и топонимов, которых требует жанр ежедневной новостной газеты, тем более в период Первой мировой войны, Гражданской войны в России и революции, когда фронтовая сводка ежедневно вводит в оборот все новые названия городов и населенных пунктов. Эти неизбежные заимствования образуют уже внутри языка разного рода дериваты: этнонимы, этниконимы и т. п., что, в свою очередь, способствует заимствованию более широкого круга лексики — названий разного рода политических партий и течений, новых административных учреждений и должностей, военных чинов и обозначений частей армии и т. п.

Ко второй группе заимствований относятся названия более общих понятий: *romantike, iluzje, ironje, estetike, moment, ideal*¹⁷ и т. п. Каждое из них представляет собой сложный концепт, разработанный в европейской культуре¹⁸. Большое количество заимствований такого рода говорит об интенсивном усвоении этих концептов еврейской («ивритской») культурой, об общей ориентации иврита того периода на западную культуру и открытости ее влиянию.

Третью группу составляют дублеты: часть заимствованной лексики имела полные синонимы в иврите, оба слова использовались совершенно равноправно, в одних и тех же контекстах, иногда в рамках одного предложения. Например, слова *procent* и *oxuz*. Контекст их использования не дает возможности обнаружить какие-либо стилистические различия. Подобные дублеты встречаются весьма часто. В этих случаях использование заимствования выполняет сугубо символическую функцию — референции к европейской культуре.

¹⁶ По подсчетам П. Циммерман,uropeизмы в газете Э. Бен-Иегуды «Гацви» составляют 2 % от всей лексики [Fellman 1973: 59]. Велик соблазн предположить, что чистота языка палестинских газет Э. Бен-Иегуды, обеспечивалась их патриархальной тематикой.

¹⁷ В статье использована стандартная фонетическая транскрипция, где [j] = й, [x] = х, [c] = ц, [š] = ш, [č] = ч, [ž] = ж и т. д. Ивритские слова даются в ашкеназской произносительной норме, речь о которой пойдет ниже. Окончания существительных женского рода на *l* передаются через [e]. Такая реконструкция актуального произношения того времени имеет под собой следующие основания: 1) редукция гласных в постударной позиции возможна в «популярном ашкенозисе», к которому относится чтение газет (Д. Кац противопоставляет его «формальному ашкенозису», в котором это окончание читается как [o], см. [Katz D. 1993: 76—77]); 2) в ивритской прессе 1870—1880-х гг. данное окончание часто передается через *u*, например: פאבריקע *fabrike* («Гамагид» от 02.07.1885, с. 225), פאטאגראף *fotografie* («Гацефира» от 08.05.1883, с. 127), что косвенно подтверждает нашу реконструкцию.

Транслитерация передается заглавными латинскими буквами.

¹⁸ Об осознании еврейской интеллигенцией своей культуры как «опаздывающей» по отношению к культуре европейской см. статью [Римон 2007].

2. Орфография и фонетика

В XIX в. в Восточной Европе была распространена так называемая ашкеназская произносительная норма иврита, отсюда название «ашкеназский иврит» или «ашкенозис». Ашкенозис был тесно связан с идишем, в частности, имел с ним общий набор фонем (подробно об этом см. [Katz D. 1993]). В грамматиках, посвященных преимущественно библейскому ивриту, представлены разные произносительные нормы в качестве «исконных»¹⁹. В начале XIX в. наибольшее распространение получила грамматика В. Гезениуса [Gesenius 1813], восходящая к трудам И. Рейхлина (XVI в.). Рейхлин воспринял иврит от сефардских (т. е. происходивших из Испании) ученых, таким образом в европейской научной традиции закрепились сефардская произносительная норма, т. е. не та, которая использовалась восточно-европейскими евреями. В среде маскилов именно сефардская грамматическая традиция имела авторитет. Израильская же норма установилась многим позже и была результатом компромисса между стремлением властей насадить «ученое» произношение и реальностью — ашкеназским по преимуществу населением Палестины: упрощенная система гласных (ближе к сефардскому ивриту) и согласных (ближе к ашкенозису) и сефардское ударение [Айхенвальд 1990: 21; Харшав 2008: 330; Zuckermann 2008b: 84—86, 90—95].

В России господствовал ашкеназский иврит с его региональными вариантами. На нем же писали ивритские поэты (именно в просодике различие двух произносительных норм имеет ключевое значение): Х. Н. Бялик, Ш. Черниковский, З. Шнеур и др. В единичных случаях в начале XX в. некоторые авторы начинали придерживаться сефардского варианта. Это был принципиальный выбор человека, и об этом всегда было широко известно (как в случае с А. Гаамом). По умолчанию бытовала ашкеназская норма. Исходя из этих соображений, естественно думать, что газета «Гоом» предполагала ашкеназское чтение. Это следует также из кириллических транслитераций, встречающихся в газете. Само название «Гоом» транслитерируется в шапке газеты в соответствии с ашкеназской традицией (в сефардской было бы «Гаам») ²⁰.

Как известно, орфография семитских языков строится на фиксации согласных. Гласные несут на себе часть грамматической нагрузки и восстанавливаются при чтении из контекста и знания грамматики. Для ряда согласных действует позиционное чтение: [b]/[v], [k]/[x], [p]/[f] [Гранде 1998: 102—103, 333]. Понятно, что для иноязычных слов требуется какая-то особая система записи.

Для идиша на основе ивритского алфавита был разработан такой способ записи — с внесением некоторых изменений в орфографическую систему [Jacobs 2005: 46—52]. Идишская орфография использовалась для записи иноязычных слов в иврите на протяжении почти всего XIX в.

В конце XIX в. параллельно с идишской постепенно начинает использоваться мишнаитская традиция транслитерации²¹, которая применялась раньше для старых грецизмов и латинизмов. Ниже приведена таблица транслитерации гласных в идише и мишнаитском иврите²².

¹⁹ Например, в грамматике О. Штейнберга фонетическая система библейского иврита реконструируется на основе ашкенозиса. В первой главе автор объясняет, почему именно ашкеназская произносительная норма ближе к библейскому ивриту, чем сефардская [Штейнберг 1871: 12—46].

²⁰ Тем не менее в части объявлений дается сефардская транскрипция, а именно в объявлениях влиятельной организации «Тарбут» (ашкеназское «Тарбус»), начавшей в эти годы создавать в Восточной Европе сеть детских садов, школ и профессиональных училищ на иврите и, кроме прочего, поддерживавшей газету «Гоом».

²¹ Мишнаитский иврит — иврит Талмуда, изучавшегося мальчиками в хедере с восьми лет.

²² Мы приводим упрощенную таблицу транслитерации для того, чтобы дать читателю общее представление, не делая при этом слишком пространных отступлений. Полную систему транслитерации см. в [Krauss 1898, 1: 1—29].

Таблица

Гласный	Идишская запись	Мишнаитская запись
а	א (алеф-пасех)	— / א (алеф)
е	י (айн)	} , (йуд)
і	י (йуд)	
о	א (алеф-комец)	} ן (вов)
и	ו (вов)	

Из таблицы видно, насколько идишский способ транслитерации удобнее мишнаитского — для пяти гласных в идише пять графем, в мишнаитском иврите — только три. Кроме того, идишский вариант предполагает обозначение на письме всех гласных звуков слова, а мишнаитская транслитерация обычно передает только некоторые, причем не обязательно указывается ударный гласный — если это [a], то он может быть опущен.

2.1. Вариативность орфографии

В газете «Гоом» вариативность орфографии заимствований наблюдается на фоне стабильной орфографии ивритской лексики, исторически связанной с кодификацией сакральных текстов. Мы знаем, что у газеты были редакторы — большие статьи, вероятно, редактировались. При этом орфография иноязычных слов отличается разнообразием форм и вариантов. Приведем один пример: месяц мог называться ивритским словом в соответствии с еврейским календарем, что традиционно делалось в шапке газеты и там, где речь шла о еврейских праздниках. В прочих случаях использовалось европейское заимствование. *Август* имел в «Гооме» три орфографических варианта, использовавшихся в равной степени:

- (1) אויגוסט [ojgust] — форма и графически, и фонетически совпадает с идишской²³;
- (2) אווגוסט [avgust] — русифицированная форма, здесь ивритская и идишская орфографии совпадают;
- (3) אוגוסט [ogust] — форма воспроизводит орфографию немецкого *August*, но получает в иврите новое чтение — начальное [o], вместо немецкого глайда [au]. Она же используется в современном иврите. Добавим, что последняя форма *ogust* могла читаться также как [ojgust] (по ашкеназским правилам) и как [avgust] (по правилам иврита, где один вов может обозначать согласный [v]).

2.2. Установка на отторжение идиша

Вторая особенность орфографии «Гоома» — тенденция избегать совпадений с идишем.

В иврите XIX в. [a] в середине слова передавался в заимствованиях через алеф и не опускался (общая черта с идишем), в «Гооме» мы видим переходную стадию, когда одни и те же слова присутствуют в двух орфографических вариантах — иногда с алефом, иногда без такового: שטאב — ŠTAB и שטב — ŠTB ‘штаб’.

²³ Помимо упомянутых выше орфографических традиций, в XVIII в. маскилами был разработан так называемый ашкеназский немецкий — способ ивритской транслитерации немецкого текста. Один из первых текстов такого рода — перевод Пятикнижия на немецкий язык М. Мендельсона, основателя «Гаскалы» [Mendelssohn 1783]. Ашкеназский немецкий орфографически близок идишу, но имеет ряд особенностей [Wexler 1981]. В частности, именно в нем диграф «вов-йуд» передает немецкое [au].

Две главные черты идишской (а точнее, общей для идиша и иврита в XIX в.) транслитерации — использование айна для передачи [e] и алефа для передачи [o]. Оба стараются избегать в «Гооме». Так, [e] либо передается через йуд (רִיבּוּלוצִיָּה — REVOLUCJE), либо опускается (קֹרספּונדנצִיָּה — KORSPONDNCJE).

Важнейшее следствие установки на отторжение общей с идишем орфографии — транслитерация [o] через вов. В ашкеназском иврите вов читается как [oj] или [ej] либо же как [u] или [v] и почти никогда как [o]. Следовательно, в иноязычном слове вов всегда читался не так, как в «родном». Раньше для передачи [o] в иноязычной лексике использовали алеф (א) или алеф-комец (אָ). Эта орфографическая традиция сохранялась в виленских и варшавских изданиях вплоть до 1930-х гг. Ее мы встречаем и в «Гооме», в таких словах, как [vzvodni] וּזְוּדְנִי 'взводный', [kakaɔ] אָאָאָא 'какао' и др., но такие случаи весьма редки.

Таким образом, в «Гооме» авторы предпочитают записывать иноязычные слова, скорее, не в общей с идишем орфографии, а иначе, частично прибегая к мишнаитской традиции. Такой способ записи иноязычных слов не может диктоваться практическими нуждами — удобнее было записывать иноязычную лексику в идишской орфографии. Эту тенденцию можно трактовать как постепенное размежевание с идишем в рамках общего процесса распада иврит-идишской диглоссии.

Иврит и идиш содержат большое количество общей для них семитской лексики (гебраизмы в идише), которая в обоих языках пишется одинаково (позже в советском идише будут вводиться новые орфографические правила для этой группы слов, обусловленные тем же стремлением обособиться от второго языка в диглоссийной паре). Новые международные заимствования в иврите создают вторую большую область общей с идишем лексики; их орфография, до недавнего времени совпадавшая, начинает сознательно разводиться.

В итоге мы наблюдаем удивительную картину — заимствования, записывавшиеся транслитерацией, неизбежно читались по иным правилам, нежели ивритские слова. То есть слово *Tora* читается как [tojre] (טוֹרָה, где ударный вов произносится как [oj]), а фамилия Троцкий (טְרוֹצְקִי, с тем же ударным вов), очевидно, читается через [o] как [trockij].

Заметим, что структурно эти правила совпадают с принципами идишской орфографии, вырабатывавшейся в XIX — начале XX в. и позже систематизированной М. Вайнрайхом, где по сходной логике гебраизмы подчиняются особым правилам орфографии и чтения. То есть, стремясь уйти от идиша, гебраисты воспроизводили модель идишской орфографии, в соответствии с которой группа иноязычных слов писалась и читалась по особым правилам. Впрочем, во многих западноевропейских языках иноязычные слова даются в орфографии языка-донора и читаются по его правилам, совершенно чуждым языку-реципиенту.

В случае иврита несоответствие чтения «родной» и заимствованной лексики особенно любопытно, потому что эти особые правила чтения для новой иноязычной лексики совпадают с произносительной нормой современного израильского иврита, которая в то время еще не сложилась. Попытки интерпретации этого явления уведут нас далеко в сторону, поэтому здесь мы ограничимся лишь его констатацией.

2.3. Грамматическая адаптация

Третьей явной тенденцией орфографии «Гоома» является использование буквы hey (ה) (а не айн и не алеф) для передачи конечного гласного иноязычного слова в таких заимствованиях, как *probleme, republike, sinode* и т. п.

В 1860—1890-е гг. слова с гласным исходом писались главным образом через последний айн, обозначающий [e] в орфографии, общей с идишем (например, [energje] — עֶנֶרְגִּיעַ). В 1900-е гг. наряду с этим написанием появляется новое — через последний алеф, в этом случае все иностранное слово пишется в орфографии мишнаитского иврита (אֶנֶרְגִּיָּה). В мишнаитском иврите конечный алеф передавал окончание женского рода в заимствованной лексике: арамеизмах [Perez Fernandez 1997: 63], грецизмах и латинизмах [Krauss 1898, 1: 179—180]. Таким образом, конечный алеф служил маркером иноязычного слова. Эта модель

записи иноязычной лексики начинает вновь широко использоваться в ивритской прессе 1900-х гг., но уже для европеизмов.

В конце 1900-х — 1910-е гг. появляются формы с конечным *hey*. Конечный *hey* — флексия существительных женского рода, таким образом, можно говорить об окончательной адаптации европеизмов. В «Гооме» тенденция грамматической адаптации этой группы слов превращается в последовательное правило, исключения из которого встречаются, но весьма редко (как в уже приведенном выше слове *kakao* — קקאָ). Эта модель сохраняется в современном иврите.

Иногда при этом возникали сложности: во множественном числе гласное окончание единственного числа *-e* (ה) меняется на *-es* (ת), но в некоторых словах перед окончанием множественного числа появляется вставной алеф. Это явление известно в мишнайтском иврите [Segal 1980: 130], его же мы встречаем в некоторых новых заимствованиях: *fabrik-e* — *fabrik-a-es* (פַּבְרִיקָה — פַּבְרִיקָאוֹת), *verst-e* — *verst-a-es* (וִירְסְטָה — וִירְסְטָאוֹת), *universite* — *universit-a-es* (אוּניבֶרְסִיטֶה — אוּניבֶרְסִיטָאוֹת).

Следует отметить, что формы с конечным *ayn* широко использовались в идишской прессе начала XX в., формы с алеф также использовались в прессе на идише, хотя и реже, а вот последний *hey* в этих словах почти не встречается. Таким образом, последовательное использование конечного *hey* в заимствованиях обозначает не только грамматическую адаптацию, но и намеренное обособление орфографии от идиша.

Использование конечного *hey* может затруднять понимание слова. Так, уже в текстах середины XIX в. мы встречаем русицизм *duma* — דומָה (речь шла о городских думах), но тогда он писался с алеф на конце, что делало конечный гласный частью заимствуемой основы и маркировало слово как заимствование. В «Гооме» мы регулярно встречаем это слово с *hey* на конце (דומה), во множественном числе вместо *hey* появляется окончание *-es*: דומות, т. е. мы видим уже давно прижившееся заимствование, которое до такой степени «мимикрировало» под «родное» ивритское слово, что стало полным омографом слова *dojme* ‘подобный, похожий’ (דומות — דומה).

Обобщая сказанное выше, можно заключить следующее: орфография заимствований в «Гооме» была вариативна и допускала следование разным орфографическим традициям; стремление обособиться от идиша в орфографии заимствований приводит к тому, что иноязычные слова пишутся и читаются по особым правилам, каковые предвосхищают произносительную норму израильского иврита, еще не сложившуюся в то время; наблюдается последовательная грамматическая адаптация имен женского рода. Новые тенденции в орфографии могли бы затруднять понимание текстов читателями, их наличие говорит о значительной степени адаптированности заимствований в иврите.

3. Грамматика и морфология заимствований

Как это часто бывает, в первую очередь заимствуются существительные [Haspelmath 2009: 35]. В «Гооме» мы также находим много заимствованных прилагательных и прилагательных, образованных от уже заимствованных до того существительных, — не всегда можно определить, какой перед нами случай. В силу специфики структуры семитского корня глаголы почти не заимствовались: на 500 новых заимствований в «Гооме» приходится три глагола, образованных от заимствованных основ.

В иврите различаются два рода имен — мужской и женский. К 1900—1910-м гг. складывается общее правило дистрибуции заимствованных существительных: слово, имеющее согласный исход получает в иврите мужской род, нулевое окончание в единственном числе и окончание *-im* во множественном (*miting* — *miting-im*); если же существительное оканчивается на гласный, то оно приобретает женский род, конечный *hey* в единственном числе и окончание *-es* во множественном (*telegram-e* — *telegram-es*)²⁴. Надо отметить, что

²⁴ Существуют исключения: например, слова *kafe* и *te* не имели устойчивой родовой принадлежности и согласовывались то по мужскому, то по женскому роду.

в газетах второй половины XIX в. это правило часто не соблюдается, так, например, слова на *-sjon* согласовывались по женскому роду вслед за немецким²⁵.

3.1. Существительные мужского рода

Большая часть заимствований относится к группе имен мужского рода и имеет формы, общие с русскими, немецкими и идишскими соответствующими словами: *protokol, demokrat, moment, klub* и мн. др. В этих случаях невозможно установить, какой язык был донором, что, впрочем, характерно для интернациональной лексики. Ниже будут рассмотрены две наиболее обширные группы заимствований мужского рода — слова на *-izmus* и на *-jon*.

-izmus: так же как и русский, иврит заимствует много «измов»: *misticizm, kapitalizm, separatizm, parlamentarizm* и др. Во многих случаях предпочтение отдается латинизированным формам на *-izmus*, пришедшим из немецкого: *avtonomizmus, egoizmus, absolutizmus, idjotizmus, imperjalizmus, socjalizmus* (используется и форма *socjalizm*) и др. Иногда используется суффикс *-ismus*: *dualismus* (эти случаи можно трактовать как ориентацию на немецкую орфографию, ср. нем. *Dualismus*).

Любовь к латинизированным формам в иврите хорошо видна на примере слова *avtonomizmus*. В немецком слово *Autonomismus* использовалось в XIX в. как понятие религиозной философии²⁶. В начале XX в. С. Дубнов сформулировал теорию автономизма (культурной, а не территориальной автономии евреев) в своих статьях на русском языке [Дубнов 1901]. С тех пор понятие *автономизм* в его новом значении использовалось в еврейской прессе на разных языках. На иврите предпочитали латинизированную форму на *-izmus*.

-jon. В некоторых случаях заимствованные имена приобретают в иврите суффиксы, которых мы не находим в соответствующих лексемах ни в одном из возможных языков-доноров. Так, некоторые слова (латинского или греческого происхождения) осваиваются с прибавлением греческого форманта *-jon* (*-iov*): *princip-jon* ‘принцип’, реже *princip*; *proletar-jon* ‘пролетариат’; *komisar-jon* ‘комиссариат’, реже *komisarjat*; *ministr-jon* ‘министерство’, редко также *ministrum*; *sekretar-jon* ‘секретариат’, реже *sekretarjat*; *histor-jon* ‘историк’; *arxi-jon* ‘архив’²⁷. Любопытно, что подобные формы не встречаются в иврите XIX в., они появляются в 1900—1910-е гг. В продуктивности суффикса *-jon* в этот период просматривается тенденция к унификации словообразовательных моделей, как можно видеть, он заменяет сразу несколько иноязычных формантов. То же явление существует в израильском иврите, ср. *texnion* (טכניון).

Нам встретилось два исключения: *monopolin* ‘монополия’ и *metropolin* ‘метрополия’. Возможно, это старые заимствования, попавшие в иврит в тот период, когда греческий формант *-iov* переходил в *-iv*²⁸.

Большая часть германизмов, использовавшихся в иврите в 1860—1880-е гг., к началу XX в. уступает место славянизированным формам тех же слов. Однако многие слова с латинскими формантами на *-um* и *-us* остаются в языке. Приведем еще несколько примеров в дополнение к показанным выше словам на *-izmus*: *музей* на иврите того времени — *muzeum*, *консерватория* — *konservatorium* (также в немецком и польском, реже в идише); *тиф* и его омограф *tipus* ‘тип’ (в сочетаниях *тип личности, тип героя*) и др. Сохранение латинизированных форм следует приписывать не столько остаточному влиянию немецкого (ведь германизмы, не имеющие латинских флексий, в большинстве своем исчезают

²⁵ См., например, газету «Гацфира» от 12.05.1885, с. 133: *komissjon mejuxade* ‘особая комиссия’ (женский род).

²⁶ См., например, [Carové 1832: 279].

²⁷ Вместе с этой формой, близкой к греч. ἀρχεῖον, встречается и форма *arxiv-on*, использующая общую европейскую основу.

²⁸ Слово *metropol-in* (מטרפוליין) указано в словаре Краусса [Krauss 1899, 2: 333], т. е. оно встречается в мишнаитском иврите.

к 1910-м гг.), сколько стремлению использовать наукообразные, «денационализированные» формы, также как и в случаях с использованием других латинских и греческих формантов. Векслер описывает аналогичное явление на примере белорусского и чешского языков в конце XIX — начале XX в. и определяет его как «negatively marked internationalisms», т. е. такие интернационализмы, в которых из пуристических соображений намеренно стерты черты языка-источника и заменены латинскими и греческими формами, «общими» для всех языков [Wexler 1969: 86—89].

3.2. Существительные женского рода

Существительные с гласным исходом, записывающиеся с помощью конечного *hey*, уже обсуждались в разделе орфографии. Здесь стоит добавить, что существительные, имеющие гласный исход, в большинстве случаев попадают в иврите в категорию женского рода, даже если в исходных языках род был иным. Так, например, слово *bjüre* (или *bjuró*, если предположить следование фонетике языка-донора) ‘бюро’ на иврите пишется с конечным *hey* и согласуется по женскому роду. В большинстве европейских языков *бюро* среднего (как в русском, польском и немецком) или мужского (как во французском и идише) рода.

В некоторых заимствованиях этого типа заметно влияние немецкого языка. Такие слова, как *kontrolle* ‘контроль’, *epizode* ‘эпизод’, *prognose* ‘прогноз’, *sinode* ‘синод’, в русском и идише относятся к мужскому роду и не имеют гласного исхода, а в немецком языке оканчиваются на немой *-e* и относятся к женскому роду.

Среди заимствованных существительных женского рода выделяются две большие группы — слова на *-je* и на *-cje*.

-je: эту группу составляют такие слова, как *komisje*, *diplomatje*, *energje*, *avtonomje*, и многие другие. Все слова этой группы совпадают с соответствующими заимствованиями в русском и польском языках, из чего можно заключить, что существительные этого типа адаптируются по модели славянских языков. Те же формы представлены в идише. Нельзя сказать, служил ли здесь идиш языком-посредником, или же европеизмы этого типа были взяты напрямую из русского и польского, поскольку еврейская пресса в тот период активно пользовалась всеми четырьмя языками — идишем, ивритом, русским и польским.

Из 35 новых заимствований на *-je*, обнаруженных в «Гооме», только в двух случаях род не совпадает с русскими и польскими аналогами, чему в обоих случаях есть объяснение. Первое — *sanatorje* (мн. ч. *sanatorjes*) ‘санаторий’. Возможно, здесь сказывается влияние идиша, где есть слово *sanatorie* с гласным исходом, также относящееся к женскому роду. С другой стороны, в начале XX в. в русском языке также была распространена форма *санатория* [Чудинов 1910]. Второе исключение — слово *medalje* (медаль). Это слово стало широко использоваться в начале XX в., но заимствовано было многим раньше. Так, мы встречаем его в сочинении испанского талмудиста И. Абоаба рубежа XIII—XIV вв.²⁹.

Встречаются в этой группе и такие иронические заимствования, как *bolševizje*. Это, очевидно, заимствование из русского языка. Хотя его нет ни в словарях первой трети XX в., ни у Селищева, Карцевского, Горнфельда и других лексикологов, оно зафиксировано в форме *большевизия* в дневнике С. Прокофьева от 3 октября 1918 г. [Прокофьев 2002: 739].

Славянская модель адаптации слов этого типа в единичных случаях начинает использоваться с 1880-х гг. и получает широкое распространение в 1900-е гг., постепенно сменяя предыдущую модель, ориентированную на немецкий. В 1870—1890-е гг. распространены

²⁹ [Aboab 1721]: глава 4, раздел 3, часть 2. Нумерация страниц в издании отсутствует, искомую страницу можно найти по ссылке: http://books.google.ru/books?id=4tRRAAAcAAJ&pg=PT364&dq=%22%D7%9E%D7%93%D7%9C%D7%99%D7%95%D7%AA%22&hl=ru&sa=X&ei=2So0UpHUEoba4AT1mIgoDw&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.12.2013).

такие формы, как *komissjon* (קאמיססיען) ‘комиссия’, *garde* (גארדע) ‘гвардия’ и др.³⁰. В языке «Гоома» они уже принимают форму слов на *-je*: *komisje* (קומיסיעה), *gvardje* (גורדיעה).

-cje: эту группу составляют такие заимствования, как *emigracje*, *kompozicje*, *spekulacje*, *revolucje* и мн. др. Латинский суффикс, реализующийся в западноевропейских языках как *-tion*, в русском, польском, идише и иврите XX в. реализуется как *-cial/-cja/-cie*. И в этом случае иврит также следует моделям заимствования славянских языков.

Любопытно, что в современном иврите подобные европеизмы также получают исход *-ija*, *-cija*, что П. Векслер приписывает славянскому влиянию [Wexler 1995: 202]³¹. Мы же добавим, что, так же как и в случае со словами на *-je*, слова на *-cje* начинают широко использоваться в иврите с 1890-х гг. А в предыдущий период слова этого типа заимствовались по модели западноевропейских языков: *deputa-tjon* (דעפוטאציען), *federa-tjon* (פעדעראציען) и др.³².

Не считая слов, образованных с помощью суффикса *-jon*, до сих пор мы рассматривали случаи лексических заимствований, прошедших орфографическую и грамматическую адаптацию в иврите, но не участвующих в словообразовании, — от заимствованных корней не образовывались новые слова по морфологическим моделям иврита³³. Теперь же речь пойдет о неологизмах, произведенных от иноязычных основ, и о заимствованиях, которые уже настолько хорошо прижились в языке, что проявляют словообразовательную активность.

-ijus (ייות)³⁴. Суффикс *-jus* — продуктивный ивритский суффикс, использующийся для образования абстрактных понятий. С его помощью от иноязычных основ образованы слова *nejtralijus* ‘нейтралитет’, *demokratijus* ‘демократия’, *bjurokratijus* ‘бюрократия’, *solidarijus* ‘солидарность’ и др. Подобные неологизмы образуются по следующей схеме: от основы европейского слова производится ивритское относительное прилагательное с помощью суффикса *-i* (*demokrat-i* ‘демократический’, *nejtral-i* ‘нейтральный’ и т. д.), и уже от прилагательного образуется абстрактное существительное с прибавлением суффикса *-jus*.

В одном случае история слова несколько сложнее — *antišemijus* ‘антисемитизм’. Термин *антисемитизм* был придуман В. Марром в 1879 г. Слово образовано из приставки *anti-* и корня *sem* — имени старшего сына Ноя (Сима в русской традиции). В ивритской прессе конца XIX в. мы встречаем прилагательное *antšemiti*, образованное от немецкого слова. В «Гооме» уже используется форма *antišemi*, с заменой латинизированного *sem* на исконное *šem*. От этого прилагательного и образуется абстрактное понятие *antišemijus*.

3.3. Прилагательные

Итак, относительные прилагательные в иврите образуются прибавлением к основе суффикса *-i*: *diplomat* — *diplomat-i*. При этом иврит учитывает и словообразование языков-доноров (как русского, так и западноевропейских), выделяя основу и в тех случаях, когда она в чистом виде не присутствует в самом иврите: *bjuorkat* — *bjuorkat-i*, но и *artiler-ist* — *artiler-i*, *fantaz-je* — *fantaz-i*. Формант *-ist*, не использовавшийся для словообразования, может отбрасываться при создании прилагательных из заимствований: *pesim-i* (ср. нем. *pessim-ist-isch*, русск. *пессим-ист-ический*). Если в языках-донорах суффиксация меняется и вместо обычного словообразовательного суффикса *-isch*, *-ic*, *-ическ*- корень дополнен более специфическими суффиксами (*-al*, *-iv*), то ивритское прилагательное образуется

³⁰ Примеры взяты из газет «Гацфира» за 08.06.1887, с. 2 и «Гамелиц» за 25.11.1888, с. 2497 соответственно.

³¹ Векслер дает транскрипции в соответствии с современным ивритом, мы в статье придерживаемся ашкеназского произношения, принятого в то время в России вообще и в «Гооме» в частности. В обоих случаях речь идет об одних и тех же формантах.

³² Примеры взяты из газеты «Гамагид» за 02.03.1881, с. 72 и 28.02.1883, с. 69.

³³ Об уровнях адаптации иноязычного слова см. [Крысин 2004: 44—51].

³⁴ В ашкеназском иврите суффикс ייות читается как [jus], что сближает эту группу слов с латинизмами. В современном израильском иврите он читается как [jut], таким образом, видимая связь пропадает.

не от основы, представленной в иврите, а от основы иноязычного прилагательного: *administra-cje* — *administrativ-i*, *teritor-je* — *teritorjal-i*.

Важная особенность прилагательных от заимствованных основ в «Гооме» — их широкое использование в тех случаях, когда в современном иврите используются другие синтаксические конструкции (*status constructus* или обстоятельство места)³⁵. Обычно эти прилагательные обозначают отношение предмета к месту: *ha-ve'ide ha-stokholmis* 'стокгольмский конгресс', *ha-xazis ha-rigais* 'рижский фронт', *ha-histadrus ha-odesais* 'одесская организация' и т. п. Эта черта характерна для русского языка (особенно в XIX — начале XX в.), еще чаще она встречается в идише: *vilner goen* 'виленский гаон', *voložiner ješive* 'воложинская ешива', *lubliner organizacje* 'люблинская организация', *černovicer konferenc* 'черновицкая конференция' и др.

3.4. Глаголы

В основе глагольной системы семитских языков — корень глагола, состоящий из трех согласных звуков. Гласные же отвечают за грамматическую форму глагола (вместе с префиксами, инфиксами и окончаниями). Кроме того, глагол встроен в систему так называемых пород, являющихся специфической особенностью семитских языков. Все это затрудняет образование новых глаголов от заимствованных корней. Тем не менее в «Гооме» используются три глагола, образованные от иноязычных основ: *leargen* 'организовывать', *letalfen*³⁶ 'телефонировать', *letalgraf* 'телеграфировать'. Все три глагола встроены в ивритскую глагольную систему по биньяну ПИЭЛЬ. Последние два глагола, очевидно, заимствованы не раньше второй половины XIX в., чего нельзя сказать однозначно о глаголе *leargen*. Кроме форм биньяна ПИЭЛЬ, этот глагол встречается в форме причастия от биньяна ПУАЛЬ (имеющего страдательное значение) — *meurgan* 'организованный', а это может указывать на то, что этот глагол уже давно существует в языке. Клейн, однако, относит его к новому ивриту, указывая при этом происхождение глагола *leargen* от греч. *ὀργανον* [Klein 1987: 67].

* * *

Подводя итоги, можно заключить, что новые заимствования в иврите в этот период обладали высокой степенью грамматической и морфологической адаптации, образовывались даже новые глаголы от иноязычных основ. Для грамматической дистрибуции имен существительных работали регулярные правила. От недавно заимствованных существительных легко образовывались новые прилагательные.

Иноязычная лексика осваивалась с ориентацией на две модели адаптации заимствований: (1) по образцу славянских языков, а именно русского и польского (слова на *-je*, *-cje*), те же модели представлены в идише, который выступал их проводником, что, несомненно, способствовало их адаптации в иврите; и (2) по моделям европейских языков, чаще немецкого (имена с гласным исходом типа *adrese*), и в связи с этим — с помощью морфем классических языков, как в случае с суффиксами *-jon* и *-izmus*. При этом немецкая модель применялась во второй половине XIX в., от нее остался целый пласт заимствований, славянская модель сменяет ее в начале XX в. Общие правила адаптации европейской лексики, работавшие в языке «Гоома», актуальны и для современного иврита.

³⁵ Эта особенность была подмечена К. Дубнов и описана на нашем совместном докладе «Ho'om and Ha'arets — a comparative linguistic and cultural study of advertisements in Hebrew newspapers in Russia and in Palestine during World War I», прочитанном на Международной конференции по языку иврит, ивритской литературе и культуре (НАРН, Бэер-Шева, июнь 2014).

³⁶ По правилам позиционного чтения в иврите мы должны были бы написать *letalpen*, однако правила эти не работают в иностранных заимствованиях. Ту же форму (*letalfen*) фиксирует Массон в 1980-е гг. [Masson 1986: 57].

4. Заключение

Выбор заимствуемой лексики показывает общее направление развития иврита в сторону европейской культуры, открытость ее влиянию. Новая иноязычная лексика в газете «Гоом» выполняет три основные функции: (1) номинация новых реалий, эти заимствования необходимы для создания актуальных текстов; (2) адаптация концептов европейской культуры в иврите и, соответственно, в еврейской культуре и (3) дублирование имеющейся в иврите лексики, т. е. чистая референция к западным языкам и культуре.

На уровне морфологии также прослеживается ориентация на западные образцы (главным образом — немецкий), к которым добавляются славянские модели. Кроме того, заметна склонность к использованию латинских и греческих морфем, что позволяет «денационализировать» заимствование.

Европейские заимствования, за редкими исключениями, прошли полный путь грамматической адаптации. К 1917 г. способы усвоения стали стабильными и новые слова адаптировались по уже выработанным лекалам.

Если в морфологии мы иногда не можем отличить влияние идиша от влияния других языков, то в орфографии единственным ориентиром и оппонентом для иврита был идиш. Многообразие используемых вариантов показывает тесную связь идиша и иврита, но, кроме этого, заметны последовательное отторжение идишской орфографии и выработка особых способов записи и чтения иноязычной лексики. Такое орфографическое обособление естественно в ходе распада диглоссии.

Период энергичного обогащения иврита за счет европейской и славянской лексики оказался весьма кратким. К началу 1920-х гг. почти вся культурная жизнь на иврите в России была уничтожена. В 1920 г. на дебатах, посвященных ивритскому театру «Габима», последнему пристанищу иврита в России, Н. Цемах — глава театра, говорил С. Диманштейну³⁷, подводя итоги: «...Вы закрыли в Москве четыре еврейские [ивритские. — С. Я.] школы, но не открыли вместо них ни одной жаргонной [идишской. — С. Я.], ибо ни один родитель к вам детей своих не посылает, и вот уже полгода ваши инструкторы и учителя получают жалованье за мертвые души. Библиотеку вы реквизировали, еврейские книги опечатали и читателю не выдаете. Библиотекаршу уволили только за ее нейтральное в этом вопросе отношение. Так же вы насаждаете древо познания и в других городах» [Стенограмма 1920: 205—206].

Расцветший в России модернизированный иврит, ориентированный на европейскую культуру, был признан советскими властями языком клерикальным, отсталым и националистическим и вскоре был фактически запрещен.

В Палестине же, где в 1921 г. иврит получил статус одного из трех государственных языков, европейский иврит оказался слишком интернациональным. Стремление к национальному государству по модели «одна страна, один народ, один язык» имело своим следствием языковой пуризм. Ориентация на европейскую культуру сменилась конструированием «своей» национальной культуры, образцы которой виделись скорее в культуре восточной. На уровне языкового планирования это выразилось в деятельности Комитета языка иврит, направленной на решение двух задач³⁸: (1) насаждение сефардской произносительной нормы, близкой к фонетике арабского языка. Оставив в стороне идеологические мотивы этой деятельности, мы увидим ее языковую подоплеку — стремление разорвать диглоссийную связку иврит — идиш, обособив иврит фонетически, как продолжение процесса распада диглоссии, начавшегося в XIX в.; (2) создание новой, «недостающей» ивритской лексики. В действительности большая часть этой лексики уже существовала в иврите, но в форме заимствований из европейских языков, с которыми пуристы считали необходимым бороться.

³⁷ С 1918 г. Диманштейн возглавлял Центральное бюро Евсекции ВКП(б).

³⁸ О деятельности Комитета языка иврит см. [Bar-Asher 1990].

Тем не менее около 40 % заимствований, обнаруженных в газете «Гоом», остались в современном иврите по сей день. Что еще важнее, были выработаны четкие модели, которые позволяют с легкостью интегрировать в язык любые нужные понятия европейской культуры. И самое главное — был создан новый стиль, открытый европейскому влиянию и языковым инновациям и обладающий при этом высоким статусом. «Газеты и выросшие из них СМИ (прежде всего радио) стали, — пишет Харшав, — возможно, главной силой, распространившей и объединившей современный иврит» [Harshav 1993: 127].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Айхенвальд 1990 — Айхенвальд А. Ю. Современный иврит. М.: Наука, 1990. [Aikhenval'd A. Yu. *Sovremennyy ivrit* [Modern Hebrew]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Горнфельд 1922 — Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова: Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петроград: Колос, 1922. [Gornfel'd A. G. *Novye slovechki i starye slova: Rech' na s"ezde prepodavatelei russkogo yazyka i slovesnosti v Peterburge 5 sentyabrya 1921 g.* [New words and old words: A speech at the conference of teachers of the Russian language and literature in Petyburg, September 5, 1921]. Petrograd: Kolos, 1922.]
- Гранде 1998 — Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Восточная литература, 1998. [Grande B. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie semitskikh yazykov* [An introduction to comparative study of Oriental languages]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998.]
- Долгопольский 1990 — Долгопольский А. Б. Современный иврит: Самоучитель: Начальный курс / Сост. Блюм Ш., Рабин Х. М.: Советский писатель, 1990. С. 345—352. [Dolgopol'skii A. B. *Sovremennyy ivrit: Samouchitel': Nachal'nyi kurs* [Modern Hebrew: A self-teaching guide: Introductory course]. Blyum Sh., Rabin Kh. (comp.). Moscow: Sovetskii Pisatel', 1990. Pp. 345—352.]
- Дубнов 1901 — Дубнов С. М. Автономизм как основа национальной программы // Восход. 1901. Книга 12. С. 3—40. [Dubnov S. M. Autonomism as a basis for the national program. *Voskhod*. 1901. Book 12. Pp. 3—40.]
- Живов 2005 — Живов В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 175—200. [Zhivov V. M. Language and revolution. Meditations on the old A. M. Selishchev's book «Language of the revolutionary epoch» and on the processes Selishchev didn't have time to describe. *Otechestvennye zapiski*. 2005. № 2. Pp. 175—200.]
- Журналы заседаний Временного правительства — Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1917 года / Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мironenko. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2001. [Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva. Mart — oktyabr' 1917 goda [Minutes of the Interim Government sessions. March – October, 1917] Kozlov V. A., Mironenko S. V. (eds). Vol. 1. Moscow: ROSSPEN, 2001.]
- Карцевский 1922 — Карцевский С. О. Язык, война и революция: Научно-популярный очерк // Современные записки. Кн. X. Страсбург, 1922. С. 313—320. [Karcevskij S. O. Language, war and revolution: Popular scientific essay. *Sovremennye zapiski*. Book X. Strasbourg, 1922. Pp. 313—320.]
- Крысин 2004 — Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [The Russian word: native and foreign]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Прокофьев 2002 — Прокофьев С. Дневник. 1907—1918. Т. 1. Париж: SPRKF, 2002. [Prokof'ev S. *Dnevnik* [Diary]. 1907—1918. Vol. 1. Paris: SPRKF, 2002.]
- Римон 2007 — Римон Е. Стратегия опоздания: ивритская литература XIX века в русском и европейском контекстах // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 129—167. [Rimon E. Delay strategy: XIX-century Hebrew literature in the Russian and European context. *Voprosy literatury*. 2007. No. 3. Pp. 129—167.]
- Селищев 1928 — Селищев М. А. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М.: Работник просвещения, 1928. [Selishchev M. A. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917—1926)* [Language of the revolutionary epoch: from observations on the Russian language of the recent years (1917—1926)]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya, 1928.]
- Стенограмма 1920 — Стенограмма обсуждения «Габимы» в Центротейатре 16 февраля 1920 года // Иванов В. В. Русские сезоны театра Габима. М.: АРТ, 1999. С. 201—212. [A shorthand report of the

- discussion of «Habima» in the Centrotreatre on February 16, 1920. Ivanov V. V. *Russkie sezony teatra Gabima*. Moscow: ART, 1999. Pp. 201—212.]
- Харшав 2008 — Харшав Б. Язык в революционное время / Пер. Л. Черниной. М.: Текст, 2008. [Kharshav B. *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in the revolutionary time]. Transl. by Chernina L. Moscow: Tekst, 2008.]
- Чистяков 2011 — Чистяков С. С. Детсадовский «культуркампф»: дискуссия о языке еврейского дошкольного образования в России в начале XX века // Еврейская культура на идиш: истоки, традиция, трансформация и современное состояние: Материалы I Международной конференции. Биробиджан, 2011.: http://icarp.ru/konferens/konf_2011/konf_idish_2011/Chistykov.pdf (дата обращения: 08.10.2014) [Chistyakov S. S. Preschool «Kulturkampf»: a discussion of the language of Jewish preschool education in Russia in the beginning of the 20th century. *Evreiskaya kul'tura na idish: istoki, traditsiya, transformatsiya i sovremennoe sostoyanie: Materialy I Mezhdunarodnoi konferentsii*. Birobidzhan, 2011. С. 20. Available at: http://icarp.ru/konferens/konf_2011/konf_idish_2011/Chistykov.pdf (accessed 08.10.2014).]
- Чудинов 1910 — Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. [Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A dictionary of foreign words merged into Russian]. St. Petersburg: Izdanie V. I. Gubinskogo, 1910.]
- Штейнберг 1871 — Штейнберг О. Н. Полный курс еврейской грамматики для систематического изучения языка Ветхого Завета, его история, этимология и синтаксис. Вильна: Типография М. Ромма, 1871. [Shteinberg O. N. *Polnyi kurs evreiskoi grammatiki dlya sistematicheskogo izucheniya yazyka Vekhogo Zaveta, ego istoriya, etimologiya i sintaksis* [A full course of the Jewish grammar for systematic study of the Old Testament language, its history, etymology and syntax]. Vil'na: Tipografiya M. Romma, 1871.]
- Aboab 1721 — Aboab J. *Menorat hama'or*. Amsterdam, 1721. [אבוהב י. מנורת המאור]
- Alter 1988 — Alter R. *The invention of Hebrew prose: modern fiction and the language of realism*. Seattle: University of Washington Press, 1988.
- Bar-Asher 1990 — Bar-Asher M. 'Al ha'ekronot bikvi'at hanorma bedikduk beva'ad halashon uva'akademia lelashon. *Leshonenu*. 1990. No. 54. Pp. 127—150. [בר-אשר מ. על העקרונות בקביעת הנורמה בדקדוק בוועד הלשון ובאקדמיה ללשון]
- Blau 1981 — Blau J. *The Renaissance of Modern Hebrew and Modern Standard Arabic: parallels and differences in the revival of two Semitic languages*. Berkeley: University of California, 1981.
- Carové 1832 — Carové F. W. *Die letzten Dinge des römischen Katholicismus in Deutschland*. Leipzig, 1832.
- Fellman 1973 — Fellman J. *The revival of classical tongue: Eliezer Ben Yehuda and the Modern Hebrew*. The Hague: Mouton, 1973.
- Fishman 1967 — Fishman J. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*. 1967. No. 23. Vol. 2. Pp. 29—38.
- Fishman 1981 — Fishman J. Epilogue: Contributions of the sociology of Yiddish to the general sociology of language. *Never Say Die!: A Thousand Years of Yiddish in Jewish Life and Letters*. The Hague: Mouton, 1981. Pp. 739—756.
- Frieden 2008 — Frieden K. Innovation by translation: Yiddish and Hasidic Hebrew in literary history. *Religion*. New York: Syracuse University, 2008. Paper 72. No. 1 (1). Pp. 417—425.
- Frieden 2009 — Frieden K. Neglected origins of Modern Hebrew prose: Hasidic and Maskilic travel narratives. *AJS Review*. New York: Syracuse University, 2009. No. 33 (1). Pp. 3—43.
- Frieden 2012 — Frieden K. Yiddish in Abramovitsh's literary revival of Hebrew. *Leket: Yiddishe Shtudies haynt*. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2012. Pp. 173—188.
- Gesenius 1813 — Gesenius W. *Hebräische Grammatik*. Halle: Renger, 1813.
- Glinert 1987 — Glinert L. Hebrew-Yiddish diglossia: type and stereotype implications of the language of Ganzfried's Kitzur. *International Journal of the Sociology of Language*. 1987. No. 67. Pp. 39—55.
- Glinert 1993 — Glinert L. *Hebrew in Ashkenaz: a language in exile*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Glinert YIVO — Glinert L. Language: Hebrew. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Hebrew> (accessed: 01.11.2013).
- Harshav 1993 — Harshav B. *Language in time of revolution*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Lexical borrowings: concepts and issues. *Loanwords in the world languages: a comparative handbook*. Haspelmath M., Tadmor U. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 35—54.

- Holtzman YIVO — Holtzman A. Ha-Melits. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Melits_Ha- (accessed: 21.03.2014).
- Izre'el 2001 — Izre'el Sh. The emergence of spoken Israeli Hebrew. *The Corpus of Spoken Israeli Hebrew (CoSIH). Working Papers I*. Hary B. (ed.). Tel Aviv: Tel Aviv University, 2001. Pp. 1—13.
- Jacobs 2005 — Jacobs N. G. *Yiddish: a linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Kagan 1991 — Kagan B. *Jidishe shtet, shtetlekh un dorfishe jeshuvim in Lite biz 1918. Historish-biografishe skices*. New York: National Yiddish Book Center, 1991. [אין ליטע ביז 1918. היסטאריש-ביאגראפישע סקיצעס בערל כהן. ידישע שטעט, שטעטלעך און דארפישע יישובים]
- Kahn 2014 — Kahn L. *A grammar of the Eastern European Hasidic Hebrew tale*. Leiden: Brill, 2014.
- Kamusella 2012 — Kamusella T. *The politics of language and nationalism in modern Central Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Katz 1983 — Katz B. *'Al 'itonim va-'anashim*. Tel-Aviv: Tscherikover, 1983. [ב"ץ ב. על עיתונים ואנשים]
- Katz 1993 — Katz D. The phonology of Ashkenazic. *Hebrew in Ashkenaz: a language in exile*. Clinert L. (ed.). New York: Oxford University Press, 1993. Pp. 46—87.
- Krauss 1898—1899 — Krauss S. *Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum*. Bd 1, 2. Berlin: S. Calvary & Co., 1898—1899.
- Klein 1987 — Klein E. *A comprehensive etymological dictionary of the Hebrew language for readers of English*. Jerusalem: Carta, 1987.
- Kuzar 2001 — Kuzar R. *Hebrew and zionism: a discourse analytic cultural study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Masson 1986 — Masson M. *Langue et idéologie: les mots étrangers en hébreu moderne*. Paris: éditions du CNRS, 1986.
- Mendelssohn 1783 — Mendelssohn M. *Netivot hashalom*. Berlin, 1783. [השלום נתיבות. מ. מנדלסאהן]
- Mirkin 1990 — Mirkin R. Mende utrumato la'ivrit. *Leshonenu la-'am*. 1990. No. 40—41. Pp. 201—207. [לעם ותרומו לעברית. לשוננו מגדל. ר. מירקין]
- Perez Fernandez 1997 — Perez Fernandez M. *An introductory grammar of Rabbinic Hebrew*. Leiden: Brill, 1997.
- Reshef 2014 — Reshef Y. Shlosa dorot ba'itonut ha'ivrit shel re'shit hame'a ha 'esrim. *Leshonenu*. 2014. No. 76. Vol. 3. Pp. 327—345. [רשף י. שלושה דורות בעיתונות העברית של ראשית המאה העשרים]
- Segal 1980 — Segal M. H. *A grammar of Mishnaic Hebrew*. Oxford: Clarendon, 1980.
- Seidman 1997 — Seidman N. *A Marriage made in heaven: the sexual politics of Hebrew and Yiddish*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Wexler 1969 — Wexler P. Towards a structural definition of 'internationalisms'. *Linguistics*. 1969. Vol. 7. No. 48. Pp. 77—92.
- Wexler 1981 — Wexler P. Ashkenazic German (1760—1895). *International Journal of the Sociology of Language*. 1981. No. 30. Pp. 119—130.
- Wexler 1995 — Wexler P. The slavonic 'standard' of Modern Hebrew. *The Slavonic and East-European Review*. 1995. Vol. 73. No. 2. Pp. 201—225.
- Zuckermann 2003 — Zuckermann G. *Language contact and lexical enrichment in Israeli Hebrew*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Zuckermann 2008a — Zuckermann G. «Realistic prescriptivism»: the Academy of the Hebrew language, its campaign of «good grammar» and lexpionage, and the native Israeli speakers'. *Israel studies in language and society*. 2008. No. 1 (1). Pp. 135—154.
- Zuckermann 2008b — Zuckermann G. *Israelit Safa Yafa*. Tel-Aviv: Am Oved, 2008. [צוקרמן ג. ישראלית שפה יפה]
- Zuckermann 2009 — Zuckermann G. Hybridity versus revivability: multiple causation, forms and patterns. *Journal of Language Contact*. Varia 2. 2009. Pp. 40—67.

Статья поступила в редакцию 25.03.2014.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

М. М. Макарецев. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 444 с. [M. M. Makartsev. *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of the Balkan text]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 444 p.] ISBN 978-5-7576-0271-4.

Петр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991,
Россия
peterarkadiev@yandex.ru

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia
peterarkadiev@yandex.ru

Рецензируемая книга является наиболее подробным и фундаментальным исследованием эвиденциальности — семантико-грамматической категории, кодирующей доступ говорящего к сообщаемой им информации, — на русском языке и, несомненно, одним из самых детальных и глубоких исследований балканской эвиденциальности в целом. Проблематика эвиденциальности относится к числу популярных в современной лингвистике, и количество публикаций по ней, как типологических и теоретических, так и посвященных конкретным языкам начиная с классического сборника [Chafe, Nichols (eds) 1986], за последние два десятилетия значительно выросло (см. хотя бы обобщающие труды [Aikhenvald, Dixon (eds) 2003; Aikhenvald 2004; Храковский (ред.) 2007; Diewald, Smirnova (eds) 2010]). В балканистике эвиденциальность, правда, под другими названиями («пересказывательное наклонение», «адмиративность») является традиционным объектом исследований начиная с конца XIX в., и число работ по данной теме на самых разных языках практически необозримо. Тем не менее монография М. М. Макарецева, по моему мнению, вносит весомый вклад в изучение эвиденциальности, причем не только в балканских языках — болгарском, македонском и албанском, — но и в типологическом освещении. Опираясь и на балканистическую традицию, и на достижения современной типологии, автор строит картину функционирования эвиденциальных категорий в грамматике, лексике и — что определяет новизну исследования — в дискурсе, достигая тем самым синтетического взгляда, объединяющего те стороны объекта исследования, которые до сих пор в основном рассматривались изолированно.

Книга состоит из Введения, двух частей, Заключения и Приложений. Пространное Введение (с. 7—36) помещает монографию в контекст современных исследований по эвиденциальности и балканистике и содержит подробный и весьма полезный обзор основных работ по эвиденциальности, как балканистических, так и типологических, который, впрочем, дополняется и углубляется в первой главе. На с. 25—29 приводятся и разбираются примеры грамматического выражения эвиденциальности в рассматриваемых в книге языках — болгарском, македонском и албанском. На с. 31—36 подробно описываются источники анализируемого в книге материала.

В соответствии с установкой М. М. Макарецева на рассмотрение эвиденциальности, с одной стороны, в рамках грамматической и лексической системы языка и, с другой стороны, в пространстве текста книга распадается на две неравные по объему части: «Эвиденциальность в языковом коде» (с. 37—212) и «Эвиденциальность в тексте» (с. 213—320). Первая часть книги состоит из трех глав. В первой главе «Понятие и структура категории эвиденциальности»

(с. 37—76) излагаются основные теоретические проблемы изучения эвиденциальности и выработанные лингвистикой точки зрения на них. Рассматриваются такие вопросы, как соотношение эвиденциальности с другими грамматическими категориями, в первую очередь с модальностью, структура категории, выделяемые в ее рамках семантические противопоставления и их реализация в конкретно-языковых системах. Интересным и оправданным представляется то, что Макарьев по отдельности рассматривает связи эвиденциальности с модальностью как довольно размытой «гиперкатегорией» и с более конкретными категориями, такими как эпистемичность, адмиративность и ирреалис. Весьма интересны замечания на с. 62—66 о месте болгарского языка в типологии эвиденциальных систем. Отдельно подробно изучаются способы маркирования эвиденциальности в балканских языках и соотношение эвиденциальных конструкций с категориями лица, залога, времени и отрицания. Данная глава книги демонстрирует не только глубокие познания автора в истории изучения эвиденциальности в балканских языках, но и его типологическую эрудицию, а также, что кажется особенно ценным, умение соотнести конкретно-языковые факты с типологическими наблюдениями.

Вторая глава (с. 76—144) посвящена грамматическим маркерам эвиденциальности в балканских языках. Хорошо известно, что эвиденциальные категории в болгарском, македонском и албанском тесно переплетены с выражением перфекта и не всегда могут быть однозначным образом формально ему противопоставлены. В болгарском и македонском эвиденциальность, и перфектные времена используют так называемые *л*-формы — общеславянские причастия, соответствующие русским формам прошедшего времени. Несмотря на то, что в ряде нормативных описаний болгарского утверждается, что в эвиденциальных формах 3-го лица обязательно опущение вспомогательного глагола (связки) ‘быть’, М. М. Макарьев убедительно демонстрирует на эмпирическом материале, что вспомогательный глагол может, с одной стороны, присутствовать в конструкциях со значением не прямой эвиденциальности и, с другой, отсутствовать в контекстах, где такого значения нет, и закономерно приходит к выводу (с. 102), что «использование / опущение связки в третьем лице *л*-форм не является основанием для разграничения [эвиденциальных и неэвиденциальных] парадигм». Наиболее значимыми с типологической точки зрения мне представляются следующие наблюдения и выводы автора: во-первых, построенная им четкая и логичная классификация эвиденциальных форм балканских языков и их формальных и функциональных соотношений с неэвиденциальными, позволяющая сделать нетривиальный вывод о принципиальной открытости этих грамматических систем, отдельные элементы которых, по-видимому, могут при необходимости строиться носителями языка из составных частей. Во-вторых, это убедительно аргументированное вслед за рядом работ предшественников и весьма важное (и, добавлю, редко упоминаемое в типологических работах) противопоставление грамматических форм, маркированных как прямые эвиденциалы («свидетельские» формы, использование которых допускается лишь при прямом доступе говорящего к сообщаемой информации; таковы синтетические прошедшие времена болгарского и македонского языков), маркированных как косвенные эвиденциалы («несвидетельские» формы, в том числе перфект) и нейтральных в отношении эвиденциальности, т. е. употребляющихся в обоих типах контекстов (в первую очередь это личные формы настоящего и будущего времени). В отличие от балкано-славянских языков, в албанском языке имеется лишь бинарное противопоставление косвенно-эвиденциальных и нейтральных форм. В-третьих, автор показывает, что во всех трех языках формы косвенной эвиденциальности могут выражать целый спектр значений, от репортативности и конклюдентности до адмиративности; это позволяет рассматривать и балкано-славянские формы «пересказа», и албанский «адмиратив» в рамках единой системы понятий. Межязыковые различия наблюдаются в том, какие значения являются для форм конкретных языков основными: если для болгарских и македонских *л*-форм это репортативность, то для албанского «инвертированного перфекта» — адмиративность. Отдельные разделы главы посвящены ареальной (диалектной) дистрибуции балканских эвиденциальных систем и рассмотрению точек зрения на их генезис (правда, в последнем разделе автор фактически отказывается от высказывания какого-либо собственного мнения по данному вопросу).

Третья глава «Лексические маркеры эвиденциальности в балканских языках» (с. 144—212) посвящена сравнительно новому аспекту в изучении эвиденциальности (см., например, [Wiemer, Plungian (eds) 2008]) и представляет результаты фронтального сопоставительного исследования значительного числа неморфологических средств выражения эвиденциальных значений в болгарском, македонском и албанском языках, рассматриваемых как сами по себе (в лексикографическом и дискурсивном аспектах), так и, что немаловажно, в их взаимодействии с морфосинтаксическим кодированием эвиденциальности. Употребление здесь терминов «неморфологическое» vs. «морфосинтаксическое кодирование» неслучайно и связано с тем, что М. М. Макаревич рассматривает в качестве «лексических маркеров» весьма гетерогенный класс единиц: от полнозначных глаголов речи и оборотов типа «согласно кому-либо» до частиц и союзов, которые скорее следовало бы отнести к грамматикализованным, хотя и неморфологическим показателям (о возможности и логической корректности трактовки как грамматических единиц вроде *по-моему*, *мол*, *якобы* и т. п., значение которых относится не к плану ассерции, а к модифицирующей рамке высказывания, см. работы [Boye, Harder 2009; 2012]). Представленный в этой главе материал, основанный на собственноручно собранном автором корпусе болгарских, албанских и македонских текстов, чрезвычайно интересен и убедительно проанализирован и обладает несомненной научной новизной.

Вторая часть книги, состоящая из двух глав, посвящена функционированию эвиденциальности в тексте и содержит ряд наблюдений, составляющих наиболее оригинальный и существенный с описательной и типологической точек зрения вклад рецензируемой монографии в изучаемую проблематику. Эта часть начинается с довольно обширного (с. 213—223), но странным образом не отраженного в оглавлении книги вступления, в котором М. М. Макаревич обсуждает историю изучения грамматической эвиденциальности в дискурсе, в частности, ряд работ по балканским языкам, в которых отмечается на первый взгляд парадоксальный «необязательный» характер эвиденциальных категорий в речи. В своем собственном исследовании автор опирается на семиотический подход к структуре текста и идеи об отражении в языке и дискурсе так называемой «модели мира», разрабатывавшиеся, в частности, В. Н. Топоровым и Т. В. Цивьян (об этом см. также ниже). В рамках этого подхода употребление или неупотребление грамматических форм эвиденциальности, в особенности не мотивированное напрямую их собственной семантикой (в частности, в случаях, когда с чисто логической точки зрения весь текст целиком должен быть маркирован косвенными эвиденциалами как передаваемый автором или рассказчиком с чужих слов), может сигнализировать об определенных релевантных для данной «модели мира» противопоставлениях в рамках структуры текста.

Четвертая глава «Фольклорный текст сквозь призму эвиденциальности» (с. 223—291) излагает результаты сопоставительного анализа функционирования грамматической эвиденциальности в многочисленных болгарских, македонских и албанских версиях одного общеполубалканского фольклорного текста — «Баллады о мертвом брате». Выбор текста обусловлен, с одной стороны, его бытованием на всех изучаемых языках в разных диалектных зонах и, с другой, значимостью его сюжета с точки зрения культурной антропологии Балкан и отражения в нем «балканской модели мира». На с. 230—235 автор подробно останавливается на структуре текста баллады, истории ее изучения, гипотезах о путях ее распространения и на проявляющейся в ней системе «базовых оппозиций балканской модели мира» (с. 231). Затем рассматривается эвиденциальное маркирование на уровне отдельных лексических классов глаголов, причем выявляются тенденции к последовательно различному маркированию, с одной стороны, глаголов речи, а с другой — глаголов движения: в большинстве болгарских и македонских вариантов «Баллады...» глаголы речи выступают в формах прямой эвиденциальности, а глаголы движения — в формах косвенной, но есть варианты с «зеркальным» распределением; при этом глаголы движения появляются в наиболее сюжетно значимых отрезках «Баллады...». Исследуется также эвиденциальное маркирование распространенных в фольклорных текстах словесных формул; вариативность в использовании прямых vs. косвенных эвиденциалов в зачинах и концовках разных вариантов «Баллады...»

Макарцев объясняет тем, что эти фрагменты могут либо рассматриваться отдельно от основного текста (косвенно-эвиденциальное маркирование), либо трактоваться как его составные части (прямые эвиденциалы); правда, автор не уточняет, имеются ли какие-либо независимые от эвиденциального маркирования свидетельства включенности vs. невключенности зачина и концовки в основной текст, что придает аргументации отчасти круговой характер.

Наиболее интересные и нетривиальные наблюдения содержатся во втором и третьем разделах главы (с. 254—291), где исследуется употребление прямых и косвенных эвиденциалов в основном массиве вариантов «Баллады...». Выясняется, что косвенные эвиденциалы в албанском систематически используются для маркирования первого плана (foreground) дискурса, т. е. тех его отрезков, к которым сказитель фольклорного текста привлекает особое внимание слушателя. В болгарских и македонских вариантах баллады дискурсивно-мотивированное употребление прямых и косвенных эвиденциалов еще нетривиальнее: употребление косвенных эвиденциалов, а также сам факт «переключения» между прямыми и косвенными эвиденциалами и наоборот служат маркированию значимых отрезков текста, в первую очередь его начала, конца и стыков между эпизодами. То же отмечается и в ряде албанских вариантов «Баллады...». К сходным выводам приводят и результаты проведенного автором лингвистического эксперимента по обратному переводу (с русского, английского, сербского или итальянского) на исследуемые языки одного из вариантов «Баллады...», в свою очередь переведенного болгарским исследователем конца XIX в. К. Шапкаревым с албанского. Тем самым, использование эвиденциальных форм оказывается, с одной стороны, мотивировано динамической структурой текста и логикой его развертывания, и, с другой, служит формальному маркированию этой структуры. Как мне представляется, убедительная демонстрация того, что употребление эвиденциальных форм может определяться не только и зачастую не столько их «собственным значением», сколько дискурсивными стратегиями говорящего в рамках определенного жанра и нарративными конвенциями, является одним из наиболее значительных достижений в изучении эвиденциальности на современном этапе, причем не только в балканистике, поскольку разработанный — разумеется, с опорой на ряд предшествующих исследований — М. М. Макаревым подход может быть с успехом применен и к другим языкам.

В пятой главе «Эвиденциальность в языке средств массовой информации» (с. 292—320) исследуется использование форм прямой и косвенной эвиденциальности в качестве средства манипуляции сознанием потребителя информации в балканских СМИ. В первом разделе главы рассматриваются сообщения из СССР и России в болгарской прессе рубежа 1980—1990-х гг. и постепенный переход от идеологически мотивированной так называемой «стратегии объективности», в которой при сообщениях из СССР использовались исключительно прямые эвиденциалы, к более сложным стратегиям, в которых распределение прямых и косвенных эвиденциалов и нейтральных форм во многом диктуется субъективным отношением автора к сообщаемой информации и тем, какую точку зрения на эту информацию автор «навязывает» читателю. Характерно, что в момент «наибольшей неопределенности» в августе 1991 г. в сообщениях из СССР преобладают косвенные эвиденциалы. Во втором разделе главы на материале статьи [Friedman 2012] показано, что в албанских СМИ Косова в 1994—2000 гг. нейтральные формы vs. косвенные эвиденциалы активно используются для маркирования оппозиции «свой vs. чужой». В третьем разделе исследуется использование эвиденциальных форм и перфекта в двуязычном албанско-македонском политическом дискурсе и демонстрируются возникающие при переводе с одного языка на другой много-многозначные соответствия между различными албанскими и македонскими грамматическими формами.

В Заключении (с. 321—327) суммируются основные выводы книги, которым дается интерпретация с точки зрения как типологии эвиденциальных систем, так и «балканской модели мира». В обширных Приложениях (с. 328—390) приводятся материалы описанного в четвертой главе лингвистического эксперимента (все тексты, полученные от носителей языка и тексты-стимулы), переводы албанских версий «Баллады о мертвом брате», а также список использованных в книге болгарских, македонских и албанских версий этого текста. Имеется

также список сокращений и указатели языков и терминов, краткое резюме на английском языке (с. 442—443), а также весьма представительная библиография, о которой также см. ниже.

Оценивающую часть рецензии хочется начать с повторения тезиса о том, что книга М. М. Макарцева, по моему мнению, вносит чрезвычайно существенный вклад в изучение эвиденциальности как в балканских языках, так и в типологической перспективе. Отличительной особенностью и несомненным достоинством книги является синтез анализа грамматических систем, лексикографического и корпусного исследования лексики и изучения функционирования эвиденциальных категорий в дискурсе с особым вниманием к структуре текста. На каждом из этих направлений в отдельности автором получены значительные результаты, а объединение их в рамках одного исследования позволяет достичь «объемного» взгляда на категорию эвиденциальности и ее функционирование, который представляется более адекватным, чем изолированное изучение грамматических, лексических и дискурсивных аспектов проблемы. Очевидно, что представленная в книге яркая и переливающаяся разными цветами картина балканской эвиденциальности является результатом глубоких познаний автора в исследуемых языках, равно как и его многосторонней научной эрудиции. Книга Макарцева выступает не только оригинальным научным исследованием, но и, пожалуй, наиболее полным на русском языке обзором работ по эвиденциальности, как в балканских языках, так и в типологическом освещении.

Книга написана живым и по большей части легким для восприятия научным языком — подчас, однако, чересчур «живым», поскольку автор имеет склонность к переходу от научного стиля к почти беллетристическим пассажам, ср. уподобление истории изучения эвиденциальности «петляющей реке со множеством потоков и параллельных рукавов» («меандру») на с. 321 и 328, а также к утверждениям слишком общего характера, ср.: «...мы сталкиваемся с противоречием, которое вытекает из лежащей в основе современной лингвистики дихотомии означающего и означаемого» (с. 12) или «стремясь найти различие в сходном и сходное в различном — что и соответствует основным конструктивным принципам балканского языкового союза и балканской модели мира» (с. 15) (о «балканском» см. также ниже), или на той же странице «граница, которая, с одной стороны, отделяет объект от прочих элементов множества, а с другой — связывает его с ними». Примеры подобных пассажей, которые служат скорее украшению текста, нежели научной ясности, встречаются в тексте книги в немалом числе.

Переходя к собственно критике, укажу, что в ряде случаев аргументация автора представляется недостаточно эксплицитной, а словоупотребление не вполне корректным. Так, о ряде работ на с. 37 сказано, что «определение статуса эвиденциальности» в них «носит компромиссный характер», однако данное суждение никак не раскрывается. В значительной степени непроясненным остается понятие «эпистемичности» и его значения на с. 44—49, а также в табл. 1.1 на с. 45. Из сравнения изложения на с. 82 с табл. 2.1 на с. 82—83 следует, что «индикативными» болгарские грамматисты считают в том числе формы императива, что весьма сомнительно; некорректно использование термина «связка» по отношению к конъюнктивной частице *да* в сноске 52 на с. 83. Не эксплицируются критерии противопоставления «грамматического» и «лексического» выражения эвиденциальности в третьей главе, о чем уже говорилось выше, и вовсе не очевидно, что к лексическим маркерам правомерно применять ту же таксономию значений, что и к грамматическим (ср. с. 148): например, не кажется корректным утверждение на с. 156, что «значение репортативности могут передавать ... глаголы ... 'говорить / сказать'» — ведь эвиденциальное значение репортативности, в отличие от лексического значения глаголов речи, не имеет ассертивного коммуникативного статуса и функционирует — не только в языке, но и в дискурсе! — принципиально иным образом. Говоря о «малой частотности косвенных эвиденциалов в албанских текстах» (с. 171), автор не приводит сравнительных данных для других балканских языков, что снижает ценность этого наблюдения. Утверждения автора на с. 172 об «эвиденциальной немаркированности» перфекта и плюсквамперфекта в албанском иллюстрируются лишь примерами форм косвенной эвиденциальности, в то время как в первую очередь следовало бы привести

примеры различных употреблений нейтральных форм. На схеме 4.3 на с. 263 неясно, чему соответствуют и как соотносятся между собою цифры и диаграммы; кроме того, когда релевантных форм всего 63, следовало бы приводить не проценты, а абсолютные цифры.

Изредка эрудиция автора изменяет ему. Так, термин «эвиденциальность» появился в русскоязычной лингвистике по крайней мере с учебника [Плунгян 2000] (а не со сборника [Храковский (ред.) 2007], как полагает автор на с. 20), а понятие «точка отсчета» было предложено не Е. В. Падучевой, а в работе [Reichenbach 1947].

Наибольшие сомнения у рецензента вызывает несомненно значимая для автора апелляция к разработанному его учителями понятию «балканской модели мира». Как кажется, это понятие — по крайней мере в изложении автора — слишком нечетко и всеобъемлюще, чтобы его можно было использовать для построения верифицируемых научных гипотез. Действительно, если верно, что «базовые оппозиции» балканской модели мира — это «внешний / внутренний, истинный / ложный, определенный / неопределенный, свой / чужой, хороший / плохой» (с. 214), то возникает вопрос о специфике «балканского» и объяснительной силе всей концепции — ведь указанные оппозиции, вне всякого сомнения, релевантны для модели мира любой культуры. Соответственно, если, как утверждает автор на с. 326, «эвиденциальность характерна для матрицы балканской языковой картины мира, будучи связана с такими существенными бинарными оппозициями, как *видимый / невидимый, внутренний / внешний, свой / чужой* и др.» (курсив автора. — П. А.), то не следует ли задаться вопросом о том, почему эвиденциальность не является универсальной грамматической категорией, коль скоро приведенные бинарные оппозиции имеют значение для любой человеческой культуры, а вовсе не только балканской. Наконец, рецензенту представляется, что основные выводы книги являются гораздо более содержательными и «операциональными», чем скорее художественное, нежели научное утверждение на с. 328 о том, что «сплетение сходного и различного в формах, выражающих прямую и косвенную эвиденциальность в балканских языках, — еще одно проявление амбивалентности балканской модели мира».

К большому сожалению, книга, представляющая столь значительную научную ценность, не прошла удовлетворительной редактуры. В тексте встречаются довольно многочисленные опечатки, в том числе в фамилиях авторов и языковых примерах (так, в итальянском тексте на с. 332—333 в качестве знака ударения используется акут вместо положенного грависа), и стилистические огрехи; ср. уместное скорее в заявке на грант, нежели в научном сочинении упоминание «международных рецензируемых журналов» в обсуждении классической статьи Р. О. Якобсона на с. 18; ненужными варваризмами являются термины «типологический сэмпл» и «сэмплирование» на с. 65—66 — вместо них следовало бы употребить устоявшиеся в русскоязычной типологии термины «выборка» и «составление выборки». То же самое касается перевода англ. «adpositions» (гипероним по отношению к предлогам и послелогам) как «адпозиции» на схеме 2.1 на с. 78. Есть очевидные ляпы вроде «в македонском все личные формы македонского глагола» (с. 106) или вариативность написания слова *арбэреишский / арбереишский*, которые следовало устранить на стадии редактирования текста. Неудачно, что при обсуждении дискурсивных функций эвиденциальных форм на с. 256—260 абсолютно непонятные неспециалисту развернутые албанские примеры оставлены автором без хотя бы частичного поморфемного глоссирования, а их переводы приводятся не непосредственно там же, а в Приложении; это существенным образом затрудняет понимание и верификацию анализа.

Встречаются чисто технические недочеты вроде отсутствия обещанных в сноске 17 на с. 25 подчеркивания и выделения полужирным релевантных частей примеров на с. 25—29, затемненных клеток в табл. 3.1 на с. 203 или выделения полужирным в табл. 3.3 на с. 210. Неясно, к чему отсылает «там же» в начале с. 232. Однако наибольшее недоумение и сожаление вызывает совершенно недопустимая в научном издании небрежность в составлении библиографии: многие из имеющихся в тексте ссылок на литературу не расшифрованы в библиографии, а в самом списке литературы встречаются опечатки, неточное написание фамилий авторов и года издания работ, а также нарушения алфавитного порядка.

Завершая рецензию, мне хотелось бы снова подчеркнуть, что, несмотря на все высказанные выше критические замечания и обнаруженные существенные технические недочеты, я полагаю монографию М. М. Макарецца чрезвычайно ценным научным сочинением, вносящим несомненный и большой вклад в изучение эвиденциальности, и убежден, что значение этой книги выходит далеко за пределы собственно балканистики. Возможно, автору следовало бы в обозримое время подготовить исправленное переиздание книги, которая, я уверен, еще долго будет востребована специалистами по балканским языкам и типологии глагольных категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: URSS, 2000.]
- Храковский (ред.) 2007 — Храковский В. С. (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. [Khrakovskii V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald, Dixon (eds) 2003 — Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. (eds). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Boye, Harder 2009 — Boye K., Harder P. Evidentiality: Linguistic categories and grammaticalization. *Functions of Language*. 2009. Vol. 16. No. 1. Pp. 9—43.
- Boye, Harder 2012 — Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*. 2012. Vol. 88. No. 1. Pp. 1—44.
- Chafe, Nichols (eds) 1986 — Chafe W., Nichols J. (eds). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood (NJ): Ablex Publishing Corporation, 1986.
- Diewald, Smirnova (eds) 2010 — Diewald G., Smirnova E. (eds). *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
- Friedman 2012 — Friedman V. Enhancing national solidarity through the deployment of verbal categories: How the Albanian admirative participates in the construction of a reliable self and an unreliable other. *Pragmatics and Society*. 2012. Vol. 3. No. 2. Pp. 189—225.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York: Macmillan, 1947.
- Wiemer, Plungian (eds) 2008 — Wiemer B., Plungian V. A. (eds). *Lexikalische Evidentialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd 72.) München: Otto Sagner, 2008.

I. A. Seržant, L. Kulikov (eds). The diachronic typology of non-canonical subjects. Amsterdam: John Benjamins, 2013. XXVI + 354 p. (Studies in language companion series, 140). ISBN 978-90-272-0607-7.

Мария Валерьевна Шкапа

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва, 109240, Россия
mashashkapa@gmail.com

Maria V. Shkapa

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia; Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia
mashashkapa@gmail.com

Сборник «Диахроническая типология неканонических подлежащих» содержит 13 исследований, посвященных неканоническим подлежащим, а также предисловие, включающее теоретическое введение и обзор статей (авторы: И. Сержант, К. Федриани, Л. Куликов), и заключительную обобщающую статью И. Сержанта.

* Работа автора поддержана грантом РГНФ № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации».

Во введении авторы дают определение неканонического подлежащего как аргумента, который обладает семантическим и дискурсивным приоритетом («scores highest with regard to its discourse related and semantic properties», с. xi), но при этом кодируется нестандартным для подлежащего образом: например, выражается предложной группой в языке с преобладанием номинативно-аккузативной конструкции или согласуется с глаголом не так, как согласуются прототипические подлежащие в этом языке. При этом такая группа может быть наделена любым набором признаков грамматического приоритета (или быть их вовсе лишена).

Очевидно, что такое определение создает некоторые сложности. Во-первых, термин «неканоническое подлежащее» оказывается избыточным, поскольку его можно, как кажется, без каких бы то ни было потерь заменить на «агентивную/экспериментальную группу». Во-вторых, как отмечают сами авторы, их «неканоническое подлежащее» может как быть, так и не быть подлежащим, что создает терминологическое неудобство. В-третьих, даже если группа наделена значительным грамматическим приоритетом, возникающая в таком случае возможность существования в предложении двух «подлежащих» противоречит интуитивному (а также вошедшему во многие определения) пониманию подлежащего как единственной в клаузе группы, наделенной максимальным грамматическим приоритетом (такая ситуация описывается, в частности, в рецензируемом сборнике в статье Л. Линдстрём, посвященной эстонской экспериментальной конструкции). Кроме того, не вполне понятно, зачем авторы используют также термин «подлежащеподобные косвенные объекты» («subject-like obliques») и что противопоставляет обозначаемые этим термином явления неканоническому подлежащему в их понимании.

Кажется, этой путаницы можно было бы избежать, называя неканоническими подлежащими такие группы, которые, будучи оформлены нестандартным способом (например, не номинативом и не эргативом в языках с соответствующими конструкциями в качестве «базовых»), оказываются при этом наделены не только семантическими и коммуникативными, но и грамматическими свойствами подлежащих и противопоставлены агентивным группам без грамматического приоритета — как это делается, например, в [Тестелец 2001: 347].

Продолжая говорить о явлении неканонического подлежащего, авторы приводят примеры, представляющие собой крайние случаи с точки зрения «подлежащности» этой группы: литовскую конструкцию (1), где ни один из двух «похожих» на подлежащее аргументов синтаксически подлежащим не является, и исландские экспериментальные предложные группы, которые наделены полным набором признаков синтаксического приоритета, — а также примеры случаев, когда признаки приоритета распределены между несколькими именными группами.

- (1) Man skauda galvą.
я.DAT болит голова.ACC
‘У меня болит голова’ (с. xiii).

Авторы введения касаются также разницы представления неканонического подлежащего в различных синтаксических теориях; переходя к диахронии, упоминают несколько путей возникновения и развития неканонических подлежащих, описанных в литературе, и говорят о роли в этом процессе языковых контактов.

Представленная выше теоретическая часть введения (с. i–xvii) может быть использована как введение в проблематику неканонического подлежащего, поскольку рассказывает об основных исследованиях, наблюдениях и дискуссиях последнего времени, связанных с этой темой. При этом она будет понятна в том числе тем, кто раньше мало сталкивался с данным явлением.

Во введении говорится также о задачах книги: «Our idea is to present a selection of case studies on the history of non-canonical subjects from different language families and historical layers and, on the basis of the data gleaned from them, to offer diachronic and cross-linguistically valid generalizations. <...> This volume is, therefore, intended to provide a typological background for historical linguists working on syntactic reconstruction...». Однако, заявляя о создании

«типологического фона», авторы предисловия, как кажется, несколько преувеличивают: из 13 статей сборника 11 посвящены конструкциям языков индоевропейской семьи, одна — эстонскому и еще одна — языкам восточнокавказской семьи.

Основная часть сборника состоит из трех разделов о разных стадиях в развитии неканонического подлежащего: «Rise of non-canonical subjects or subject-like obliques» («Возникновение неканонических подлежащих и подлежащеподобных косвенных объектов»), «Historical changes in constructions with non-canonical subjects or subject-like obliques» («Исторические изменения в конструкциях с неканоническими подлежащими или подлежащеподобными косвенными объектами»), «From non-canonical subjects or subject-like obliques to canonical subjects» («От неканонических подлежащих и подлежащеподобных косвенных объектов к каноническому подлежащему»).

Первая статья, авторства О. Фернандес-Сорьяно и А. Мендикозчеа, написана в рамках минималистского подхода и посвящена сирконстантной предложной группе, выражающей в испанской декаузативной конструкции участника, невольно каузивовавшего действие (далее называемого «ненамеренным каузатором» — «accidental causer»):

- (2) A Juan se le ha roto el vaso
 PREP Хуан REFL CL_{DAT} AUX разбить.PTCP DEF стакан
 'У Хуана (случайно) разбился стакан' (с. 5).

Авторы обращают внимание на то, что конструкция такого рода возможна не при любых переходных предикатах, а лишь при таких, которые обозначают смену состояния и включают два подсобытия (subevents): действие, каузирующее смену состояния, и результат смены состояния; при этом участник, выраженный в (2) предложной группой, является аргументом первого подсобытия, но не второго. Таким образом, если смена состояния происходит без каузатора, как в случае глагола *palidecer* 'побледнеть', предложная группа ненамеренного каузатора не может быть употреблена. Авторы показывают, что данная группа наделена некоторыми свойствами подлежащего: помимо коммуникативных свойств и линейной позиции в предложении, это способность становиться подлежащим при подъеме с глаголами типа *parecer* 'казаться', а также поведение наречий *de nuevo* и *otra vez* 'снова', которые могут оставлять данный аргумент вне своей сферы действия. Кроме того, тот факт, что в качестве объекта действия в декаузативной конструкции может выступать неоформленная NP — что невозможно в испанском языке для подлежащего — говорит о том, что это внутренний аргумент; следовательно, предложная группа ненамеренного каузатора может быть внешним аргументом. Таким образом, авторы полагают, что предложная группа занимает позицию подлежащего, тогда как номинативная группа (*el vaso* в (2)) остается внутри vP, что обуславливает то, что, хотя она в номинативе и с ней согласуется глагол, она не обладает другими признаками внешнего аргумента.

В статье Х. де Хооп идет речь о двух местоимениях 3-го лица множественного числа в нидерландском языке: наряду с местоимением *zij* (безударная форма — *ze*) употребляется местоимение *hun*, которое, в отличие от первого, неспецифицированного по одушевленности, относится только к одушевленным референтам. Исторически это объектная форма местоимения, но с начала XX в. фиксируются ее употребления и в функции подлежащего, не принимаемые, однако, до сих пор прескриптивными грамматиками. Де Хооп полагает, что если появление особой формы для одушевленного объекта является функционально естественным и потому типологически частым явлением, то типологически редкая особая форма для одушевленного субъекта появилась в нидерландском просто в результате утери падежных различий. Среди других факторов, приведших к расширению синтаксических функций формы *hun* в системе местоимений нидерландского языка, — наличие в системе противопоставления по одушевленности для местоимений 3-го лица единственного числа, сходство данной формы с диалектным местоимением 3-го лица множественного числа *hullie*, употребляющимся в роли как дополнения, так и подлежащего, а также частота такого перехода в германских языках. Статья содержит детальный обзор предшествующих работ,

посвященных местоимению *hun*, что является несомненным достоинством, поскольку часть литературы написана на нидерландском языке или более века назад.

Статья Хакьюн Чун (Hakyun Jung) посвящена развитию в северных русских диалектах «посессивного перфекта», который, как считает автор, возникает в результате грамматикализации предлога *у* и этим отличается от западноевропейского *have*-перфекта, являющегося результатом грамматикализации глагола. Автор рассматривает синтаксическую роль предложной группы на разных стадиях развития конструкции начиная с XI в., а также сравнивает синтаксические и семантические свойства данного аргумента со свойствами дативной группы в модальных (*А зачем мне было вставать*, с. 60) и экзистенциальных (*Мне есть что почитать*, с. 60) конструкциях с инфинитивом.

Темой статьи Д. Кёллигана являются генитивные подлежащие в древнеармянском языке в конструкциях с причастием на *-eal*, имеющих значение перфекта или плюсквамперфекта. (Их «подлежащность» обосновывается в статье.)

- (3) Noc'a tesimal ê z-ayt-n
3PL.GEN видеть.PTCP COP.3SG.PRS ACC-человек-ART
'Они видели человека' (с. 74).

Автор отстаивает точку зрения, что источником этой конструкции является посессивная конструкция с предикатом — отглагольным именем, существовавшая в дописьменном армянском: позднее глагольное имя приобрело синтаксические признаки причастия. В статье также рассматривается судьба данной конструкции в средневековом армянском и современном восточноармянском, где генитив заменяется номинативом.

А. Монто в статье, завершающей первую часть сборника, рассказывает о развитии неканонических подлежащих в хинди из неноминативных субъектных групп в санскрите. Особое внимание уделяется акциональным классам предикатов, требующих неканонических подлежащих; развитию послелогов, заменивших падежные окончания; подлежащим свойствам субъектных групп на разных стадиях развития языка и описанию таких групп в индийской грамматической традиции, где «центром» предложения является действие (что автор несколько произвольно связывает с важностью в культуре брахманов ритуального жертвоприношения).

Вторая часть сборника начинается со статьи М. Бенедетти об экспериенциальных группах при предикатах с психическими именами (см. далее примеры) в диахронии от латыни к итальянскому. В латыни рассматриваемые предикаты допускали две актантные структуры:

- (4) a. Caesar capi-t metu-m
Цезарь.NOM братъ-PRS.3SG страх-ACC
'Цезарь пугается'.
b. Metu-s capi-t Caesar-em
страх-NOM братъ-PRS.3SG Цезарь-ACC
'Страх охватывает Цезаря' (с. 123).

В итальянском языке добавляется третий тип кодирования, где экспериенцер выражается дативной группой. Автор сравнивает эти конструкции, пользуясь инструментами реляционной грамматики, и обращает внимание на то, что конструкции типа (4a) и (4b) отличаются синтаксически от прототипической переходной клаузы.

Работа Л. Линдстрём посвящена контактному влиянию индоевропейских языков, определившему, как полагает автор, некоторые синтаксические свойства эстонской экспериенциальной конструкции. Если в других прибалтийско-финских языках (за исключением ареально близкого эстонскому ливского) стимул в такой конструкции факультативен, а экспериенцер обладает полным набором подлежащих свойств, то в эстонском стимул обязателен, а экспериенциальная группа наделена значительно меньшим грамматическим приоритетом. Автор также рассматривает синтаксические различия между конструкциями с одушевленным vs. неодушевленным стимулом.

Статья Ч. Мелис и М. Флорес также посвящена экспериенцеру; здесь речь идет о конструкции в испанском, где дативная группа линейно предшествует глаголу:

- (5) A Juan le gustan las cerezas
DAT Хуан он.DAT нравится.3PL DEF вишни.NOM
'Хуану нравится вишня' (с. 166).

Интересной особенностью дативного экспериенцера в испанском с точки зрения диахронии является то, что, унаследовав от латыни несколько предикатов с таким маркированием экспериенцера, испанский распространил его на предикаты, в латыни имевшие номинативно-аккузативную рамку (предглагольным дативом кодируются в том числе и одушевленные неагентивные группы с другими семантическими ролями).

Темой статьи Я. Форлунда, которая открывает третий раздел сборника, является исчезновение в современном норвежском *pro*, существовавшего в древнеисландском. Принадлежавшую ему позицию подлежащего заняли либо бывшие экспериенцеры в дативе, принявшие теперь форму номинатива, либо семантически пустое местоимение *det*. Автор полагает, что этот переход произошел из-за потери языком падежей существительных, которая дала возможность реинтерпретации бывших дативных групп как номинативных подлежащих.

В следующей статье К. Федриани «Конструкция *me pudet* в истории латинского языка: Почему и как скоро появляются и исчезают неканонические подлежащие» сравнивается судьба аккузативного экспериенцера в актантных рамках пяти глаголов, которые — единственные в этом языке — кодируют экспериенцера аккузативом, а стимул генитивом (*pudet* 'стыдиться', *taedet* 'скучать', *miseret* 'сочувствовать', *piget* 'чувствовать раздражение, жалость или сожаление', *paenitet* 'раскаиваться, сожалеть'). Экспериенцеры при глаголах *paenitet* и *miseret* теряют аккузативное кодирование раньше, чем при прочих глаголах, что автор объясняет их большей агентивностью.

Исследование Д. Ганенкова посвящено неканоническим подлежащим в истории восточнокавказской семьи. Автор рассматривает три вопроса: соотношение неканонического падежного маркирования и неканонического личного согласования; причины утери экспериенцерами неканонического маркирования; причины распространения аблативных подлежащих в цахурском.

А. Хольвут на балто-славянском материале показывает, что не для каждой конструкции с дательным экспериенцером имеет смысл говорить о наличии в ней подлежащего (в том числе неканонического): он вводит термин «наименее косвенная группа», который применяет к группам, обладающим семантическими и прагматическими свойствами подлежащего, но при этом лишенным признаков синтаксического приоритета. В статье также говорится о сравнительной надежности различных признаков выделения подлежащего.

Статья И. А. Сержанта, заканчивающая основную часть книги, посвящена случаям (также в балто-славянских языках), когда косвенная ИГ приобретает подлежащее кодирование раньше, чем свойства грамматического приоритета. По мнению автора, это возможно при следующих условиях: 1) косвенная группа функционально похожа на прототипическое подлежащее в данном языке и 2) в конструкции либо нет подлежащего, маркированного канонически, либо оно менее, чем данная косвенная группа, функционально похоже на каноническое подлежащее. Автор переформулирует принцип, изложенный в [Haspelmath 2010], следующим образом: «The coding properties cannot be acquired without the behavioural properties» (с. 304).

Обобщающая статья И. А. Сержанта предлагает выделять три пути возникновения неканонического подлежащего: из сирконстанта; из актанта; в результате распространения дифференцированного маркирования прямого объекта на подлежащее. Кроме того, в ней рассматривается превращение неканонического подлежащего в каноническое, в частности то, какие свойства подлежащего появляются раньше и как этот процесс связан со свойствами предиката клаузы.

Данный сборник вносит важный вклад в диахроническую типологию неканонических подлежащих, а также содержит несколько интересных точек зрения на связанные с понятием неканонического подлежащего проблемы, такие как целесообразность самого выделения неканонических подлежащих.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC — аккузатив, AUX — вспомогательный глагол, ART — артикль, CL — клитика, COP — связка, DAT — датив, DEF — определенность, GEN — генитив, NOM — номинатив, PL — множественное число, PREP — предлог, PRS — настоящее время, PTCP — причастие, REFL — рефлексив, SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.]
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. The behaviour-before-coding principle in syntactic change. Floricic F. (ed.). *Mélanges Denis Creissels*. Paris: Presses de l'École normale supérieure, 2010. Pp. 493–506.

O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. 237 p.

**Роман Алексеевич Говорухо^a,
Ирина Михайловна Кобозева^{b,®}**

**Roman A. Govorukho^a,
Irina M. Kobozeva^{b,®}**

^a Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия; ^b МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; [®] kobozeva@list.ru

^a Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia; ^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; [®] kobozeva@list.ru

Рецензируемое издание — уже третий по счету сборник трудов международной исследовательской группы «Сопоставительная лингвистика текста» (GeLiTeC), объединяющей славистов и романистов из Италии, Швейцарии, Франции, России, Польши и других стран Европы¹. Содержание сборника, что характерно для данной серии, выходит за рамки контрастивной лингвистики как таковой, включая отдельные статьи, посвященные анализу текстообразующих феноменов в том или ином славянском или романском языке, и работы по переводоведению. Это мы говорим не в укор составителям. Ведь только адекватное детальное описание языкового явления в каждом из языков создает надежную основу для их последующего сопоставления, а анализ переводов — естественный путь к обнаружению специфических черт языков оригинала и перевода. Труднее оправдать название книги — «Архитектура текста», по сложившейся традиции повторяющее название конференции, материалы которой легли в основу статей сборника. Речь в большинстве работ не идет о конотируемых архитектурной метафорой проблемах структуры текста как сложного, но целостного объекта, все аспекты формы которого подчинены единому авторскому замыслу.

¹ Группа создана по инициативе Анны Бонолы (Миланский католический университет Святого сердца) и Ольги Иньковой (Женевский университет). Опубликована рецензия на первый сборник работ этой группы [Семенова 2012], вскоре должна выйти в свет и рецензия на второй сборник [Inkova 2013]. Подробнее о деятельности группы: можно узнать на сайте <http://www.unige.ch/lettres/meslo/russe/actuscientifique/GeLiTeC.html>.

Скорее, обсуждаются те или иные типовые блоки, строительные материалы, крепеж и т. п. составляющие, используемые при постройке «зданий» самого разного рода.

Авторов объединяет функциональный подход к языку, рассматривающий языковую форму как обусловленную ее функцией в коммуникации. В остальном статьи различаются как по теоретическим основаниям, так и по цели и методу исследования.

Тематически сборник разделен на две части, первая из которых — «Семантика и прагматика глагольных форм» — посвящена функционированию глаголов в тексте. Особое внимание к этому аспекту лингвистики текста объяснимо, с одной стороны, фундаментальной важностью темпорально-аспектуальной организации смысловой структуры текста, а с другой стороны, существенным различием в устройстве глагольных систем в романских языках с их профилированием темпоральных категорий и языках славянских, профилирующих аспектуальные категории.

«Глагольная» часть сборника открывается статьей Л. Геберт (L. Gebert) «Славянский фактивный НСВ и романский имперфект: опыт сравнения» (на итал. яз.). Отметим обращение к такой спорной, неоднозначной теме, как конкуренция видов, о которой, казалось бы, уже много писалось: достаточно упомянуть цитируемых в статье Е. В. Падучеву, И. Б. Шатуновского, а также такие зарубежные имена, как П. Каудаль, С. Дикки, А. Грённ. Давая обзор различных точек зрения, что, несомненно, является достоинством работы, Л. Геберт предлагает и собственную гипотезу, согласно которой как в славянских (русском и польском), так и в романских (французском и итальянском) языках «неканонические» видо-временные употребления, такие как НСВ в общефактическом значении (который в статье назван фактивным НСВ), а также «нарративное» употребление имперфекта для обозначения точечного действия, возникают вследствие некоторых общих дискурсивных и прагматических факторов. Для описания аспектуальных характеристик автор использует понятие иллокутивной силы. В отдельных подразделах рассматриваются бытийный и пресуппозитивный типы общефактического НСВ. Общефактическое употребление НСВ возможно с предельными глаголами, выражающими завершённое событие, когда иллокутивная сила высказывания не может быть направлена на изменение состояния и, соответственно, на результат. Так, в частном вопросе *Где апельсины покупали?* и в утверждении *Я же давал тебе эту книгу* результат не находится в коммуникативном фокусе. Подобная дефокализация финальной фазы события характерна и для употреблений так называемого «нарративного», или «стилистического», имперфекта в романских языках: *In quello stesso anno nasceva a Firenze Dante Alighieri*. Указание на завершенность действия в подобных случаях извлекается адресатом исключительно из контекста. Русские и итальянские формы имеют, согласно автору, сходное происхождение, связанное с дискурсивными факторами: это дилатация момента действия в нарративном имперфекте и распространение итеративных употреблений для кодирования неассертивных фоновых действий для НСВ. Сходство проявляется также и в способе функционирования форм в тексте, в дефокализации результата. Различаются же они по регистру: НСВ бытует в разных речевых стилях, тогда как нарративный имперфект характерен исключительно для письменного регистра. Основное внимание в статье обращено на славянские языки, причем некоторые утверждения Л. Геберт выглядят излишне категоричными. Так на с. 3 заявляется, что анализируемые употребления касаются в языках обоих типов предельных глаголов, но уже на с. 5 автор признает, что отнесение фактивного НСВ только к предельным глаголам «не разделяется всеми аспектологами», ссылаясь на Е. В. Падучеву, Ю. Д. Апресяна, И. Б. Шатуновского, М. Я. Гловинскую.

Обращение к прагматике для объяснения аспектуальных характеристик глагола представляется также весьма симптоматичным. Так, серьезным итальянским исследованием в данном русле стала монография Р. Бенаккио «Вид и категория вежливости в славянском императиве» [Benacchio 2010], где конкуренция видов в императивных конструкциях объясняется с помощью таких понятий, как «межличностная дистанция участников речевого акта», а также «негативная и позитивная вежливость».

В статье А. Крейсберг (A. Kreisberg) «О нарративном имперфекте и прочих трудных случаях» делается попытка найти лингвистические обоснования стилистическому выбору переводчика, при котором имперфективные формы заменяются при переводе на перфективные и наоборот. В качестве источника примеров выбран перевод сборника «Sklepy sułanowe» («Коричневые лавки») Бруно Шульца, итальянские переводы Славомира Мрожека, а также переводы рассказов Итало Кальвино, выполненные автором. Довольно ожидаемой является замена общефактического НСВ на законченное время в итальянском. Это касается примеров как с неопределенными, так и с предельными глаголами: *słyszalem jego głos* — *udii la sua voce*; *właśnie dochodziłem do bramy* — *mi avvicinai al portone*. В этих случаях именно за переводчиком остается возможность выбора между фокусированием на действии в развертывании (как в оригинале) и завершившимся действием. Более любопытны примеры, где глагол СВ польского оригинала передан имперфектом в итальянском: *dni stwardniały* — *le giornate s'indurivano*, которые автор рассматривает как обусловленный контекстуальными факторами выбор переводчика. Использование в итальянских переводах «нарративного» имперфекта, то есть стилистически маркированной временной формы, бытующей только в контекстах определенного рода, может быть обусловлено, в частности, присутствием некоторых временных наречий, а у глаголов, обозначающих предельные процессы (accomplishments), при этом сохраняется характеристика градуальности признака.

Две следующие статьи сборника тематически связаны обращением к болгарскому медиативу. З. Генчева (Z. Guentchéva) начинает свою статью «Роль перфектоидных форм с вспомогательным глаголом и без него в болгарской прессе» (на франц. языке) с краткого, но емкого обзора представленных в новейшей литературе позиций в незатухающем споре по проблеме грамматического статуса и семантики аналитических форм болгарского глагола, образуемых по модели перфекта (действительное причастие прош. вр. на -л + вспомогательный глагол съм 'быть'), с тем чтобы затем перейти к анализу журналистских дискурсивных практик, основанных на игре с этими формами. Автор занимается изучением этих форм по меньшей мере с 90-х гг. в контексте обсуждения типологических проблем, связанных с категорией эвиденциальности, рассматривая их как формы особого наклонения, для которого наиболее подходящим из существующих в грамматической науке считает термин «медиатив». З. Генчева трактует эти формы в рамках характерных для французской лингвистики подходов к анализу семантики высказывания (см. основополагающие труды О. Дюкро и А. Кюльоли) и обосновывает объяснение их функционирования в тексте на прагматическом по своей сути понятии «принятия на себя ответственности» (*prise en charge*), которое с необходимостью запускает специфические операции над пропозициональным содержанием высказывания. Несомненным преимуществом ее трактовки болгарского медиатива является признание важности разграничения нарративных и ненарративных времен в болгарской грамматической системе и учет различий между жанрами дискурса. Автор солидаризуется с теми, кто считает, что опущение вспомогательного глагола в перфектоидных формах в третьем лице не является ни показателем «ренарратива» (маркером косвенной, пересказываемой речи), ни показателем характера источника информации (ср. видел своими глазами / вывел сам по косвенным данным / сказали и т. п.), но при этом она не согласна и с трактовкой отсутствия съм как простого маркера информации «второго плана», поскольку этого не достаточно для объяснения прагмасемантических явлений, наблюдаемых в разных жанрах дискурса. В исторических текстах, не говоря уже о сказках, речь идет о событиях, не связанных со «злободневностью» (*l'actualité*) и не имеющих отношения к автору высказывания. В текстах историка перфектоиды без съм манифестируют снятие им с себя всякой ответственности за истинность передаваемой информации, а перфектоиды с съм сигнализируют, что он принимает на себя ответственность за оценку такой информации как правдоподобной на основании имеющихся данных или абдуктивных (а иногда и дедуктивных) умозаключений. В журналистской хронике речь идет о событиях, попадающих в зону «злободневности», и журналисту приходится «сталкиваться с трудностями, которые возникают в журналистской практике, когда отношение к информации расходится

с объективным освещением событий» (с. 35). В многочисленных работах, посвященных использованию форм медиатива в болгарской прессе периода социализма, было показано, что к ним регулярно прибегали в случае передачи информации, поступившей из западных источников, тогда как информация советского агентства ТАСС передавалась в индикативе. Политическая подоплека такого использования медиатива очевидна. З. Генчева показывает, что, несмотря на постепенное исчезновение начиная с 1989 г. подобной социалингвистической нормы, манипулятивное использование медиатива в прессе продолжается, хотя и с иной мотивировкой. Анализируя примеры заголовков, она убедительно показывает, что медиативные формы сказуемого в них служат «более общей дискурсивной цели: высказывания, в которых они присутствуют, никогда не предполагают доказательства, отсылая лишь к возможным признакам доказательства, что позволяет автору высказывания подавать информацию так, чтобы снять с себя ответственность и в то же время привлечь как можно больше читателей» (с. 42). В тексте сообщения медиативные формы служат маркерами дистанцирования автора от передаваемой информации. На основе проведенного анализа делается вывод, что «говорящий на болгарском может использовать медиативные формы не только для снятия с себя ответственности за передаваемую информацию, но также как сомнительный инструмент, позволяющий распространять слухи, вселять сомнения и подозрения, — словом, манипулировать читателем» (с. 43). Важным нам представляется и общетеоретический вывод из проведенного анализа: понятие (не)засвидетельствованности, с которым многие связывают медиатив, не обладает достаточной объяснительной силой хотя бы потому, что, передавая информацию, поступившую из одного и того же источника, говорящий может использовать и индикатив, и медиатив в рамках одного и того же пассажа, так что дело не в источнике, а в отношении говорящего к информации. По справедливому замечанию автора, для прояснения сложной семантики перфектоидных форм с вспомогательным глаголом и без него требуется их систематическое изучение в контексте придаточного дополнительного, передающего чужую речь.

Й. Леви (Y. Levi) в статье «Два средства маркирования чужого высказывания: медиатив в болгарском и уступительное будущее в итальянском» проводит детальное сопоставление болгарского медиатива в частном значении «полемического повтора» (как во второй, но не в первой реплике в примере: *Вчера тая жена пушила [med.] тютюн в хана*. 'Говорят, вчера эта женщина курила табак в общежитии...' — *Пушила [med.] тютюн... това си е нейна работа*. 'Курила табак... это ее дело' [с. 50]) и итальянского футурума в уступительном значении (как в примере: *L'anno di Mameli... (S)arà [FC] brutto o quel che sia mariesce sempre ad emozionarmi*. 'Гимн Мамели... Может, он и некрасивый или еще что, но ему всегда удастся растрогать меня' [с. 51]). Данные «формопотребления» обнаруживают следующие общие характеристики: 1) они оба сигнализируют о том, что автор высказывания выступает лишь как медиатор, передающий чужое высказывание или мнение, и не берет на себя ответственность за его истинность; 2) они оба иерархизуют составляющие сложного высказывания, отодвигая «свою» пропозициональную составляющую на второй план как несущую менее важную или нерелевантную информацию; 3) для реализации указанных частных значений содержащая их пропозиция должна предшествовать той, которая выражает более существенную информацию, исходящую от автора высказывания. Различия между данными «формопотреблениями» обнаруживаются автором как в синтаксисе, так и в семантике: 1) «полемический» медиатив может быть употреблен в независимой клаузе, а уступительный футурум реализуется только в первой части противопоставительной конструкции; 2) если уступительный футурум совместим с допущением обозначаемого факта, то «полемический» медиатив выражает «сильное дистанцирование», «неприсоединение к мнению другого» (с. 55). Последнее положение, однако, подтверждается не всеми примерами на «полемический» медиатив. Так, употребление медиатива во второй реплике приведенного выше болгарского примера не означает, как признает сама Й. Леви на с. 51, что ее автор ставит под сомнение сам факт курения женщиной табака. Но в таком случае «дистанцирование» от высказываемой пропозиции состоит только в признании ее содержания

несущественным, а это именно та семантика, которую автор приписывает уступительному футуруму. Здесь следовало бы различить полемическую направленность на истинность передаваемой пропозиции (постановку ее под сомнение), которая, по-видимому, не является обязательной для болгарского медиатива при «полемическом повторе», хотя и может быть имплицатурой иных употреблений медиатива (см. в статье З. Генчевой о манипулятивном использовании медиатива журналистами), и полемическую заостренность по отношению к общей целеустановке повторяемого высказывания собеседника, выражаемую не столько формой медиатива, сколько отмечаемой в статье особой просодией, характерной для «полемического повтора». В заключение автор приводит свои соображения об источниках семантического эффекта дистанцирования, наблюдаемого в болг. медиативе и итал. будущем уступительном. В первом случае таким источником служит базовая семантика перфекта, а именно акцент не на самом процессе, а на результирующем состоянии, что «открывает дверь для выражения дистанцирования» (с. 55), а во втором — эпистемическая составляющая семантики будущего времени — значение неуверенности, предположительности, из которого развивается чисто «предположительное» (*conjectural*) значение этой формы, дающее в противопоставительной конструкции уступительное значение. (Конклюзивное «предположительное» употребление итальянского футурума рассматривается в статье А. Бонолы, см. о ней ниже.)

Две следующие работы посвящены употреблению времен в текстах разных жанров и в их переводах. В статье Ф. Эсвана (F. Esvan) «О выборе времен в переводах чешских нарративных текстов на итальянский и французский языки» (на итал. яз.) исследуются переводы произведений Богумила Грабала и Кветы Легатовой. Цель автора, по его собственному признанию, в том, чтобы, не давая оценок выбору переводчиков, проанализировать их мотивировки. Ф. Эсван выделяет три группы параметров (*fattori critici*), которые следует учитывать при анализе: 1) в какой мере переход от прошедшего к настоящему в чешском можно передать в языках перевода; 2) стилистическое различие в языках перевода между перфектом (*passé composé* — *passato prossimo*) и аористом (*passé simple* — *passato remoto*); 3) разница между прошедшими временами в дискурсивном отношении: перфект, в отличие от аориста, связан с моментом речи. При переводе произведений Грабала необходимо учитывать устный регистр его нарративного стиля, который сочетается с соблюдением литературной нормы. В этой связи французский перевод фрагмента сборника «*Bambini di Praga*», выполненный в настоящем времени, выглядит, по мнению автора, как стилистическая крайность, по сравнению с более традиционной версией в *passé simple*, или с итальянским переводом в *passato remoto*. Сложности при переводе фрагмента романа «Я обслуживал английского короля» обусловлены, в частности, контрастом диалогической рамки — обращения к читателю в начале и в конце произведения — и нарративной стилистики основной истории. Как справедливо отмечает автор статьи, опущение последних дискурсивных реплик во французском переводе вызвано при этом не столько «диктатом изящного стиля» французской традиции, сколько дискурсивной несовместимостью основного повествования в *passé simple* с финальным прямым обращением к читателю. Итальянский переводчик, сочетая *passato remoto* с *presente*, оставляет фактор дискурсивной несовместимости без внимания. Разные стратегии наблюдаются и при переводе рассказа «Ярмилка»: итальянский вариант выполнен в настоящем времени, во французском переводе *passé simple* соседствует с *passé composé*. Для стиля К. Легатовой характерен постоянный переход от прошедшего времени к настоящему, и основной сложностью для переводчиков становится здесь фактор чередования времен: настоящее время может легко чередоваться с перфектом (*passato prossimo*, *passé composé*), но не с аористом (*passato remoto*, *passé simple*). Переводчики опять выбирают разную стратегию: во французской версии, где временем наррации является аорист, приходится отказаться от его чередования внутри текста с презенсом. В итальянском переводе чередование времен внутри текста сохраняется, но рассказ ведется в *passato prossimo*.

Статья Ф. Фици (F. Fici): «Перфектное значение глагольных форм в “Дневнике Полины Жеребцовой”» (на итал. яз.) открывается краткой характеристикой дневника как текста

определенного типа, для которого характерны эмоциональность, субъективность восприятия, спонтанность записей. В анализируемом тексте дневника Ф. Фичи отмечает дейктическую составляющую (в противоположность нарративной), лаконизм формулировок, эллиптичность и иконичность синтаксической структуры. Незначимые фрагменты структуры опускаются, союзы заменяются знаками пунктуации. Русские примеры дневниковых записей сопровождаются переводами автора статьи, что могло бы быть хорошим материалом для сопоставительного анализа, который, к сожалению, в данной части работы отсутствует. Предлагаемые Ф. Фичи переводы на итальянский свидетельствуют о том, что итальянский текст и в этом особом жанре кратких дневниковых записей отличается более высоким уровнем синтаксической связности. Ср.: *Также снаряды попали в здание университета. Шли лекции — Dei proiettili hanno colpito anche l'università mentre c'era lezione; Одни меня не любят — mia madre è russa, altri evitano perché la famiglia di mio padre è cecena.* Переходя к рассмотрению перфекта в аспектуально-временном комплексе текста дневника, Ф. Фичи отмечает, что, как во французском и итальянском, так и в русском языках о перфекте следует говорить не просто как о форме глагола, но как об определенной функции, зависящей от семантики предиката и от условий его употребления. В ответе на вопрос: *Где Виктор? — Виктор вышел* указывается не столько на событие в прошлом, сколько на положение вещей в настоящем. В дневниковой прозе эта особенность перфекта проявляется особенно ярко. Так, в записи Полины *Мы счастливые! Мы поели вчера после долгой голодовки* предикат *поели* указывает на актуальное состояние счастья и сытости пишущего. Употребление перфектов подобного типа автор статьи сравнивает с «синтаксическими невидимками», а именно с невыраженным субъектом. Подобно тому, как перфект фокусирует внимание на результате события, при нулевом субъекте акцент смещается на само действие: *У меня мобильник украли.*

Вторая часть сборника — «Структура текста» — объединяет сопоставительные исследования, посвященные вопросам, большая часть которых, несомненно, релевантна для уровня текста. Контрастивному анализу русских и итальянских коннекторов как вербальных показателей смысловых отношений между предикативными единицами в высказывании и тексте посвящены статьи Ольги Иньковой и Анны Бонолы.

Работа О. И н ь к о в о й (на русск. яз.) представляет собой развернутый семантико-синтаксический анализ системы сравнительных конструкций, обязательным элементом которых служит союз *как* в русском языке и его переводной эквивалент *come* в итальянском. Отталкиваясь от проведенного в работе Э. Манзотти анализа «аналогических» конструкций с *come* [Manzotti 2010—2011], автор находит у соответствующих русских конструкций те же четыре основных значения (интерпретации): скалярное количественное сравнение (*Она так же красива, как ее сестра*), сравнение-уподобление по образу действия (*Она работает так же, как ее сестра — плохо*), сравнение-аналогия (*Она красива, как и ее сестра*), сравнение с присоединительным значением (*Они, как и мы, недовольны происходящим*). Кроме того, у русской конструкции *так(ой) же, как* отмечается, помимо количественной, и качественная интерпретация (*Она была в таком же платье, как вчера*). Для каждого из значений описываются морфосинтаксические и семантические условия его реализации в обоих языках. Особое внимание уделяется конструкциям со значением сравнения-аналогии, поскольку в русской грамматике таковые ранее не выделялись, и соответственно, оставались не описанными. К тому же заострение внимания на сравнении-аналогии представляется вполне естественным в контексте сборника о структуре текста. Действительно, данный тип конструкций оформляет особый мини-жанр текста, имеющий специфическую коммуникативную задачу — обратить внимание адресата на тождество отношений в уподобляемых говорящим положениях дел — и предполагающий, как показывает автор, обращение к приемам, характерным для уровня текста — лексическому или семантическому повтору и синтаксическому параллелизму частей. В работе показано, чем сравнение-аналогия формально и семантически отличается от других семантических типов сравнительных конструкций. Отдельно описывается вклад частиц *же* и *и* в семантику этих конструкций — тождество и включение в класс соответственно. В Заключении

приведена в виде парадигмы целостная система русских сравнительных конструкций с *как* и указано, в чем состоит ее отличие от итальянской с *come*. Особо отметим, что О. Инькова не ограничивается тщательным описанием и классификацией материала, а предлагает объяснение наблюдаемых фактов языка. Ее выводы аргументируются с применением методов структурно-семантического анализа и без труда впишутся в рамки разных теоретических подходов в синтаксисе и семантике. При всей тонкости полученного описания, некоторые его детали можно уточнить. Так, требование конкретной референтности компарата в конструкции квантитативного сравнения с *come* (с. 92) является слишком сильным для русского аналога с *как*, ср. возможность квантитативной интерпретации предложений типа *Девочки такие же сообразительные, как мальчики* с нереферентным (родовым) статусом компарата или *Петя такой же непослушный, как все мальчики его возраста* с универсальным статусом компарата. Замечание на с. 94 о том, что итальянский язык отличается от русского тем, что в первом можно легко отличить квантитативное сравнение (утверждающее тождество степени) от качественного (утверждающего тождество признака), не вполне справедливо. Действительно, в русском нет аналога итальянскому *stesso*, используемому при сравнении по качеству, но возможность замены *так же* на *столь же*, отчасти подобная замене *come* на *tanto ... quanto*, тем не менее, позволяет отличить количественное сравнение от качественного. Вызывает сомнение трактовка коммуникативно-просодической структуры предложения (118) *И едва на него подул морозцем, он так же быстро забыл о Никите, как несколько минут назад вспомнил о нем*. Вряд ли можно приписать слову *быстро* статус фокуса ремы, поскольку последний обычно маркируется фразовым акцентом, а в (118) ни при одном из возможных прознесений *быстро* не акцентируется. Впрочем, коммуникативная структура аналогических сравнений требует отдельного исследования. Жаль, что работы А. Н. Гвоздева, А. Г. Широковой, В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, Л. Ю. Максимова, Т. П. Ломтева, Т. М. Николаевой и Т. Е. Янко, на которые автор ссылается, почему-то не вошли в список литературы. Конечно, благодаря указанным в ссылках годам издания и контексту опытные русисты без особого труда опознают классические труды по русскому синтаксису и широко известные монографии, но ведь сборник могут читать не только они.

Работа А. Бонолы (А. Bonola) «Некоторые русские маркеры конклюдентности в свете эпистемического будущего в итальянском» (на итал. яз.) опирается на теорию конгруэнтности Э. Риготти, важным элементом которой является понятие коннектива, под которым понимается «существенный элемент представления текста на прагматическом и лексико-семантическом уровнях». Так, в приводимом в статье примере *Gli ha battuto al computer la tesi. Lo amerà — Она набрала ему на компьютере дипломную работу. Наверное, она его любит* коннектив ‘инференциального вывода’ (= вывода-умозаключения) на уровне текста представлен в итальянском тексте коннектором будущего модального. В роли аргументов коннектива-предиката ‘инференциальный вывод’ выступают: говорящий, слушающий, высказывание E0, предшествующее ему высказывание E1, имплицитная большая посылка типа *Кто любит, помогает*, которая содержится в common ground участников диалога. А. Бонола отмечает абдуктивную природу вывода, а также такие его характеристики, как предположительность, эвиденциальность, аргументативность. Вторая часть статьи посвящена анализу некоторых русских маркеров предположения, выделенных экспериментальным путем, которые могли бы соответствовать эпистемическому будущему в итальянском. Это наречия *наверное, похоже, видимо, может быть, возможно, вероятно, как будто*, для каждого из которых автором было подобрано не менее 25 контекстов из [НКРЯ]. Как показывает А. Бонола, точнее всего передают значение итальянского модального футурума наречия *наверно, наверное, похоже*. Гораздо больше ограничений возникает с маркерами *может быть, возможно*, а также с группой показателей, включающих сему ‘видеть’: *видимо, видно, по-видимому*, которая, по мнению автора, плохо сочетается со слабой семантикой предположительности будущего модального. Наконец, маркеры *как будто, вроде* часто не могут употребляться в контексте инференциального вывода, поскольку в этом случае отсутствует инференциальный компонент абдуктивного типа, то есть основная пресуппозиция.

Статья К. Бракенъе (Ch. Braquenier) — «Сирконстант и архитектура текста: сопоставительный анализ на материале французского и русского языков» — одна из немногих точно соответствует заявленной теме сборника. Сирконстанты (темпоральные и локативные) действительно рассматриваются в ней в основном с точки зрения их роли в структуре дискурса. Напомнив, что определяющее свойство сирконстанта (как синтаксического, так и семантического) — это его факультативность, К. Бракенъе ставит своей целью показать, что это свойство сирконстант может утрачивать, когда мы переходим от анализа синтаксической и семантической структуры изолированного простого предложения к анализу высказывания как части текста. В рамках текста он, во-первых, наделяется информационной структурой, во-вторых, вступает в референциальные отношения с миром дискурса. На уровне текста сирконстанту (в обоих языках, а возможно, и универсально) свойственен ряд важных функций, и выполнение любой из них исключает его опущение. Автор последовательно рассматривает различные случаи, в которых сирконстант становится неустранимым элементом структуры высказывания или элементом, удаление которого дает коммуникативную аномалию: 1) в составе «бинарных структур» с сопоставительным выделением (*На юге жарко, на севере холодно*); 2) в реме, когда сирконстант — единственный элемент, несущий информационную нагрузку: а) когда им исчерпывается новая информация: *Уехал он именно в тот день, когда...*; б) когда предикат клаузы малоинформативен, как в случае предикатов существования: *Случилась эта история в двадцать третьем году*; 3) в реме, где сирконстант не единственный, но наиболее важный информационный компонент: а) в случае фокализации сирконстанта (с помощью частицы *это* в русск. яз., ср. *Это уж потом, когда привок, понемногу осмелел*, и оборота *c'est ... que* во франц. яз.); б) в случае, когда именно обстоятельство места и времени образуют центр интереса в сообщении, а другие компоненты ремы предсказуемы исходя из фоновых знаний, ср. эффект опущения сирконстанта во втором предложении пассажа *Позвонив и убедившись, что забронированный ими номер в отеле «Глуар» уже освободился, они сели в машину и уехали. Они приехали (ближе к вечеру). Номер в «Глуар» был обставлен мебелью из простого дерева*. Отдельно рассматриваются так называемые «рамочные (cadratifs) сирконстанты», иначе говоря, обстоятельственные детерминанты (в том числе обособленные), которые не только фиксируют пространственно-временные переменные пропозиции высказывания, но и задают реперные точки (repère), позволяющие адресату ориентироваться в развитии описываемых событий. Дается классификация таких точек: абсолютные (календарная дата, место, соотносящееся с точкой на карте), автономные (например, время года и суток) и отсылочные (относительные типа *когда она вернулась в комнату после завтрака* и анафорические), которые играют наиболее важную роль в архитектуре текста, непосредственно соотнося «свое» высказывание с предтекстом. Автор на примерах демонстрирует их функции, общие для обоих языков: ограничение рамок валидности высказывания; актуализация обстоятельства, принадлежащего общему для коммуникантов ситуативному знанию; напоминание об удаленном от данной точки дискурса обстоятельстве; участие в продолжении начатой нарративной линии или, напротив, в ее прерывании и установлении новой линии. По наблюдениям автора, при открытии новой нарративной линии или после «разрыва в архитектуре дискурса» в русском тексте, в отличие от французского, наблюдается тенденция проводить инверсию подлежащего и сказуемого после детерминантов. Правда, остается не вполне понятным, в какой мере такая инверсия зависит от наличия в предложении рамочного сирконстанта. При открытии новой нарративной линии в связи с введением нового персонажа инверсия производится по общему правилу упорядочивания «данного» и «нового» в русском языке, и наличие сирконстанта не обязательно, ср. *Приехал Иван* как возможное начало новой нарративной линии. Литературный пример (28) на с. 156, где после рамочного сирконстанта инвертируется подлежащее со статусом «данного», К. Бракенъе интерпретирует как вызванное «разрывом в архитектуре дискурса» (переходом от диалогического фрагмента к нарративному) и стремлением автора (А. Куркова) вопреки «данности» действующих лиц утвердить новую нарративную линию в новой пространственно-временной рамке. Однако для того, чтобы выяснить, типична ли

подобная коммуникативная стратегия для русского дискурса, нужно проверить, насколько часто в аналогичных дискурсивных контекстах встречается инверсия, что требует анализа представительной текстовой выборки. То же можно сказать и о весьма интересных наблюдениях относительно различий между русским и французским языком в упорядочивании темпорального и локативного сирконстантов и порядке следования однородных сирконстантов.

Две статьи итальянских исследовательниц посвящены языковым средствам аппроксимации. Обе работы представлены как «первые результаты» более обширных проектов. В статье М. ди Филиппо (M. di Filippo) «Семантические модели аппроксимации» под аппроксимацией понимается «значение приблизительности, установленное с помощью имплицитной операции сравнения с точкой отсчета, сопровождаемое оценкой соответствия точке отсчета». В роли аппроксиматоров в языке могут выступать морфологические, лексические, синтаксические модификаторы. Представив основные работы последнего времени по аппроксимации, автор использует классификации С. Р. Маджидова [Маджидов 1995] и С. В. Адамович [Адамович 2011], на основе которых описывает девять основных моделей аппроксимации, общих для итальянского и русского языков, предлагая богатый иллюстративный материал из разных корпусов. Первую группу составили квантитативные аппроксиматоры с указанием верхней границы количественного интервала, когда точка отсчета не входит в этот интервал: *Ему 92, а ей немногим меньше; Lui ha 92 anni e lei un po' meno*. Ко второй группе относятся квантитативные аппроксиматоры с указанием нижней границы количественного интервала, когда точка отсчета не входит в этот интервал: *В компании было занято свыше 30 тыс. чел.; Ci saranno state cento persone e passa*. В третью группу вошли квантитативные аппроксиматоры с указанием верхней границы количественного интервала, когда точка отсчета входит в этот интервал: *Прошло не более десяти минут; Non oltre il metro*. Четвертая группа включает квантитативные аппроксиматоры с указанием нижней границы количественного интервала, когда точка отсчета входит в этот интервал: *He реже чем раз в месяц; Non meno di quattro volte al mese*. Пятая модель предполагает квантитативную аппроксимацию с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда обе точки отсчета не входят в этот интервал: *Между 35 и 39 годами; Tra i 35 e i 39 anni*. К шестой модели относится квантитативная аппроксимация с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда обе точки отсчета входят в этот интервал: *от 6 до 7 часов; dalle 6 alle 7 ore*. Седьмая модель — это квантитативная аппроксимация с указанием на выбор одного из двух количеств: *не то в феврале, не то в марте; a febbraio-marzo*. В восьмую модель включены конструкции квантитативной аппроксимации с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда нижняя точка отсчета входит в тот интервал, а верхняя — не входит: *в 1990-е годы; negli anni Novanta*.

На наш взгляд, первые восемь моделей, обладая значительным сходством в двух языках, не слишком интересны в сопоставительном отношении. Девятая модель, по свидетельству автора, особенно широко распространена и продуктивна; она описывается подробнее других, поскольку именно к ней относится большое число национально специфичных идиоматических конструкций с аппроксимацией. Эта модель объединяет разнообразные случаи квантитативной аппроксимации, когда точка отсчета входит в количественный интервал, но границы его не указаны, например: *Прошло примерно 3 часа*.

Описание каждой модели сопровождается подробным перечислением средств ее выражения (морфологических, лексических, синтаксических и др.) и целым рядом пронципальных наблюдений сопоставительного характера.

Основной целью работы В. Бенини (V. Benigni) «Стратегия лексической аппроксимации в русском и итальянском языках» является сопоставление русских аппроксимантов *вроде, типа, как бы* — только лексических, это подчеркивает автор — с их итальянскими эквивалентами. Исследование проводится на материале корпуса произведений В. Пелевина и их переводов на итальянский язык. В кратком обзоре литературы по приблизительности подчеркивается связь аппроксимации как с референциальной неопределенностью, так и с модальной составляющей высказывания. Переходя к функциональной характеристике

аппроксимантов, автор анализирует употребления слов *вроде* и *типа* как модификаторов именной синтагмы: *звук **вроде** удара в небольшой колокол, работа **типа** коммивояжера*, а также как пропозициональных маркеров: ***вроде** ехали по знакомой дороге, они тебе **типа** снятся*. Пропозициональные употребления выделяются и для аппроксиманта *как бы*: *приходилось **как бы** висеть над рамой*. Отдельно в статье рассматриваются различные способы перевода аппроксимантов на итальянский. В результате наиболее универсальным аппроксимантом признается оператор *как бы*, способный передавать как референциальную неопределенность, так и эпистемическую модальность и сочетаться с единицами разных классов. *Вроде* в основном является показателем эпистемической модальности, тогда как *типа* чаще указывает на интенциональную неопределенность и имеет своей сферой действия отдельные синтаксические группы.

Статья Т. Гермак-Зелинско́й (T. Giermac-Zielińska) «Пословичная креативность и перевод», посвящена анализу конвенциональных и креативных пословиц и других устойчивых сочетаний в романе «Транс-Атлантик» Витольда Гомбровича, в котором данный речевой жанр представлен необычайно широко и играет важную роль в раскрытии идеи произведения. Это обстоятельство придает особую остроту проблеме переводимости пословиц и фразеологизмов. Автор анализирует возникающие трудности перевода и оценивает возможные решения.

В сборник включена также интересная, хотя и лежащая на дальней периферии общей темы сборника, работа Д. Манчевой (D. Mancheva) «Созвучия и резонансы: отражения болгарского языка в иудео-испанском», в которой собраны выявленные автором на материале десяти номеров газеты «El eco judaico» (София, 1901) случаи возможного влияния болгарского языка на сефардский в области морфосинтаксиса и лексики.

Рецензируемая книга отражает результаты живого научного поиска, направленного на постижение и сопоставление средств и способов организации содержания в форме текста. В ней высказан целый ряд идей и объяснительных гипотез, заслуживающих внимания, и поднято много вопросов, требующих дальнейшего изучения. Она интересна не только для славистов и русистов, но и для тех, кого интересуют общие проблемы анализа дискурса, а также теории и практики перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адамович 2011 — Адамович С. В. Семантическая категория аппроксимации и система ее выражения. Гродно: ГрГУ, 2011. [Adamovich S. V. *Semanticheskaya kategoriya approksimatsii i sistema ee vyrazheniya* [The semantic category of approximation and the system of its expression]. Grodno: Grodno State Univ., 2011.]
- Маджидов 1995 — Маджидов С. Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выражения в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1995. [Madzhidov S. R. *Priblizitel'noe kolichestvo kak yazykovaya kategoriya i sposoby ego vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke*. Kand. Diss. [Approximate quantity as a linguistic category and means of its expression in the modern Russian language. Cand. Diss.]. Taganrog, 1995.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru/]
- Семенова 2012 — Семенова К. П. [реценз. на:] Bonola A., Inkova O. (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 126—131. [Semenova K. P. [review of:] Bonola A., Inkova O. (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale. *Voprosy Jazykoznanija*. 2012. No. 1. Pp. 126—131.]
- Benacchio 2010 — Benacchio R. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative. A comparative study]. *Slavistische Beiträge*. R. Render (Hrsg.). Bd 472. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.
- Inkova 2013 — Inkova O. (éd.). *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Berne: Peter Lang, 2013.
- Manzotti 2010—2011 — Manzotti E. «Come... così». Comparazioni analogiche correlative. *Studi di grammatica italiana XXIX—XXX*. 2010—2011. Pp. 391—418.

V. Mattes. Types of reduplication. A case study of Bikol. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. 210 p. (Studia Typologica 16). ISBN 978-3-11-036297-8.

Федор Иванович Рожанский

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; Тартуский университет, Тарту, 50090, Эстония
handarey@yandex.ru

Fedor I. Rozhanskiy

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia; University of Tartu, Tartu, 50090, Estonia
handarey@yandex.ru

Хотя первая монография, целиком посвященная редупликации, была издана еще в середине XIX в. [Pott 1862], долгое время редупликация воспринималась исследователями как явление, относящееся к периферии грамматики. Лишь во второй половине XX в. на фоне возросшего интереса к так называемым «экзотическим» языкам редупликация оказалась в центре внимания многих исследований. К настоящему времени количество публикаций, посвященных редупликации, исчисляется тысячами (см. [Bibliography 2014]). Тем не менее монография В. Маттес, которой посвящена данная рецензия, не является просто «еще одной» публикацией на данную тему. Большинство работ по редупликации либо ориентировано на теоретический и/или типологический подход и, соответственно, содержит лишь отдельные примеры из разных языков, либо посвящено конкретному языку без серьезного анализа теоретических проблем устройства редупликации. Рецензируемая монография представляет собой отличный от перечисленных жанр: это детальное и всеобъемлющее исследование редупликации в одном языке, полностью интегрированное в теоретико-типологический контекст.

Следует сразу заметить, что выбор языка для исследования, несомненно, удачен: бикольский язык, один из центрально-филиппинских языков австронезийской семьи, демонстрирует большое разнообразие форм и функций редупликации и, как будет показано ниже, сталкивает исследователя практически со всеми теоретическими проблемами, касающимися редупликации. Указанный жанр исследования определяет структуру книги. Сначала дается очерк бикольского языка, включающий в себя необходимые читателю сведения по фонологии, морфонологии, просодии, лексике и морфосинтаксису. Затем проводится краткий обзор редупликации как языкового механизма, где рассматриваются достижения предшествующих исследователей, производится классификация формальных и функциональных типов редупликации и определяется объект исследования. После этого автор переходит к разбору языкового материала: продуктивной редупликации (как частичной, так и полной) и лексической (т. е. непродуктивной) редупликации. Завершается работа суммированием сделанных выводов. Приложения к монографии содержат немало полезной информации: обзор корпуса текстов, использованного как источник материала, примеры редуплицированных форм разного типа, обширную библиографию и ряд индексов (именной, языковой и тематической).

Центральным разделом исследования является глава о продуктивной редупликации. Автор выделяет в бикольском следующие типы редупликации:

— редупликация, выражающая имперфективный вид предиката или лимитативное значение числительного и образуемая посредством повтора CV кластера: *nag-tu-turog* ‘Он(а) спит’, *tu-tulo* ‘(только) ровно три’;

— множественность участников действия или референтов, выражаемая кластером Cг (где второй сегмент всегда одинаковый) или же повтором CV кластера: *nag-k{ar-}aon* ‘Они едят’, *ma-ga-gayon sinda* ‘Они красивые’;

— множественность (дистрибутивность, итеративность, репетитивность и т. д.) или диминутивность (аттенуативность, имитативность и пр.), выражаемая либо полной редупликацией, либо кластером *Curu* (в котором только первый сегмент является копией согласного): *balik-balik* ‘приходить-уходить’, *huru-harong* ‘домик’;

— интенсивность, выражаемая полной редупликацией: *mahal-mahal* ‘очень дорогой’.

Для каждого типа редупликации подробно описывается специфика образования и проводится анализ значений. Также автор сопоставляет имеющийся бикольский материал с данными близкородственных языков и производит базовый диахронический анализ.

Как уже было сказано, анализируемый материал примечателен тем, что он выявляет практически все основные проблемы, характерные для редупликации в целом. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Первый вопрос касается места редупликации в системе языка. Как верно замечает автор монографии (с. 30—34), редупликация связана с разными языковыми уровнями. Исследования, выполненные в рамках генеративной парадигмы, рассматривают редупликацию как фонологическое явление, некоторые же другие работы (например, [Inkelas, Zoll 2005]) говорят о редупликации как о морфологическом феномене. Из описания и анализа бикольского материала видно, что автор использует скорее «морфологический» подход. Заметим, однако, что выбор уровня является лишь одной частью проблемы. Даже если считать редупликацию морфологическим явлением, остается открытым вопрос, имеем ли мы дело с морфемой, операцией или каким-то другим феноменом. Хотя автор монографии не концентрирует свое внимание на этом вопросе, приводимый материал является прекрасной его иллюстрацией: формы типа *b{ar-}ayle* ‘танец (нескольких человек)’ (от *bayle* ‘танец’), где согласный сегмент редупликанта является постоянным (reduplicant with «fixed segmentism»), а гласный копирует первый гласный корня, формально могут интерпретироваться и как редупликация, и как обычная морфема с уподоблением сегмента (ср., например, с финской формой иллатива, где гласный показателя определяется гласным основы: *maa* ‘земля’ — *maa-han* ‘земля-ILL’, *suo* ‘болото’ — *suo-hon* ‘болото-ILL’). В случае бикольского на помощь приходит семантический критерий: значение множественности типично для редупликации. Однако обсуждаемая на с. 60—67 гипотеза о происхождении рассматриваемого аффикса от имеющего постоянный сегментный состав протомалайско-полинезийского инфикса {*ar*}, скорее, является аргументом в пользу противоположной интерпретации. Таким образом, бикольский материал наглядно демонстрирует, насколько эфемерной может оказаться интерпретация формы как редуплицированной.

Другой проблемой, типичной для редупликации, является отсутствие однозначно прогнозируемой семантики. Прежде всего это касается полной редупликации. Автор отмечает (с. 88): «Редупликация не может ассоциироваться только с одним определенным значением, которое просто добавляется к значению исходной формы. Скорее, это взаимодействие лексического значения исходной формы и общего механизма редупликации, вызывающего количественные изменения по отношению к количеству, изначально присущему нередуплицированной лексеме». При этом количественная семантика может выражаться по-разному. Особенно обращает на себя внимание существование омонимичных форм с противоположной семантикой. Так, образованная от слова *dangog* ‘слышать’ редуплицированная форма *dangog-dangog* означает либо ‘слышать очень четко’, либо ‘услышать из сплетен’, а образованная от (*h*)*aloy* ‘длительный промежуток времени’ форма (*h*)*aloy*-(*h*)*aloy* означает либо ‘очень долгий’, либо ‘довольно короткий промежуток времени’.

Проблема омонимии и полисемии связана с другой, пожалуй, наиболее болезненной проблемой, каковой является вопрос об иконичности редупликации и иерархии ее значений. Этому вопросу в монографии уделяется особенно много внимания. Автор анализирует подходы предшествующих исследователей ([Regier 1998; Fischer 2011; Kouwenberg, LaCharité 2005] и др.) и предлагает свою систему значений (с. 95), ориентированную на бикольский материал. Как и все предшествующие попытки структурировать значения редупликации, эта система оставляет открытым ряд вопросов. В частности, непонятно, почему диминутивность оказывается производным значением от дистрибутивности. По всей видимости, тут автор лишь следовал идее (по нашему мнению, крайне спорной), высказанной в [Kouwenberg, LaCharité 2005]. В свою очередь от диминутивности производной оказывается имитативность, что тоже является, по меньшей мере, неочевидным моментом. С нашей точки зрения, приведенный материал свидетельствует, скорее, в пользу концепции,

постулирующей идею неполного подобия (которой определяется имитативность и, отчасти, диминутивность) как один из двух паттернов иконической семантики редупликации (подробнее см. [Рожанский 2011]).

Следующей проблемой, которая затрагивается в исследовании, становится вопрос о редуплицированных формах, не имеющих исходного нередуплицированного коррелята. Как верно замечает автор, многие исследователи не включали такие формы в область своих исследований. К этому можно добавить, что часто таким формам вообще было отказано в праве считаться редупликацией. С нашей точки зрения, причиной этого было неудобство таких форм для исследователя: во-первых, они требуют принимать непростые решения о том, когда форму следует считать редуплицированной, а когда содержащей случайно повторенную последовательность фонем. Во-вторых, они принципиально затрудняют исследование семантики: не имея возможности сопоставить значение редуплицированной формы с нередуплицированной, исследователь не может уверенно сказать, какая часть семантики обусловлена повтором, а какая лексическим значением основы. Однако именно анализ языковых данных приводит к необходимости рассматривать и те формы, которые не имеют нередуплицированного коррелята. В рецензируемой монографии автор делает достаточно четкий вывод: «Я буду анализировать как продуктивную, так и непродуктивную редупликацию, поскольку хочу подчеркнуть, что непродуктивная редупликация в лексике языка биколь, и вероятно в целом, имеет очень систематическую структуру — это наблюдение, которому до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. <...> Анализ бикольской редупликации покажет, что лексическая и продуктивная, грамматическая и экстраграмматическая редупликации имеют немало сходств. Таким образом, я считаю, что каждая из них должна занять свое место в общем типологическом учении и быть включена в универсальное представление о редупликации» (с. 33).

Хотя раздел, посвященный лексической редупликации, заметно меньше по объему, чем раздел, описывающий продуктивную редупликацию, сам факт его появления в книге является исключительно важным. Лексическая редупликация крайне редко рассматривается в работах по редупликации, притом что она в том или ином виде встречается в большинстве языков, а во многих языках свойственна существенной части лексики (так, в словаре бикольского языка [Mintz, Del Rosario Britanico 1985] автор монографии обнаружил около 1 000 редуплицированных лексем). В. Маттес выделяет несколько структурных типов бикольской лексической редупликации: с двусложными корнями (значения: гипокористическое, табуированные слова, звуки и движения, животные, растения и пр.), частичная (значения: части тела, животные, растения, болезни, движения), полная (значения: звуки и движения, множественность) и «эхо-слова» (значения: звуки и движения, свойства поверхности). Для анализа семантики лексической редупликации автор использует систему классов экспрессивных слов, представленную в [Klamer 2001], а именно SENSE (чувства), NAME (названия) и BAD (отрицательные характеристики), добавляя к ней новую группу MOVEMENT & PLURALITY (движения и множественность). С нашей точки зрения, такой подход к анализу семантики лексической редупликации не слишком удачен: во-первых, под каждую семантическую категорию может попасть множество разных лексем, в том числе не содержащих редупликации, во-вторых, указанные классы слишком общие и могут пересекаться друг с другом (так, например, название животного, вызывающего неприятные эмоции, — допустим, сколопендры, — вполне может претендовать на включение в класс BAD наряду с классом NAME). Более продуктивным подходом, с нашей точки зрения, было бы выделение различных семантических классов лексем (животные, растения, походки, болезни и т. д.) и описание свойств, которыми обладают редуплицированные лексемы каждого класса (т. е. построение утверждений такого типа: «Среди болезней редуплицированными оказываются те, которые...»). Однако следует признать, что на данный момент не существует разработанного теоретического аппарата для описания лексической редупликации. В такой ситуации

особенно полезным оказывается список редулицированных лексем бикольского языка, приводимый автором в приложении.

В целом монография производит впечатление очень глубокого и компетентного исследования. Большинство утверждений автора не вызывает никаких сомнений. Однако иногда встречаются и спорные утверждения.

Так, например, на с. 68, обсуждая варианты морфонологической структуры бикольских словоформ с внутренним редуликантом, автор отмечает, что «в словоформах, которые содержат аспектуальный и числовой показатель, аспектуальный показатель ближе к периферии» и объясняет этот факт через иконичность, поскольку «маркирование множественности приводит к более существенным изменениям значения корня, чем видовое маркирование». Такое утверждение как минимум спорно и требует доказательств. Если же понимать множественность в широком смысле и учитывать материал языков, где число является одной из глагольных категорий, то верным, скорее, будет обратное утверждение (ср., например, с русским языком, в котором на периферии оказывается именно числовой показатель: *Он разбил* vs. *Они разбили* vs. *Они разбивали*).

Иногда неочевидной оказывается интерпретация примеров. Так, остается непонятным, почему приведенный на с. 34 пример *Pagal-on-on* ‘Я очень-очень уставший’ — это именно рекурсивная редуликация, такая же как в немецком *Ur-ur-großmutter* ‘прапрабабушка’. Такую форму можно рассматривать не только как (*pagal-on*)-*on*, но и как *pagal*-(*on-on*), когда имеет место повтор суффикса, а не рекурсия. Для разграничения рекурсивной редуликации и редуликации аффикса, как правило, используется семантический критерий, но в данном случае он не позволяет сделать однозначный вывод, и требуется привлечение каких-либо других аргументов.

В отдельных случаях могут возникать сомнения в том, насколько удачна используемая автором терминология. Так, в основе разделения редуликации на продуктивную и непродуктивную (она же лексическая) лежит в первую очередь наличие или отсутствие нередулицированного коррелята, а не продуктивность как таковая. Использование термина «эхо-слова» («echo-words») для одного из классов лексической редуликации не совсем удачно, поскольку под этим термином чаще подразумевается продуктивная модель образования редулицированных форм с заменой сегмента в определенной позиции на некоторый фиксированный сегмент (уникальный или выбираемый из нескольких вариантов). Слова, которые описываются под данным названием в монографии, демонстрируют несколько отличные свойства: различие сегментов двух частей редулицированного слова наблюдается в разных позициях и показывает двустороннюю зависимость между частями. Это позволяет предположить, что мы имеем дело не столько с эхо-словами, сколько с системой редулицированных идеофонов, для которых всегда характерно объединяться в структурно схожие группы и использовать определенные модели дивергенции между частями редулицированного слова.

Все же в рецензируемой монографии количество таких шероховатостей значительно меньше, чем количество интересных примеров и наблюдений. Приведем пример такого наблюдения, который касается социолингвистического аспекта редуликации. Отмечая сокращающуюся частотность в употреблении форм лексической редуликации в современном бикольском языке (с. 41—42), автор приводит мнение носителей языка: «Филиппинские носители языка считают свои слова “слишком длинными” и “слишком сложными для произношения”, а следовательно, и “старомодными”». Этот факт, несомненно, является важным для понимания процесса исчезновения и развития редуликации, которая во многих языках оказывается довольно неустойчивым грамматическим механизмом.

Резюмируя, можно сказать, что данная монография — это не только интереснейшее исследование, сделанное на материале малоизученного языка, но и прекрасная иллюстрация того, что представляет собой редуликация в целом. Вполне вероятно, что исследователь, желающий понять, как работает редуликация в качестве языкового механизма, узнает больше из этой книги, чем из общепризнанных теоретических трудов по редуликации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Рожанский 2011 — Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. [Rozhanskiy F. *Reduplication. A typological survey*. Moscow: Znak, 2011.]
- Bibliography 2014 — <http://reduplication.uni-graz.at/>, accessed 01.12.2014.
- Fischer 2011 — Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language. *Semblance and Signification*. Michelucci P., Fischer O., Ljungberg C. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Inkelas, Zoll 2005 — Inkelas S., Zoll C. *Reduplication. Doubling in morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Klamer 2001 — Klamer M. Expressives and iconicity in the lexicon. *Ideophones*. Voeltz E. F. K., Kilian-Hatz C. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Kouwenberg, LaCharité 2005 — Kouwenberg S., LaCharité D. Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean Creole languages. *Studies on Reduplication*. Hurch B. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Mintz, Del Rosario Britanico 1985 — Mintz M. W., Del Rosario Britanico J. *Bikol-English dictionary. diksionariong bikol-inglés*. Quezon City: New Day Publishers, 1985.
- Pott 1862 — Pott A. F. *Doppelung (Reduplikation, Geminatio) als eines der wichtigsten Bildungsmittel der Sprache, beleuchtet aus Sprachen aller Welttheile*. Lemgo & Detmold, 1862.
- Regier 1998 — Regier T. Reduplication and the arbitrariness of the sign. *Proceedings of the Twentieth annual conference of the cognitive science society*. Gernsbacher M. A., Derry S. J. (eds). Mahwah (NJ): Erlbaum, 1998.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

**VIII Всероссийская конференция
«Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания»****Лилия Трофимовна Леушина^{а,®},
Татьяна Алексеевна Демешкина^а**^а Томский национальный исследовательский государственный университет, Томск, 634050, Россия;[®] leushina@vtomske.ru

19—23 мая 2014 г. в Томском государственном университете состоялась VIII Всероссийская конференция «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и Школа-семинар для преподавателей дисциплин классической филологии, организованные Региональным советом по классической филологии. Для чтения лекций были приглашены акад. Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург) и А. К. Гаврилов (Санкт-Петербург). Н. Н. Казанский представил обстоятельный аналитический обзор традиционных и новых этимологических словарей индоевропейских языков. В ходе спецкурса разбирались актуальные вопросы праязыковой реконструкции и подробно демонстрировались возможности использования материала новых этимологических словарей для фонетического, морфологического (в частности, словообразовательного) и семантического анализа лексем, имеющих праиндоевропейские истоки.

В докладе М. П. Алексеевой (Новосибирск) «Латынь в современном вузовском образовательном пространстве» был дан анализ важнейших аспектов изучения латинского языка студентами-бакалаврами с учетом разных направлений их подготовки в педагогическом университете (филология, лингвистика, педагогическое образование и др.). Основное внимание уделялось сопоставительному и лингвокультурологическому подходам к изучению классических языков, были продемонстрированы эффективные приемы и виды самостоятельной работы студентов, доклад завершился презентацией учебного пособия «Латинский язык и авторы» (М. П. Алексеева, Е. Г. Басалаева. Новосибирск,

**VIII All-Russian scientific conference
«Forefront issues
on classical philology
and comparative historical linguistics»****Lilia T. Leushina^{а,®},
Tatiana A. Demeshkina^а**^а Tomsk National Research State University, Tomsk, 634050, Russia; [®] leushina@vtomske.ru

2013). Л. Г. Панин (Новосибирск), посвятил доклад становлению личности своего наставника, замечательного филолога, лингвиста, знатока древнегреческого языка, профессора НГУ К. А. Тимофеева, столетний юбилей которого недавно отметили новосибирцы. О. Г. Жеравина (Томск) в докладе «Преподавание классических языков в испанских университетах в новое время» рассматривала вопросы истории классического образования в Западной Европе, отмечая, что с развитием и распространением гуманистических идей и культуры в испанских университетах возрастал интерес к античному наследию и классическим языкам. Доклад В. В. Файера (Москва) «Методология александрийской филологии: малые чтения» был посвящен наследию александрийского филолога Аристарха Самофракийского и его значению для изучения гомеровского эпоса.

В ряде докладов обсуждались вопросы латинской терминологии, семантики, истории и этимологии отдельных латинских лексем. Н. Г. Нечипуренко (Новосибирск), занимающаяся юридической терминологией, проанализировала термин римского права «*fideicommissum*» в сопоставлении с термином современного гражданского права «завещательное возложение», в котором отсутствует важное звено, составляющее суть не только фидеикомисса, но и права вообще — звено *fides* «вера, доверие, порядочность, добросовестность». Докладчик считает, что термин «завещательное возложение» требует коррекции, возможно, замены на термин «фидеикомисс». В докладе Л. П. Дроновой (Томск) «Латинское *privus* и его генетические связи» рассмотрены спорные моменты в определении генетических связей лат. *privus*. На основании

анализа семантического поля формально сближаемых лексических единиц (герм. гот. *freis* и др., кельт. кимр. *rhydd* (<**prijos*) ‘свободный’) обосновывалась генетически обусловленная закономерность взаимодействия значений ‘близкий, свой, личный’ (аффективный вариант ‘дорогой, любимый’) и ‘особый, отдельный, каждый порознь’ (→ ‘свободный’). Доклад И. В. Садыковой (Томск) «Латинское *sentire*: вопросы семантики» был посвящен рассмотрению семантики этого перцептивного латинского глагола. Этимологический подход позволил утверждать, что перцептивная семантика сформировалась на основе значения ‘идти в определенном направлении’. В докладе Т. А. Логунова (Кемерово; в соавторстве с Е. Ф. Филипповой и Л. И. Юрьевой) «Новолатинские тексты: индивидуальное творчество и система языка» рассматривалась лексика текстов интернет-новостей на латинском языке, анализировались случаи авторских новаций и неологизмы, используемые для описания современных реалий. Ставился вопрос о соотношении индивидуально-авторских предпочтений при создании терминов и требований системы языка, описывалась тенденция к дополнению классического латинского словаря новыми составными лексическими единицами.

В нескольких докладах обсуждались вопросы античных рецепций в современной русской поэзии и русской классической литературе. С. Ю. Суханова (Томск) в докладе «Латинские эпиграфы в структуре современного русского стиха» на большом материале показала, что латынь, латинские цитаты, тексты являются важным составляющим элементом современной поэзии. Использование латинского языка в эпиграфах многообразно: обозначение жанрового канона, ссылка на авторитет традиции, установка на игровую поэтику, манифестация эстетических принципов и т. д. М. В. Негрей (Томск) в докладе «Смысл и назначение поэзии в “Пятых стансах” О. Седаковой: рецепция “Науки поэзии” Горация» приходит к выводу, что в отличие от античного поэта, который считает поэзию божественным даром и изображает реальную жизнь, О. Седакова видит в поэзии путь к небу, она вырабатывает собственную философию поэзии, в которой любое лирическое произведение является рефлексией о сущности поэзии. В докладе Л. Б. Прокопьевой (Томск) «Анакреонт в переводе М. Н. Муравьева» рассматривались анакреонтические традиции в русской литературе XVIII в. и творчестве М. Н. Муравьева, в частности анализировался перевод оды Анакреонта.

Активно на конференции была представлена новосибирская филологическая школа

Л. Г. Панина с докладами по целому ряду аспектов славистики. Развитие видо-временных форм глагола в церковнославянском языке рассматривалось в докладе Н. В. Островской (Новосибирск) «Функциональный анализ форм аориста глаголов с приставками *с-, по-* в церковнославянском языке (на примере Петровско-Елизаветинской Библии 1751 г.)», в докладе О. Г. Коньшиной (Новосибирск) «Язык двух повторяющихся произведений из минейского Торжественника БАН-5 XV в.» были отмечены языковые особенности церковнославянского языка двух «Слов на Воздвижение Честного Животворящего Креста» Андрея Критского (V, VI). Лексика греческого происхождения в переводном с греческого языка тексте была проанализирована в докладе Л. В. Долгушиной (Новосибирск) «Грецизмы в ранних славянских переводах (на материале сборника “XII слов Григория Богослова”)». К их числу относятся топонимы, этнонимы, лексика, связанная с христианским вероучением и церковным богослужением, философская и богословская терминология. Стилистические особенности церковнославянских текстов XVII в. стали предметом рассмотрения в докладе Т. В. Заориной (Новосибирск) «Особенности употребления символично-метафорических образов в проповедях второй половины XVII в. (“Ключ разума” Иоанникия Галатского, “Огородок Марии Богородицы” Антония Радзивиловского)». В докладе М. И. Рыбаловой (Новосибирск) «Евангелизмы из новозаветных притч в психолингвистическом аспекте (на материале ассоциативного эксперимента)» был продемонстрирован психолингвистический подход к изучению языка Нового Завета. О. Г. Щеглова (Новосибирск) в докладе «Сравнительно-историческая грамматика славянских языков» в структуре магистерской программы «Современный русский язык и его история» представила концепцию, цель, задачи и содержание курса, читаемого для магистров.

Т. И. Злобина (Барнаул) поделилась с участниками конференции опытом своей работы в духовной семинарии и представила хрестоматию по латинскому языку для теологов (Хрестоматия. Сборник материалов для изучения латинского языка. Барнаул: Концепт, 2014. 151 с. Сост.: Злобина Т. И., Климентова Е. П.). Методическим проблемам были посвящены доклады Г. И. Климовской (Томск) «Презентация учебника “Старославянский язык”» и Р. Н. Порядиной (Томск) «Система тестирования в курсах славянских и классических языков». Доклад Р. Н. Порядиной представляет обзор функций разных типов тестов в курсах славянских и классических языков в системе подготовки филологов

в высших учебных заведениях. Продемонстрированы разные типы тестов по фонетике словацкого и польского языков, определены их возможности и место в программе курса. Приведены образцы поуровневого и комплексного анализа текстов тестового типа, включающего грамматический, лексический, синтаксический и стилистический аспекты, продемонстрированы возможности варьирования и систематизации тестов. Проиллюстрирована общая методика создания лингвистических тестов, применимая при проверке знания как славянских, так и классических языков.

Вопросы русской лексикологии и лексикографии рассматривались в докладе Л. А. Захаровой, А. В. Шуваловой (Томск) «Словарь молодежного жаргона (на материале лексики студентов ТГУ)» и в докладе И. Я. Конончук, Ю. В. Филь (Томск) «Заимствованная лексика в аспекте изучения языка личности» (на материале писем А. В. Суворова). В первом докладе были изложены принципы построения словаря:

структура словаря и словарной статьи, словник, способ толкования жаргонных единиц и др. Во втором докладе рассматривалась заимствованная лексика, нашедшая отражение в письмах А. В. Суворова. Особое внимание было уделено лексемам, обозначающим реалии и понятия античного мира, исследование особенностей употребления которых в эпистолярном наследии великого полководца позволяет выделить характерные для XVIII в. черты языковой личности.

С. О. Горяев (Екатеринбург) в докладе «Семантика лакуны. Об одном стихе из Евангелия от Матфея» предложил свой комментарий к лакуне в части греческих редакций Нового Завета и в Вульгате (Мф. 20,7).

Есть основания надеяться, что проведение конференций по классической филологии позволит вузам поддерживать высокое качество преподавания и повысить творческую активность в научных исследованиях с учетом современных достижений во всех областях филологии.

IV Международный симпозиум «Терминология и знание»

**Сергей Дмитриевич Шелов^{а,®},
Алексей Эдуардович Цумарев^а**

^а Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; [®] volehs@mail.ru

6–8 июня 2014 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялся IV Международный симпозиум «Терминология и знание», организованный Терминологическим центром ИРЯ РАН и Центром изучения русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета (Харбин, Китай)¹.

Оргкомитет возглавили директор института академик РАН А. М. Молдован и директор Центра изучения русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета г-жа Сунь Шуфан. В симпозиуме приняли участие около 40 специалистов из России (Киров, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Рязань, Санкт-Петербург, Тюмень), Китая, Белоруссии, Литвы, Украины и Финляндии. Рабочими языками симпозиума были русский, английский и китайский.

IV International symposium «Terminology and knowledge»

**Serguey D. Shelov^{а,®},
Alexey E. Tsumarev^а**

^а Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; [®] volehs@mail.ru

Работа симпозиума, помимо пленарных докладов, включала выступления на следующих секционных заседаниях: «Когнитивное терминоведение и языки для специальных целей. Способы образования и форма специальных языковых единиц», «Терминология и общая лексика. Термины среди других языковых единиц», «Терминология отдельных наук, областей знания и деятельности», «Терминологическая лексикография. Прикладное терминоведение».

Пленарное заседание открылось докладом Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой (Пермь) «Языковой субстрат термина: 30 лет спустя», в котором была сделана попытка выявить преемственность двух важных лингвистических теорий второй половины XX в. — терминологической и деривационной. В этой связи авторы обратились к творческому наследию крупного лингвиста В. М. Лейчика, значение

¹ См. сборник: Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6—8 июня 2014 г.) / Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. 388 с.

терминологической теории которого, по мнению докладчиков, заключается в преодолении моноаспектного изучения термина, являвшегося доминантой многих предшествующих исследований. По Лейчику, термин представляет собой многослойное образование, включающее языковой субстрат и логический суперстрат, образующие нижний и верхний слои термина, между которыми располагается терминологическая сущность, состоящая из концептуальной, функциональной и формальной структур. Такая модель раскрывает «терминологическую сущность термина», которая шире соотношения языкового знака с логическим понятием. Вслед за В. В. Виноградовым, полагавшим, что между терминологической лексикой и словарем общего национального литературного языка «происходит глубокое и сложное взаимодействие», Лейчик выдвигал идею о том, что проблемы термина и терминологии входят в теорию общего языкознания.

Базовых свойств термина касался доклад С. Н. Виноградова (Нижний Новгород) «К вопросу о точности оценки терминологичности». Автор отметил, что различные языковые единицы могут быть в большей и меньшей степени терминологичны, и поставил вопрос о том, как измерить степень терминологичности. Говоря о природе термина, докладчик подчеркнул, что термин неотделим от дискурса (научного, профессионального) и его существование связано с деятельностью носителя языка (читателя специальной литературы, абонента информационно-поисковой системы, составителя терминологического словаря), а именно — с процессами осмысления, оформления понятий, воплощения знаний в знаковой форме, толкования, объяснения, определения терминов. Термин, будучи орудием или результатом деятельности специалиста, позволяет косвенно судить об этой деятельности, несет ее «следы». Большое количество «степеней свободы» в человеческой деятельности ведет к различным пониманиям, интерпретациям и использованиям ее объектов, и то, что считается свойствами термина, не присуще ему изначально, а возникает в деятельности, в которой участвует термин. Докладчик привел несколько встречающихся в литературе критериев терминологичности, опирающихся на представления о деятельностном характере термина: дефинитивный, информационный, статистический, критерий концептуальной целостности и критерий логических теорем. Применяя комплексный показатель оценки терминологичности языковых знаков к научно-популярным текстам, например, по астрономии, автор выделяет «терминоподобные» последовательности типа *скопление галактик, ранняя звезда, наблюдение за галактиками,*

скопление темной материи и др., ставя вопрос: какова должна быть степень терминологизации, чтобы считать лексическую единицу подлинным термином?

В докладе Е. Ци с у н а (Китай) «Краткая история терминологических словарей по терминоведению» отмечалось, что необходимость разработки специального терминологического словаря какой-либо области знания — один из факторов превращения этой области в новую научную дисциплину. С этой точки зрения становление терминографии собственно самого терминоведения весьма показательно. Автор прослеживает историю словарного обеспечения работ по международной стандартизации терминологии в рамках ISO (International Standardization Organization, ICO) с момента выхода в свет стандарта ISO/R 1087: 1969 *Vocabulary of terminology* до последних стандартов в этой области. В 1990 г. этот глоссарий терминоведения был переработан, и новое издание содержало всего 136 понятий. Лексика глоссария упорядочена не алфавитно, а тематически и распределена по семи тематическим частям: 1) «язык и реалция», 2) «понятие», 3) «определение», 4) «термин», 5) «лексика», 6) «терминологическая работа с помощью компьютера», 7) «теория и практика». Каждое входящее понятие было снабжено определением, допустимым синонимом, ссылками на другие термины, примерами, комментарием и т. п. Благодаря международному авторитету ИСО этот документ стал распространенным во многих странах мира, и до 1990-х гг. он был практически единственным глоссарием, посвященным специальной лексике терминологической работы (за исключением, может быть, перечней терминов в притекстовых указателях в изданиях произведений отдельных авторов).

Автор отметил, что словари по терминоведению отличаются высокой степенью нормативности и систематизированности, а также указал на недостатки существующих словарных продуктов в этой области: отсутствие единого критерия включения терминологических единиц в словарь, неопределенность границы терминов собственно терминоведения и терминов других наук и т. п.

В центре доклада Г. А. Ивановой (Киров) «Словообразовательная синонимия и словообразовательная вариантность в терминологии лингвистики» стоял дискуссионный вопрос о лингвистическом статусе равнозначных однокоренных слов (одной части речи), имеющих разную аффиксальную часть: словообразовательные синонимы или варианты слова? Автор доклада оспорил тезис о том, что в сфере терминологии (в частности, лингвистической) подобные слова справедливо всегда считать вариантами.

При квалификации однокоренных терминов было предложено учитывать и семантические, и формальные их признаки. Докладчик подчеркнул, что варианты семантически тождественны, между ними в синхронии не может быть отношений словообразовательной производности. В докладе были рассмотрены примеры семантического размежевания терминологических вариантов (в первую очередь суффиксальных), не нашедшие до сих пор отражения в терминологических словарях (ср. *синонимичные слова*, но *синонимические отношения*); намечена шкала вариантности — синонимии: близки к синонимам равнозначные термины с разными префиксами и префиксоидами (ср. *макрофонема* и *архифонема*), синонимами являются параллельные термины с префиксоидом и суффиксоидом (ср. *полуаффикс* и *аффиксоид*). Также обращалось внимание на то, что от словообразовательных вариантов следует отличать фонематические модификации терминологических единиц (ср. *морфемика* и *морфематика*) и грамматические варианты термина (ср. *алломорф* и *алломорфа*).

В выступлении Жу Цзяньпина (Китай) «Стандартизация традиционной китайской медицинской терминологии в Китае» сообщалось о работе по сбору, изучению, нормализации и стандартизации терминологии традиционной китайской медицины. Докладчик сообщил о том, что в 2000 г. были образованы и утверждены Комитет терминологии традиционной китайской медицины (ТТКМ) и Китайский комитет научно-технической терминологии. Академия медицинских наук Китая создала исследовательский коллектив, в обязанности которого входит стандартизация ТТКМ. Этот коллектив выполнил четыре исследовательских проекта Министерства науки и технологии Китая. Результаты научных исследований по первым трем проектам были опубликованы в виде нормативных документов: «Китайские термины традиционной китайской медицины и фармакологии» (2004), «Термины традиционной китайской медицины: внутренние болезни, гинекология и педиатрия» (2010 г.) и др. Стандартизация и одобрение издания ТТКМ имеют чрезвычайное значение и далеко идущие последствия в деле модернизации и признания ТТКМ во всем мире.

В докладе Л. П. Крысина (Москва) «“Свое” и “чужое” в терминологических системах» было отмечено, что факторы, влияющие на вхождение иноязычного термина в язык и его функционирование в общеупотребительном языке и какой-либо терминсистеме, различны. Для специальных терминологий это высокая степень интернационализации терминологии данной предметной области; вхождение термина в предметную область

в составе целого пучка терминов, который заполняет номинативную лауну; преимущество однословной иноязычной номинации перед исконным описательным оборотом; отсутствие у иноязычного термина нежелательных коннотаций, которые наблюдаются у соответствующего исконного термина; целенаправленность усилий кодификаторов, регулирующих процесс терминотворчества; жанр текста (ср. монография и популярная статья); способность термина к более точному обозначению специального понятия и его связей с логически близкими понятиями.

Также на пленарном заседании были прочитаны следующие доклады: И. А. Казимирова (Украина) «Украинская лингвистическая терминография: история и поиски современного формата», К. Я. Авербух (Москва) «Дрезен: истоки терминоведения», Л. Н. Беляева (Санкт-Петербург) «Системы и процедуры выделения терминов из текстов», В. Д. Табанакова (Тюмень) «Теория термина на переходе к интегрированному научному знанию».

На секции «Когнитивное терминоведение и языки для специальных целей. Способы образования и форма специальных языковых единиц» прозвучал доклад О. Б. Бурдиной и С. Л. Мишлановой (Пермь) «Особенности терминологического моделирования в дискурсе смешанного типа (на материале номинаций лекарственных препаратов)», посвященный терминологической вариативности в фармакологии. Было отмечено, что сообщения на фармакологические темы образуют междисциплинарный дискурс смешанного типа, поскольку отражают понятия таких областей знания, как химия, биология, фармакогнозия, фармакология, технология производства лекарств, медицина и т. д., и включают в себя специальные дискурсы фармацевта и врача, а также неспециальный дискурс пациента. Специфика данного дискурса обуславливает использование в нем различных номинаций лекарственных препаратов: научного химического, международного непатентованного, торгового названий, кода анатомо-терапевтического-химической системы классификации (АТХ). На основе анализа инструкций по применению лекарственных препаратов, представленных в электронном справочнике VIDAL, авторам доклада удалось выявить модели терминвариантов и определить их продуктивность.

В. А. Иконникова (Москва) в выступлении «Особенности англоязычных юридических терминологических единиц с культурным компонентом значения: проблемы вариантности» изложила результаты своего исследования по современной англоязычной юридической терминологии, развитие которой определяется двумя

разнонаправленными тенденциями: центристской (которая проявляется в стандартизации терминологии, сознательном устранении в ней полисемии и синонимии) и центробежной (которая связана с неизбежной семантической и лексической вариативностью некоторых терминов). Действие центробежной тенденции было объяснено при помощи понятий асимметрического дуализма языкового знака (С. И. Карцевский) и языкового субстрата термина (В. М. Лейчик). Было установлено, что подавляющее большинство терминов англоязычной юридической терминологии является общеанглийскими (в том числе и термины международного права), однако наряду с ними можно выявить свыше 1 500 терминов с культурным компонентом значения. В словарях они имеют пометы *англ.*, *амер.*, *шотл.*, *в Лондоне*, *в некоторых штатах США*. Наличие таких терминов — пример сохранения лингвокультурного своеобразия в условиях глобализации.

Целью исследования М. Н. Лазаревой (Пермь) «Универсальное и лингвоспецифичное в научной картине мира (на примере латинской и русской ботанических номенклатур)» стал сопоставительный анализ признаков мотивации названий лекарственных растений в латинской и русской ботанических номенклатурах и выявление универсального и национального аспектов этого фрагмента научной картины мира.

Международная ботаническая номенклатура как инвариант научного знания о мире растений оказала влияние на формирование национальной ботанической терминосистемы. В частности, в русской номенклатуре закрепилось большое количество заимствованных наименований, образованных путем транскрипции, при которой сохраняется звуковая форма обозначения (*арника* — *Arnica*, *алоэ* — *Aloë*, *олива* — *Oliva*), и транслитерации, при которой слово читается по правилам русского языка (*строфант* — *Strophanthus*, *фенхель* — *Foeniculum*, *эвкалипт* — *Eucalyptus*), причем встречается прямое заимствование и заимствование через язык-посредник (*барвинок* — из лат. *pervinca* через польск. *barwinek*; *шалфей* — из нем. *Salveie* через польск. *szalwia*, *миндаль* — из греч. *amygdalos* ‘миндальное дерево’ через польск. *migdal*), а также калькирование, то есть поморфемный перевод латинского фитонима (*тысячелистник* — *Millefolium*, *пастушья сумка* — *Bursa-pastoris*, *красавка* — *Belladonna*, *крохотлябка* — *Sanguisorba*, *стрептоцвет* — *Passiflora*) и обозначение растений именами собственными, например: *адонис* — *Adonis* (любимец Афродиты), *валериана* — *Valeriana* (в честь римского императора

Валериана), *раувольфия* — *Rauwolfia* (в честь немецкого врача и ботаника). Неменьший интерес представляют наименования растений, мотивировочные признаки которых совпадают без влияния языков друг на друга посредством заимствований, что, по мнению докладчика, свидетельствует о существовании семантических универсалий, свойственных всем человеческим языкам. Так, русск. *береза* происходит от праслав. *бер* ‘светлый, ясный, белый’, лат. *Betula* от кельт. *betu* ‘белый’, оба названия указывают на цвет коры дерева. Русск. *наперстянка* образовано от слова *напёрсток*; лат. *Digitalis* — от лат. *digitus* ‘палец’. С точки зрения национально-языковой картины мира особо важно изучение мотивационного признака, на выбор которого значительное влияние оказывают национально-психологические особенности мышления народа, своеобразие его опыта в интеллектуально-познавательной сфере.

Также на этой секции были прочитаны доклады: Л. А. Манерко (Москва) и А. Н. Шарпков (Рязань) «Три организующих принципа описания концептуализации термина в когнитивно-коммуникативном терминоведении», Е. М. Казанова (Москва) «Лингвокогнитивное описание терминов — названий некоторых зимних видов спорта».

На секции «**Терминология и общая лексика. Термины среди других языковых единиц**» доклад Л. Л. Шестаковой (Москва) «Из опыта анализа терминов в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка)» был посвящен функционированию терминов в поэтических текстах. В многогранном «Словаре языка русской поэзии XX века» термины составляют заметную часть. Большой корпус примеров связан с церковно-религиозной сферой (*аллилуйя*, *алтарь*, *амвон*, *аналой*, *анафема*, *викарий*, *ектенья*, *епитрахиль*, *иерей*, *кадило*, *киот*, *кирха*, *клир*, *лития*, *литургия*, *митра*, *пост*, *причастие*, *просфора*, *псалом*, *риза* и др.). Восприятие символистами себя в качестве наследников всей мировой культуры на уровне терминологии передается искусствоведческими терминами разного содержания, прежде всего — словами из сферы музыки (*адажьо*, *аккорд*, *анданте*, *ария*, *баритон*, *бас*, *гамма*, *нота*, *соната* и т. п.) и архитектуры (*апсида*, *аркада*, *архитрав*, *базилика*, *кампанила*, *метоп*, *модерн*, *портал*, *порттик*, *пропилея*, *экседра* и др.). Поэты Серебряного века обращались к терминам стихосложения, литературоведения, с одной стороны, и лингвистики, с другой. Ср.: *акростих*, *анаграмма*, *баллада*, *лирика*, *ода*, *рифма*, *сонет*, *цезура*, *элегия* и *аорист*, *глагол*, *диалект*, *залог*, *йота*, *спрагать*, *спряжение*, *суффикс*, *флексия* и др. Из терминологии

гуманитарных сфер отмечаются также философские, общественно-политические, юридические термины: *бытие, диалектика, сущее; билль, декларация, деклассированный, декрет, либерализм, партия, революция, социализм, федерация; гражданство, право, статут* и др.

В сообщении Л. В. Рычковой (Белоруссия) «Специальная лексика в языке региональных СМИ» были изложены первые результаты междunarодного корпусного исследования, отправной точкой для которого стала гипотеза о дифференциации узальных норм литературного русского языка метрополии и белорусского националекта русского языка. В информационном обществе особую актуальность приобрели проблемы функционирования специальной лексики социально значимых предметных сфер за пределами собственно профессиональных сфер коммуникации. Анализ текстов массмедиа позволил установить некоторые особенности функционирования единиц специальной лексики в белорусских источниках. Было выявлено, что в целом «степень использования иноязычной терминологии в текстах белорусских СМИ значительно ниже, чем в российских»; кроме того, были показаны определенные отличия, касающиеся терминологий различных областей знания и деятельности, например, сделан вывод о том, что «белорусскоязычные тексты религиозной тематики отражают сферы католицизма, а русскоязычные, напротив, соотносены с православием».

В выступлении «О различии в толковании специальной лексики в терминологических и филологических словарях» С. Д. Шелов (Москва) отметил общность правил определения специальной лексики в этих двух типах словарей, поскольку преследуется единая цель — представить совершенно ясную и четкую систему объяснения ее значений. Эта цель достигается во многом общими средствами: требованием использовать в определяющем тексте только известные и ясно понимаемые однозначные языковые выражения и конструкции, требованием избегать всякой лексической и лексико-синтаксической многозначности и т. п. С другой стороны, для автора принципиален вопрос: должны ли толкования специальной лексики терминологического или профессионального характера в общефилологическом словаре полностью подчиняться требованиям, предъявляемым к определению терминов, как они формулируются в логике и терминоведении и реализуются в терминологических словарях, или же они могут и должны отличаться от них? И если да, то при каких условиях и в чем именно?

В терминологическом словаре доминирует задача представить область научного или любого другого знания, по выражению

А. А. Реформатского, сферу логоса (*logos'a*), тогда как в филологическом словаре ставится задача представить сферу языка и языкового знания, по выражению того же автора, сферу лексиса (*lexis'a*), в которой семантика термина или профессионального слова существенно преобразована. В силу этого в лингвистике преобладает мнение о том, что толкование специальных слов должно раскрывать не научное узкопрофессиональное понятие (что характеризует терминологические словари и энциклопедии), но понятие, характеризующее компетенцию среднего носителя русского языка. Одним из следствий этого положения, с точки зрения автора, является допустимость слов «мягкой», «размытой» семантики типа *и т. д., и т. п., некоторые, особый, особенный* и др. в языке описания семантики специального слова в общем словаре.

Также на этой секции был прочитан доклад Э. А. Сорокиной (Москва) «Межотраслевая омонимия: причины появления и результаты».

На секции «Терминология отдельных наук, областей знания и деятельности» прозвучал доклад А. Р. Имкуте (Литва) «Черты развития литовской религиозной терминологии в 1800—1882 годах». В нем были изложены результаты исследования почти не изученного периода истории литовской религиозной терминологии, письменная фиксация которой связывается с первой литовской печатной книгой — протестантским катехизисом 1547 г. Автор доклада предложил разделить выявленные в катехизисах 1800—1882 гг. термины (ок. 8000) на две группы: 1) сохранившиеся и употребляемые в современном литовском языке как официальные, 2) имевшие широкое употребление в 1800—1882 гг., но сохранившиеся. В первой группе отмечается множество исконных литовских терминов (*Dvasia* 'Дух', *tikėjimas* 'вера') и древних, полностью освоенных заимствований (*vyskupas* 'епископ' < польск. *biskup*, *wiskup* < поздн. лат. *episcopus* < греч. *episkopos*; *kunegas* 'священник' < нем. *kunig*); во второй группе было обнаружено 20 % «варваризмов», причем в основном из польского языка (*czyszczysz* 'чистилище' < польск. *czyścić*; *pakuta* 'покаяние' < польск. *pokuta*).

Особой форме существования специальных обозначений в виде профессиональных коллоквиализмов был посвящен доклад Н. М. Карпух и н о й (Москва) «Категориально-понятийные модели коллоквиализмов в экономической лексике». Проводя категориально-понятийный анализ этой лексики, автор наиболее подробно разбирает три ее подсистемы: «(собственно) денежные средства», «цена (стоимость)» и «платежи», каждая из которых может иметь собственную семантическую доминанту. Идентификатором

понятийного блока «денежные средства» является слово *деньги*, которое оказывается доминантой для терминологических сочетаний *горячие деньги* (денежные средства, капиталы, владельцы которых срочно перемещают их из одной области применения или из одной страны в другую с целью избежать последствий инфляции или получить более высокую прибыль, в результате чего возникает «блуждающий капитал»), *короткие деньги* (краткосрочные кредиты) и др. К этому же блоку можно отнести и номинации с доминантой «ценные бумаги». Если номинации *облигации*, *векселя*, *денежные чеки*, *ценные бумаги* представляют пласт нормативных терминологических обозначений в данной области, то другие составляют разговорный вариант наименований, для которых не всегда имеются параллельные терминологические обозначения, ср.: «*младшая*» *ценная бумага* (ценная бумага, предоставляющая меньшие права на имущество и доходы компании в сравнении с другими ценными бумагами), «*дети войны*» (англ. «war babies»; ценные бумаги компаний, производящих оружие), *облигация «вечная»* (без даты погашения), *облигация «рай и ад»* (двухвалютная облигация (доллар/иена), основная цена которой изменяется в зависимости от изменения валютного курса) и т. д. Рассмотрев несколько блоков специальных финансово-экономических обозначений, каждый из которых имеет одну или несколько тематических доминант, автор показывает, как в рамках когнитивного подхода с помощью концептуальных денотативной и категориально-понятийной моделей описываются и термины, и сложные структурно-семантические образования сферы товарно-денежного обращения.

Н. В. Козловская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Лингвистические особенности терминов русской религиозной философии». Докладчик обратил внимание на то, что русская философия конца XIX — начала XX в. — это именно «свободное философствование», а не однородное научное направление. Были отмечены «интенциональная неопределенность и сложность определения границ экстенционала» философских терминов, их полиинтерпретируемость (в пределах терминосистемы одного автора или в работах разных авторов); чрезвычайная редкость строгих родо-видовых определений терминов в работах русских философов рубежа веков, а также явление наращивания смысла термина в ходе философского изложения, сближающее философский текст с художественным; факты авторского философского переосмысления общеупотребительных слов или терминов других областей знания.

Также на секции был прочитан доклад Е. М. Лазуткиной (Москва) «Термины

“субъект” и “объект” в аспекте функциональной перспективы предложения».

На секции «**Терминологическая лексикография. Прикладное терминоведение**» Е. В. Маринова (Ниžний Новгород) в докладе «Терминологический аппарат теории заимствования и его отражение в словаре» сообщила о подготовленном ею пособии «Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник» (2013). Докладчик выделил слабые стороны теории заимствования: неоднозначность объема и содержания понятия «иноязычное слово», отсутствие удовлетворительной классификации иноязычных слов, непоследовательность в наименовании способов (форм) заимствования (и как следствие — смешение обозначаемых реалий). Затем было дано краткое описание словаря, цель которого — «представить современную теорию заимствования как систему». Были подробно охарактеризованы зоны словарной статьи: входное слово, тематический индекс, дефиниция, ассоциативная зона (термины, выражающие родо-видовые отношения; синонимы; смежные термины), энциклопедическая зона (описание обозначаемой термином реалии, примеры) и др.

Представление специальной лексики в двуязычном электронном словаре-разговорнике стало предметом обсуждения в докладе И. С. Кудашева (Финляндия) «Вопросы представления специальной лексики в туристическом словаре-разговорнике». В подобный словарь включаются в основном обиходная терминология и описываются «бытовые интерпретации» научных понятий, поскольку, по мнению автора выступления, в общем употреблении термин не может полностью сохранять свое терминологическое значение, иначе придется признать отсутствие разницы между знаниями специалиста и неспециалиста. Также в словарь входит некоторое количество официальных терминов, обозначающих строго научные понятия (ср. ситуацию точного изложения пациентом истории своей болезни). Для различения обиходных и официальных терминов было предложено первые либо оставлять вовсе без тематических помет, либо снабжать сочетанием стрелки и пометы, указывающим на их «заимствование» из терминологии в общую речь (←*матем.*, ←*лингв.* и т. п.), а вторые — снабжать точной пометой (или пояснением) без стрелки и разрабатывать, как в терминологических словарях. Было показано, как предназначение словаря обуславливает целый ряд его специфических черт (например, при определении порядка следования значений учитывается частотность употребления слова в ситуациях, актуальных именно для туристов).

В докладе А. Э. Цумарева (Москва) «Об усовершенствовании маркирования специ-

альной лексики в толковых словарях» было рассмотрено использование специализированных лексикографических средств, служащих для выделения единиц терминологической и профессиональной лексики среди других лексических единиц, описываемых в толковом словаре. К этим средствам относятся пометы (*биол.*, *мат.*, *спец.* и т. д.) и ремарки («В древнерусской архитектуре», «В легкой атлетике» и т. д.). В первой части доклада были сформулированы наиболее важные, по мнению докладчика, спорные вопросы маркирования специальной лексики: 1) насколько подробной должна быть стилистическая информация в толковом словаре? 2) нужны ли отраслевые пометы (или ремарки) и если нужны, то для чего? 3) достаточно ли для различных видов специальной лексики одной пометы *спец.* или требуется разнообразие отраслевых помет? 4) какой принцип следует положить в основу маркирования специальных слов? 5) каким образом должны соотноситься в одном словаре пометы и ремарки? Докладчик высказал мнение о целесообразности развития словарной традиции, стремящейся к разграничению полностью детерминологизированных терминов (принадлежащих общелитературному языку) и терминов,

сохраняющих на себе отчетливый отпечаток профессионально-терминологической среды своего функционирования. Одновременно с этим в словарной статье термина полезно указывать его общеупотребительный синоним, свидетельствующий о стилистической окрашенности данного термина. Были предложены предварительные рекомендации, направленные на усовершенствование маркирования специальной лексики в толковых словарях русского языка и являющиеся практическим ответом на вышеупомянутые вопросы.

Также на секции был прочитан доклад Ю. Г. К о р о н о й (Москва) «Терминологический словарь тезаурусного типа как способ представления археологического знания».

В заключение симпозиума были высказаны пожелания относительно целесообразности продолжения исследования терминологии и языков для специальных целей, кооперации и координации этой работы на международном уровне, необходимости издания в России международного журнала по терминоведению, а также относительно разработки новых форм проведения научных мероприятий в области терминоведения.

VII Международная конференция по исторической лексикологии и лексикографии

Кира Иосифовна Коваленко

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Россия
kira.kovalenko@gmail.com

9—22 июля 2014 г. в городе Лас-Пальмас (Испания) состоялась VII Международная конференция по исторической лексикологии и лексикографии (ICHLL 2014). Она была организована Университетом Лас-Пальмаса (Universidad de Las Palmas de Gran Canaria) и Институтом текстологии и прикладных исследований (Instituto Universitario de Análisis y Aplicaciones Textuales). Конференция по исторической лексикологии и лексикографии проводится раз в два года; начиная с 2002 г. она проходила в городах Лестер (Великобритания), Гарньяно (Италия), Лейден (Нидерланды), Эдмонтон (Канада), Оксфорд (Великобритания) и Йена (Германия).

В работе конференции приняли участие более 100 ученых из 27 стран мира, включая Испанию, Великобританию, Швецию, Германию, Австрию,

VII International conference on historical lexicography and lexicology (ICHLL2014)

Kira I. Kovalenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
kira.kovalenko@gmail.com

Бельгию, Италию, Францию, Венгрию, Румынию, Польшу, Россию, Канаду, Аргентину, Перу, Японию.

В качестве основных тематических направлений конференции можно выделить следующие: история развития лексикографии, создание исторических и этимологических словарей, показ историко-этимологических сведений в современных толковых словарях, взаимовлияние языков в истории и современности, история отдельных слов, вопросы исторической диалектологии. Заседания проходили одновременно на двух или трех секциях, одна из которых, как правило, проводилась на английском, а другая на испанском языке.

История лексикографии была представлена рядом докладов, рассматривающих определенные этапы в истории лексикографии той или иной страны или отдельные вопросы лексикографической практики.

А. Х. Наннесдоттир (Швеция) в докладе «Новый взгляд на развитие шведской лексикографии» (Swedish lexicographic history revisited) рассмотрела становление лексикографии в Швеции и значение первых словарей в процессе стандартизации шведского языка. Общий обзор рукописных словарей, существовавших в России в XVI—XVII вв., был сделан в докладе К. Коваленко (Россия). Презентация содержала богатый иллюстративный материал: были показаны способы оформления рукописных словарей (азбучников), принципы построения словарных статей и организации материала внутри словарных сводов, а также продемонстрированы изменения, произошедшие в лексикографической практике с середины XVI до начала XVIII в. О новом исследовании, посвященном истории лексикографии в Великобритании, рассказал Дж. Консидайн (Канада) в докладе «Новая история Британской лексикографии с 1500 по 1800 гг.» (A new history of British lexicography from 1500 to 1800). В своей монографии автор предполагает сделать не только обзор истории лексикографии Великобритании с XVI по XVIII в., но и представить все известные глоссарии и словари того времени, включая двуязычные и многоязычные, в контексте развития общеевропейской лексикографии. М. Подхвасца (Польша) в докладе «Сочетание старого и нового подходов в двуязычной лексикографии: “Полный словарь английского и польского языков” Эразма Рыкачевского 1849 г.» (Combining the old and the new in bilingual lexicography: Erazm Rykaczewski's «Complete Dictionary English and Polish» (1849)) рассмотрела основные источники словаря и принципы адаптации составителем заимствованного материала.

Проблемы репрезентации этимологической составляющей в словарях были в центре внимания в докладах Т. Георгеску (Румыния) «Понимание этимологии в первых лексиконах греческого языка: преемственность или разрыв с современными этимологическими словарями?» (Le concept d'étymologie dans les premiers lexicons grecs. Continuité ou rupture avec les dictionnaires étymologiques modernes?), Анны Х. Фойльнер (Германия) «Новый этимологический словарь древнеанглийского языка» (A new etymological dictionary of Old English), Э. Буши (Франция) «Что представляют собой этимологические единицы: вокабулы или лексемы?» (What are etymological (and etymographical) units made of: Vocables or lexemes?) и П. Ванагса (Латвия) «Проект “Исторического словаря латышского языка”: описание происхождения слов» (The project of the «Historical Dictionary

of Latvian» (LVVV): Description of word-origin). С. Георгеску (Румыния) представила краткий обзор существующих этимологических словарей румынского языка, сравнив в них словарные статьи с описанием этимологии слова *băiat*.

История описания фразеологических единиц была рассмотрена в докладах Б. Мертенс и К. Дюкарм (Бельгия) «Поддача фразеологизмов в романской исторической лексикографии» (Le traitement des phraséologismes en lexicographie historique romane), а также в докладе М. Мурано (Италия) «Фразеологические франко-итальянские словари XIX века» (Les dictionnaires phraséologiques bilingues franco-italiens au 19e siècle).

Серия докладов была посвящена **истории лексико-семантических групп или отдельных лексем**.

Особенности репрезентации этнонимов и образованных от них прилагательных в словарях испанского языка были рассмотрены в докладах Д. Гарсии Падрон (Испания) «Определение слов, обозначающих национальность, в “Diccionario de autoridades” (1726—1739)» (La definición de las palabras con acepción gentilicia en el «Diccionario de autoridades» (1726—1739)), Х. Херрера Сантаны (Испания) «Лексикографическое представление слов *gitano*, *judío* и *moro* в академических испанских словарях» (El tratamiento lexicográfico de los gentilicios *gitano*, *judío* y *moro* en los diccionarios académicos españoles), Х. М. Переса Вигарая (Испания) «История слов *latino* и *hispano* по данным словарей» (Historia lexicográfica de los gentilicios *latino* e *hispano*) и М. Мореры Переса (Испания) «Прилагательные, обозначающие национальность, в “Сокровищнице кастильского диалекта испанского языка” Себастьяна де Коваррубиаса» (Los adjetivos gentilicios en el «Tesoro de la Lengua Castellana o Española», de Sebastián de Covarrubias).

История слов испанского языка была прослежена в докладах Р. Гонзалеза Переза (Испания) «Фонетика и история лексикона: дублеты *llave/clave*» (Fonética e historia del léxico: a propósito del doblete *llave/clave*), Х. Херреро Руиза да Лойзага (Испания) «*Pronto* и *seguida*: сдвиг значения, функциональные изменения и репрезентация в лексикографии в классическом и современном испанском языке» (Pronto y en seguida. Deslizamiento significativo, cambio funcional y tratamiento lexicográfico desde el español clásico al moderno) и К. Буэнафуэнтес де ла Мата (Испания) «Академическая лексикография и научно-технические дисциплины: историческое изучение образования слов с формантами *-ística*,

-logia и -tecnia» (La lexicografía académica ante las disciplinas científico-técnicas: estudio histórico de la recepción de las voces formadas con -ística, logia y -tecnia).

Межязыковым контактам были посвящены доклады Е. Дима (Румыния) «Румынская историческая терминология в переводе “Истории” Шарля Роллена» (The Romanian historical terminology in the translation of Charles Rollin's «History» in the 18th century) и Г. Дима (Румыния) «Итальянское влияние на становление географической терминологии румынского языка» (The Italian influence at the beginnings of the geographical terminology in Romanian).

Целый ряд докладов был посвящен **способам репрезентации исторических данных в современных словарях английского языка**.

Некоторые наблюдения над использованием материалов из периодической печати и поэтических текстов в качестве иллюстраций в Оксфордском словаре английского языка рассмотрели Дж. Колеман (Великобритания) и Д. А. Вилльямс (Канада). Проблема унификации в первых выпусках этого словаря была в центре внимания П. Гилливера (Великобритания). С. Тим (Австрия) проследил историю лексикографического описания фразовых глаголов. На материале компьютерной версии Оксфордского словаря английского языка Дж. Шульц (Германия) проанализировала динамику влияния французского языка на современный английский. Л. Пиннава (Италия) проследила, какие изменения произошли в словарях английского языка, в том числе учебных, в отношении к грубо разговорной и обценной лексике.

Различные **вопросы диалектологии** были рассмотрены на примере широкого спектра европейских языков.

Проблеме отражения орфографических вариантов в одном из диалектов Норвегии (Nynorsk) был посвящен доклад К. Карлсена и Д. Рёднингена (Норвегия). Суффиксы в каталанской ономастике на материале записных книжек испанского диалектолога Антони Альковера (1862—1932) стали предметом исследования М. П. Переа Сабатера (Испания). Посетив более тысячи населенных пунктов, в своих записях ученый зафиксировал не только их официальные названия, но и большое число диалектных вариантов. Анализ суффиксов, используемых в названиях местностей, дополнил материалы лингвистического атласа Иберийского полуострова. Ф. Торрес Монте (Испания) рассмотрел андалусизм *mancaje* ‘тыпка, мотыга’: исследователь указал ареал распространения слова, отметил первые фиксации, предложил этимологию. Отдельные вопросы развития франкопровансальского языка были исследованы в докладах Л. Грюнер (Швейцария/Франция) «Природа и статус этимона на современном уровне анализа франкопровансальской лексики» (Nature et statut de l'étymon dans le traitement contemporain du lexique francoprovençal héréditaire) и Э. Берхтольд (Франция) «Можно ли отграничить лексику франкопровансальского языка?» (Peut-on délimiter le lexique de l'ancien francoprovençal?). О том, какую роль играли женщины при создании «Словаря датских островных диалектов», а также о репрезентации «женских» тем в этом словаре (еда, одежда и т. п.), рассказал Х. Новмарк (Дания), проиллюстрировав свое выступление большим количеством фотографий с изображением сельской жизни и портретов информанток.

Ознакомиться со сборником тезисов можно на сайте конференции (<https://sites.google.com/site/ichll2014/home>).

**Этимологический симпозиум
«Этимологическое исследование
старославянского языка
в славянской, индоевропейской
и общелингвистической
перспективе». Брно, 2014**

**Жанна Жановна Варбот^a,
Любовь Викторовна Куркина^{a,®}**

^a Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; [®] lyukurkina@rambler.ru

**Etymological symposium
«Etymological research of Old Church
Slavonic: from the Slavonic, Indo-
European and general linguistic
perspective». Brno, 2014**

**Zhanna Zh. Varbot^a,
Lyubov' V. Kurkina^{a,®}**

^a Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; [®] lyukurkina@rambler.ru

9—11 сентября 2014 г. в Брно проходил очередной этимологический

симпозиум («Etymologický výzkum staroslověnštiny: z perspektivy slovanské, indo-

evropské i obecně lingvistické»), посвященный этимологической проблематике старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе. Симпозиум организован этимологическим отделом Института чешского языка ЧАН при финансовой поддержке Чешской академии наук, под патронатом президента АН Чешской Республики проф. Й. Драгоша и гетмана Южноморавского края М. Храшка. Симпозиум приветствовали магистр М. Шлапал, член Рады, представитель гетмана, и проф. П. Килоушек, заместитель декана философского факультета Масарикова университета.

В симпозиуме приняли участие специалисты из 14 стран, в том числе члены коллективов, работающих над этимологическими словарями национальных языков и праславянского языка. Было заслушано 42 доклада по проблемам, актуальным для современной этимологии.

Тематика, объявленная организаторами симпозиума, предопределила особое внимание к лексическим проблемам собственно старославянского языка. Этимологические решения, предлагаемые брненским коллективом в «Этимологическом словаре старославянского языка», углубили и во многих отношениях продвинули понимание генетических связей славянской лексики. Вместе с тем с расширением материальной базы и общего контекста исследований открылись возможности с новых позиций подойти к определению генетических связей некоторых этимологически трудных слов. В центре внимания исследователей были проблемы этимологизации старославянских и — шире — славянских слов, не получивших в литературе убедительного объяснения. С привлечением новых диалектных данных всех славянских языков, на основе широкого охвата всех аспектов лингвистического анализа предложено новое истолкование некоторых старославянских слов в докладах Л. В. Куркина (Москва) «Этимологические заметки на полях “Этимологического словаря старославянского словаря” (*přitvřk* ‘грубый, резкий’, *ochlědani* ‘небрежение’, *klosniti* ‘делать хромым’)», Ж. Ж. Варбот (Москва) «Снова о *naprasnom*», Й. Райнхарт (Австрия) «Новые и обновленные старославянские этимологии» (*pěti* ‘петь’, *scěgъbъ* ‘одинокий’, *-tryti* ‘feed’, *тъъъ* ‘тот же самый’ и др.). На основе соотнесения ст.-слав. *бурја* с близкими по форме и значению образованиями в латинском, греческом, романских и других индоевропейских языках приходит к предположению о возможности нестратического происхождения К. Лешбер (Германия) в докладе «Ст.-слав. *burja* из индоевропейской и палеолингвистической перспективы». Много вопросов и сомнений вызвал доклад С. Палиги (Румыния) «Возвращаясь

к праиндоевропейским истокам. Старославянское наследие и его реликты».

Важное место в докладах было отведено вопросам семантической интерпретации и мотивации отдельных старославянских лексем и семантических групп. На широком славянском фоне в сравнительно-сопоставительном плане исследуется семантика ст.-слав. **blqd-* Я. Грков и ч-Мейджор (Сербия) в докладе «О семантическом развитии ст.-слав. **blqd-*». Состав лексической группы со значением ‘зависть’ в старославянском языке и основные мотивационные модели, по которым происходит становление этого значения (ст.-слав. *завида* < и.-е. **ueid-* ‘смотреть’, ст.-слав. *рвьникъ, рвеньник* ‘усердие, рвение’ ~ праслав. **rъvъniti* ~ **r’uti* и др.), рассматриваются Х. Карликовой (Чехия) в докладе «*Зависть* в старославянском языке». Исконная и заимствованная лексика со значением ‘мера емкости’ в системе старославянского языка с определением славянских и индоевропейских истоков изучаемых лексем и возможных путей миграции некоторых терминов, восходящих к языкам Ближнего Востока, стала предметом исследования П. Валчаковой (Чехия) «О некоторых старославянских названиях мер емкости» (*артава, хинникъ, коръ, корьць* и др.). Старославянские термины детоубийства с параллелями из греческого и латинского языков (*исказа* ~ *фдоръ, искажѣти отроча* ~ *infantem in se perimere* и т. п.) рассматривались в докладе В. Чермака (Чехия) «Проблематика обозначения аборта в старославянском языке». М. Хрома (Чехия) обратилась к изучению лексики со значением ‘сожаление’ по материалам старославянского языка («Выражение сожаления в старославянском языке»). Анализу древнего компаративного оборота *sъbъrati sę na kogo jako vrani na sokolъ* был посвящен доклад Р. Эккерта (Германия). С опорой на семантику и данные экстралингвистического характера анализируются фитонимы в докладе У. Тейсена (Австрия) «Тема здоровья в Синайской рукописи — о значении, мотивации и продолжениях староболгарских фитонимов».

Семантика выводится на первый план в комплексе приемов, используемых при обосновании этимологического решения. Полисемия отдельных лексем и семантические изменения как база этимологических решений рассматриваются в докладах С. М. Толстой (Москва) «Ст.-слав. *калтѣа* на общеславянском фоне», С. Петрович (Сербия) «Серб. *savest* ‘совесть’ и *svest* ‘сознание, рассудок’ — славянские уровни лексикона литературного сербского языка». Мотивационную модель ‘удар’ > ‘болтовня, бормотание’ и сферу ее действия в славянских языках

исследовали П. Нэ е д л ы и М. В а й д л о в а (Чехия) в докладе «К семантическому сдвигу ‘удар’ > ‘болтовня, бормотание’». Реконструкция семантического развития и на этой основе этимологизация группы слов (чеш. *nenávisť, plašiti, strašiti, leknouti se*) представлена в докладе П. Нэ е д л ы (Чехия) «О двух выражениях негативного душевного состояния (ненависть, страх)». Семантический анализ в сочетании с экстралингвистическими данными стал основой реконструкции исходной семантики серб.-хорв. названия растения *česnjak / česnjak* и обоснования его производности от глагола **česati* в докладе М. К а л е з и ч (Сербия) «Праславянская база **čes-* в славянской фитонимии: к этимологии серб.-хорв. *česnjak / česnjak*». В докладе Е. Л. Б е р е з о в и ч (Екатеринбург) «Из новых полевых находок: русские лексические и топонимические дериваты двух праславянских глаголов» рассматриваются семантические характеристики русских диалектизм, записанных в говорах Костромской области, как база для восстановления этимологических истоков слов *остродым* и *беспелоха*. В докладе М. Ф у р л а н (Словения) «Этимология словен. *moren* ‘теплый’ и русск. *torno* ‘тепло, душно’» предложено обоснование семантической связи **lacuna* > **terpidus*, и на этой основе предполагается этимологическое тождество словенского и русского диалектизм, традиционно относимых к разным этимологическим гнездам. В докладе Й. Р е й з е к а (Чехия) «Ошибочная омонимия в этимологии» на материале шести слов (чеш. *bránice* ‘диафрагма’ и *brániti* ‘защищать, оборонять’, **topiti* ‘делать теплым’ и **topiti* ‘погружать в воду’, **tuchňoti* ‘гасить’ и **tuchňoti* ‘портиться’ и т. п.) показана необходимость тщательной семантической реконструкции для выявления исконной полисемии как источника поздней омонимии.

Семантике отводится важная роль при анализе слов праславянской древности с неясными генетическими истоками. В докладе В. Б л а ж е к а и И. Я н ы ш к о в о й (Чехия) «Славянское “тис” — вечно зеленая проблема славянской этимологии?» с опорой на семантику, ономастические и культурно-исторические материалы обсуждается возможность славянского (далматинская лексика), индоевропейского (иранские языки), ностратического или субстратного происхождения фитонима **tis̥*. Основываясь на исторических свидетельствах, анализируя употребление слова *вила* в славянских языках, соотнося характеристики *вилы* с типологически сходными образами в индоевропейской традиции, А. Л о м а (Сербия) высказывает предположение об обозначении этим словом нимф, которым приносились жертвы, и возможности образования

лексемы *вила* в гнезде слав. глагола **viti, *vejř* = лит. *vūti, vejř* ‘гнать, преследовать’ («*Вила* — олицетворение неистовства или что-то другое?»)). Возможность общего происхождения слов со значениями ‘река’ и ‘песок’ в глубокой индоевропейской перспективе на базе исходного глагола ***H₃reiH-* ‘приводить в движение’ (ст.-слав. *рѣбати, ринѣти са*) получает обоснование в докладе В. Б л а ж е к а (Чехия) «‘Река’ и ‘песок’ в славянском и индоевропейском контексте». Подробный обзор разных подходов к этимологическому объяснению топонима *Варна* предложен Т. Л е к о в о й (Италия) в докладе «Еще раз к этимологии *Варна*». С семантическими проблемами связаны многие этимологические версии, представленные в обзоре А. Г е ц о в с к о й (Македония) «Общеславянская лексема “человек” с точки зрения этимологии».

Гнездовой подход в этимологии продемонстрирован в докладах Хр. Д е й к о в о й (Болгария) «Славянские продолжения праславянского аблаутного ряда **tur-/*tǫr-/*tyr-*» и Е. Я ч е в о й - У л ч а р (Македония) «Семантика корневой морфемы *gal-* в апеллятивном и ономастическом фонде македонского языка».

Ряд докладов был посвящен анализу отдельных словообразовательных моделей в старославянском языке: П. С о б о т к а (Польша) «Суффикс *-akъ* в старославянском языке», М. Х о м о л к о в а и Шт. Ш и м е к (Чехия) «Прилагательные с суффиксом *-kъ* в старославянском и старочешском языках», М. В е р ш е к (Чехия) «Префикс **(j)ъz-* как компонент лексических бегемизмов в старославянском языке?», М. Я к у б о в и ч (Польша) «Сложения в старославянском языке в соотношении с греческими оригиналами». Актуальные трудности работы над этимологическим словарем, типичные для проектов этого типа, получили освещение в докладе М. Б е л е т и ч (Сербия) «Проблема хронологического-генетического стратификации слов славянского происхождения в одноименном “Этимологическом словаре сербского языка” (на примере номинативных сложений)».

Несколько докладов было посвящено проблеме заимствований. Анализ конкретных заимствований в русском языке из прибалтийско-финских языков и русских в финно-угорские языки (финск. *palnina* < русск. *полотно*, русск. диал. *лыч* ‘ботва картофеля’ < коми, вепс. *luzik* < русск. *ложка* и т. п.) дан в докладе С. А. М ы з н и к о в а (Санкт-Петербург) «О некоторых прибалтийско-финских лексемах в восточнославянском контексте». Литовские катехизисы послужили материалом для выявления состава славянских заимствований из польского, белорусского и других языков в их числовом соотношении

(20 % из белорусского языка, половина — полонизмы) в докладе А. Римкуте (Литва) «Славянские заимствования в литовских катехизисах 1800—1802 года». Разные пласты славянских заимствований в латышском языке, семантические изменения на почве воспринятого языка (ср. русск. *погост* > лтш. *pagasts* ‘налог в виде утешения’ > ‘административная единица’ и т. д.), возможности нового истолкования глагола **stradati* с учетом семантики, представленной в старославянском языке, и семантики соответствующих латышских слов продемонстрировал И. Кошкинс (Латвия) в докладе «Этимолого-семантическая реконструкция древнейших славизмов латышского языка и данные старославянского языка». Германские заимствования в славянских языках рассмотрел в связи с теоретическими и методическими аспектами В. Бочек (Чехия) в докладе «Заметки о заимствовании звукоподражаний».

Значение этимологических разработок бременского «Этимологического словаря старославянского языка» для практики составления этимологических словарей отдельных славянских языков отражено в докладах Н. П. Антропова (Белоруссия) «Использование “Этимологического словаря старославянского языка” в “Этимологическом словаре белорусского языка”» и Б. Островского (Польша) «Использование староцерковнославянских и русско-церковнославянских данных в этимологических словарях славянских языков». Различные аспекты

этимологической лексикографии обсуждались в докладе Я. Ваняковой (Польша) о проекте нового словаря «Этимологический словарь польских диалектных названий растений».

Вопросы грамматики и синтаксиса затрагиваются в некоторых докладах: славянские глаголы на *-nŕi* как древнейшее ядро, на базе которого сформировался глагольный вид (А. Шивиц-Дулар (Словения) «К проблеме глаголов на *-ne* (презенс), *-nŕi* (инфинитив) в славянских языках»); позиция частицы *сѧ* в предложении (Т. Лойкова-Носенко (Чехия) «Позиция местоимения *сѧ* в предложении в сопоставлении с современными славянскими языками»).

На заключительном заседании был прочитан доклад И. Янышковой (Чехия) «История этимологического исследования старославянского языка», который ввел представленные на симпозиуме исследования в контекст истории палеославистики — этой важнейшей отрасли сравнительно-исторического языкознания.

Заинтересованное обсуждение докладов способствовало более углубленному пониманию проблем этимологии. Следует подчеркнуть прекрасную организацию симпозиума. Заседания проходили с соблюдением регламента, в дружеской обстановке.

Доклады симпозиума будут опубликованы в виде сборника, издаваемого Институтом чешского языка Чешской академии наук.

Международная конференция «Грамматическая гибридизация и социальные условия»*

Дарья Владимировна Конёр

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Россия
dsuetina@yandex.ru

16—18 октября 2014 г. в Лейпциге состоялась Международная научная конференция «Грамматическая гибридизация и социальные условия», организованная департаментом лингвистики Института эволюционной антропологии общества им. Макса Планка в лице К. Баверо, С. М. Михалис и М. Хаспельмата.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405.

International workshop «Grammatical hybridization and social conditions». Leipzig, 2014

Daria V. Konior

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
dsuetina@yandex.ru

С докладами на мероприятии выступали ученые из университетов и научных учреждений Германии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Великобритании, Испании, Швейцарии, Австралии, США, Гонконга и Бразилии. На заседаниях присутствовали и принимали участие в дискуссиях также лингвисты из академических институтов и университетов Москвы и Санкт-Петербурга. Целью конференции была объявлена разработка максимально детальной и эмпирически обоснованной типологизации социальных контактов и их последствий для структуры языка и особенно для его грамматического строя. Чтобы

приблизиться к решению этой проблемы, по мнению организаторов, необходимо преодолеть недостаточность сведений о связи социальных условий и «гибридных изменений» (таких, как порядок слов, калькирование, заимствование аффиксов и др.), а также выяснить, какие структурные черты станут ожидаемым результатом взаимодействия в той или иной ситуации контакта.

Заседание первого дня открыли С. М. Михаллис и М. Хаспельмат (Германия). Приветствовав участников и слушателей конференции, они привели некоторые наблюдения и сведения:

- об известных типах социальных ситуаций, благоприятствующих «языковой гибридизации» (например, асимметрия власти, престижа и диапозона);

- о симметрии и пуризме как ситуации «незаимствования»;

- о типах когнитивных процессов у отдельных носителей языка (адаптация, перенос шаблонов из L1 в L2, ассимиляция);

- о возможных корреляциях между социальными условиями и когнитивными процессами.

Первый доклад под названием «Типологизация изменений, индуцированных контактом, в грамматических конструкциях» представил М. Росс (Австралия). Он сравнил две ситуации языкового контакта: в первой ситуации рассматривался разговорный верхнелужицкий язык в генетической (с учетом его родства с чешским и польским языками) и контактологической (с учетом влияния немецкого языка) перспективах, во второй — английский язык ирландской провинции, испытывающий влияние ирландского гэльского языка. Ярким примером этого влияния является использование английской конструкции типа *It was... who* не только в контрастивных целях, но и в информативных (например, *It is drunk he is* 'Он пьян'). Росс утверждает, что контактная лингвистика может развиваться далее, только если она обратится к изучению тех случаев, когда известны следующие параметры: а) изменения, произошедшие в результате контакта, б) социальные условия и в) язык, из которого была заимствована та или иная конструкция. Предложенная им классификация контактноиндуцированных изменений подразделяет их в зависимости от того, каким именно образом и до какой степени конкретная конструкция изменена в результате контакта.

А. Йон-Анд (Швеция) начала доклад «Моделирование контактноиндуцированных изменений в ангольском португальском языке» с представления сложной социолингвистической ситуации, сложившейся в Анголе, где с момента обретения независимости в 1974 г. растет число говорящих на португальском языке. А. Йон-Анд

работает над моделью симулирования языковой ситуации с использованием эволюционной теории игр. С помощью изменения весового коэффициента (weight) для разных типов взаимодействий и с учетом данных о росте числа носителей L1 и L2 симуляция позволяет формализовать теорию об условиях, необходимых для распространения нового языкового варианта.

К. Майерс-Скоттон (США) выступила с докладом «Английские глаголы при переключении кодов (английский/суахили) в Найроби: социопсихологические факторы или грамматические структуры?». Включение английских глаголов в разговорный суахили рассматривается ею как используемый говорящим способ заявить о своей принадлежности к более престижному городскому слою населения. Развитию этого явления способствует также легкость адаптации английского глагола, его «сочетаемость» с морфемами суахили (*i-li-s snatch-i-w-a* CL9-PAST-snatch-APPL-PASS-FV, *zi-na-rush* CL10-PROGR-rush¹).

Э. Заккевска (Нидерланды) представила «отрицательный случай» грамматической гибридизации, проанализировав влияние греческого языка на коптский. В то время как многие исследователи считают коптский язык «контактным языком на греческой основе», в докладе «Греческое влияние на коптский падеж?» он был назван *constructed literary idiom*, т. е. искусственно созданным (это касается прежде всего самой письменности и лексического уровня языка), но обладающим достаточно аутентичной грамматикой идиомом. Обосновывая свою теорию, Заккевска сопоставляет глагольное управление (аккузатив, генитив и датив) в рассматриваемых языках.

С сообщением на тему «Грамматические заимствования в северо-восточных диалектах новоявского языка» выступила Э. Когилл (Германия). Заимствования, вызванные многовековым мультILINGВИЗМОМ, контактами с арабскоговорящими единоверцами, а также торговлей арамеями с курдами, азербайджанцами и позднее с арабами, исследовательница подразделяет на две группы: 1) *matter borrowings* («материальные», т. е. «прямые заимствования», например суффиксы, частицы, союзы) и 2) *pattern borrowings* («грамматические кальки»: порядок слов в придаточных предложениях, утрата различия рода местоимениями, функции глагольных времен и др.).

Первый день конференции был завершен докладом Н. Брукато и С. Вихмана (Нидерланды/Германия) «Создание типологии

¹ CL9 — именной класс 9, PAST — прошедшее время, APPL — аппликатив, PASS — пассивный залог, FV — конечный гласный, CL10 — именной класс 10, PROGR — длительное время.

на основе сопоставления геноспецифических и языковых данных по контактам групп населения». Докладчики считают язык одним из важнейших барьеров для распространения генов, наряду с историей, географией, культурой и религией. Результаты лингво-генетического анализа, частично проведенного самими авторами доклада, частично почерпнутого из актуальной литературы по данной тематике, показали, что индикатор «генетика ~ география» обладает самым высоким коэффициентом корреляции, тогда как «генетика ~ язык» — в 3,5 раза меньшим.

В начале второго дня организаторы конференции С. М. Михаллис и М. Хаспельмат выступили с совместным докладом под названием «Гибридизация, социальные условия и порядок слов». Вслед за С. Томасон и Т. Кауфманом они указали на принадлежность порядка слов к кругу языковых явлений, в значительной мере испытывающих воздействие языковых контактов. Исследователи проанализировали некоторые изменения порядка слов на макро- и микроуровнях (при этом отдельно в креольских языках и пиджинах), рассмотрев, в частности, пример посессивных конструкций в варианте турецкого языка в Македонии. По всей видимости, порядок слов распространяется путем ассимиляции, а не переноса шаблонов из L1 в L2, хотя современные контактные ситуации не указывают нам пути к однозначному разрешению этой проблемы. Задачей лингвистов-контактологов является установить, может ли ассимиляция быть причиной образования крупных ареально обусловленных шаблонов порядка слов.

Доклад группы ученых — М. Дженни, П. МакКормика и А. Мюллера (Швейцария) — был посвящен языковой ситуации в Юго-Восточной Азии, в так называемой «Великой Мьянме» («The Greater Burma Zone»). Для этой области характерны мультилингвизм, языковые контакты и взаимное влияние, причем не всегда более «сильных» — в словоупотреблении докладчиков — идиомов на более «слабые». Упомянутые языки региона: бирманский, монский, качинский, шанский и кхамти. Совокупность исторических, социальных и лингвистических данных из «Великой Мьянмы» помогает установить механизмы и виды языковых контактов, а также может послужить ключом к пониманию многих аспектов языкового контакта как такового.

К. Долер (Австралия) представил сообщение под названием «Мультилингвизм на юге Новой Гвинеи: случай языков kómno и wága». Носители первого идиома, следуя традиции, берут себе в жены женщин из соседних сел, в том числе говорящих на wága. Повторяющаяся из поколения в поколение модель таких браков заставляет говорящих на kómno «охранять» свой язык

от слияния с близким ему wága. Так, считается, что дети должны говорить на языке отца. В проведенном докладчиком узкоспецифическом исследовании рассматривался перенос из wága в kómno морфемы близкого прошедшего времени *n*, реализуемой говорящими, в отличие от лексических заимствований, неосознанно. Долер подчеркивает роль социальных условий в данной контактной ситуации, интересной также реализацией относительно нетипичного сценария, в котором задействованы генетически близкородственные языки.

Еще одно исследование языкового контакта на микроуровне «Индивидуальный мультилингвизм и контактноиндуцированные изменения на полуострове Кэйп-Йорк, Австралия» представил Ж.-К. Верстрэт (Бельгия). В центре внимания Верстрэта, много лет занимающегося изучением социолингвистической ситуации на северо-востоке Австралии, оказались паманский язык umpitamu и языки группы лама-лама — умбуйгаму и лама-лама, контакт между которыми обусловлен клановой организацией жизни носителей. Несмотря на широко распространенный индивидуальный мультилингвизм, последствия этого контакта затрагивают только некоторые морфосинтаксические и лексические шаблоны, а также — в гораздо меньшей мере — фонологический уровень.

Сообщения о результатах изучения языков Австралии были продолжены докладом Д. Мансфилда (Австралия) «Муррин-пата: постколониальные контактные влияния на полисинтетический австралийский язык». Данный идиом рассматривался в контакте с марри и английским. Для большинства нынешних обитателей города Уэйдай с населением около двух тысяч человек муррин-пата — родной язык, но при этом они являются потомками во втором поколении переселившихся туда носителей марри, чей язык повлиял на морфосинтаксическую систему языка муррин-пата, включая категорию ирреалиса. Английский в городке — язык немногочисленных белых его обитателей, с которыми аборигены не вступают в интенсивные контакты. Бытовое общение происходит на своеобразном английском пиджине. Что касается влияния английского на муррин-пата, то оно сводится в основном к лексическим и синтаксическим калькам и остается на периферии системы. По мнению автора, эта ситуация еще раз доказывает тезис У. Лабова о том, что усвоение языка в детском возрасте приводит к более глубоким изменениям на уровне грамматических структур, в то время как результатом взрослого двуязычия становятся поверхностные изменения.

Ф. Бэйкер (Великобритания) представил доклад «Контактноиндуцированные изменения в маврикийском креольском языке». Прозвучали

сведения о заселении, колонизации и работорговле на островах, в результате которых сложилась многообразная этническая и языковая картина на Маврикии, идеальная для изучения взаимосвязи между социальными условиями и контактноиндуцированными изменениями в языке. В докладе подробно рассматривались некоторые гибридные структуры, появившиеся в маврикийском креольском под влиянием, например, французского, и в частности сращения существительных с определенным артиклем и партиитивной артиклевой морфемой (*lamer* 'море' < франц. *la mer* и *dibri* 'шум' < франц. *du bruit*). Легкость усвоения изменений автор объясняет тем, что они обогащают систему языка-реципиента.

«Проверка значимости социоисторических факторов для генезиса креольских языков» — следующее креолистическое сообщение в рамках конференции в Лейпциге, сделанное А. Даваль-Маркусеном (Дания). Совместно с П. Бэккером (Дания) в 2011 г. он провел исследование влияния на развитие 18 креольских языков таких переменных факторов, как географическое расположение, «возраст» языка, язык-лексификатор, тип сообщества говорящих. За исключением языка-лексификатора, ни одна из этих переменных не обнаружила значительного влияния на генезис того или иного креольского идиома. В связи с этим лингвист предложил провести более глубокое исследование, увеличив количество изучаемых языков до 76 и добавив переменные из «Атласа языковых структур пиджинов и креольских языков» [Haspelmath et al. 2005].

Р. ван Слэйс (Нидерланды) представил доклад на тему «Концепты принадлежности в прошлом на Карибах и в современной Западной Африке», в котором он с помощью полуконструктивной техники глубоких метафор сравнивает исторические данные по креольским идиомам Суринама и Виргинских островов с современными данными по многоязычным сообществам Ганы и Того. Эта методика помогает выяснить, как структурные сходства между языками в контакте могут повлиять на исход языкового контакта и, кроме того, как социолингвистические обстоятельства, в частности соотношение «сил» между языками в контакте, способствуют распространению инновационного концепта принадлежности, выражаемого предикативно, в Суринаме, Гане и Того.

Доклад Дж. Николс (США) «Поощряемая (favored) языковая ассимиляция в области деривационной морфологии при ситуациях экспансивного контакта» был посвящен макропроблеме — корреляции политических и социально-экономических изменений в жизни сообществ разных эпох и мест проживания (например,

Западная Африка, Амазония, северо-восточный Кавказ) с повторяющимися в этих ситуациях последовательными изменениями в морфологии словообразовательных типов (в основном рассматривалась каузативизация).

Ф. Сэйфарт (Германия/Нидерланды) представил доклад «Заимствование аффиксов и социальная обстановка». В ходе экспериментального исследования 78 языков и 50 аффиксов заимствование последних рассматривалось как явление гибридизации. Престиж не единственная причина этого процесса. Даже в сообществах, сознательно избегающих влияния иного языка в области лексики, заимствования аффиксов могут быть достаточно обширными. Влияет ли на гибридизацию близость морфологических структур контактных языков? Сайфарт считает, что она не способствует увеличению числа заимствованных аффиксов, происходящему только в ситуациях интенсивного контакта.

Заключительный день конференции начался с доклада «Многоязычные среды в Суринаме: наблюдения, систематизации, сценарии, ограничения» П. Мёйсена (Нидерланды/Германия). В его сообщении приведены сведения об истории южноамериканской страны с момента ее «открытия» европейцами в 1500 г., о последующей колонизации и начале работорговли. В данный момент в Суринаме говорят примерно на 20 языках; местные наречия в разные моменты своей истории подвергались влиянию нидерландского и португальского языков, проходили через стадии конвергенции и дивергенции.

В сообщении «Гендерлекты: гендерно-дифференцированные результаты языкового контакта» П. Баккера (Дания) речь шла о проблеме изучения различных форм речи у мужчин и женщин одного сообщества. Интерес к гендерлектам совсем недавно резко возрос. Баккер обратил внимание, в частности, на то, что не существует единой причины гендерной дифференциации — явления, зафиксированного примерно в 100 языках мира. В основном гендерлекты распространены на Американском континенте, например у канадских метисов, но также и у китайцев в Индонезии, бастеров в Намибии и многих других. Допуская разные причины возникновения гендерлектов, лингвист подразделяет известные ему случаи на две группы: большая изолированность одного из полов и смешанные браки. Был приведен пограничный пример — один островной карибский язык. В какой-то момент в истории сообщества говорящих на этом языке (время события неизвестно) произошло практически полное истребление мужского населения. С тех пор женщины говорят на одном языке, а мужчины, пришедшие на эти территории, — на другом.

К. Шульте (Испания) представил доклад «Гибридизация родственных языков: какие грамматические признаки будут ожидаемо заимствованы?», в рамках которого были проанализированы две контактные ситуации, имеющие место в настоящее время на территории Валенсии: валенсийский ~ испанский (двуязычие со времен Средневековья) и румынский ~ испанский (массовые трудовые миграции с конца 1990-х гг.). Оба контактирующих с испанским идиома, не вполне серьезно называемые *Valeñol* и *Rumañol*, как правило, реципируют элементы, которые радикально не меняют грамматическую структуру, но лишь изменяют существующие морфосинтаксические модели (как в случае с заменой балканороманского падежа в «валенсийском румынском» типичной для остального романского ареала конструкцией с предлогом *de*).

Задачей доклада «Социальные условия неполного усвоения второго языка и “торг” (negotiation)²: контактноиндуцированные изменения в предложных системах разновидностей португальского языка» Х. О. де Авелар (Бразилия) назвал анализ инновативных и традиционных характеристик предлогов места и направления в трех современных вариантах португальского: разговорном бразильском, афробразильском и мозамбикском. Автор приходит к выводу, что на усвоение инновативных черт в данных идиомах влияют показатели, связанные с социодемографической динамикой.

Б. Дринка (США) представила доклад «Роль социальных условий в распространении перфекта с глаголом *иметь* на территории Европы». Центром распространения такого перфекта является «языковой союз Карла Великого», т. е. языки «среднеевропейского стандарта». Дринка продемонстрировала время и условия распространения этой инновации по территории Западной Европы, а также описала контактные ситуации, благодаря которым перфект с глаголом *иметь* появился в некоторых западнославянских идиомах (чешский, польский, кашубский, лужицкий языки) и в португальском языке.

С микроисследованием под названием «Различные формы и контексты влияния в ситуации контакта среднеанглийского и англо-нормандского языков» выступил Р. Ингэм (Великобритания). Контакт между данными идиомами был описан с точки зрения исторической социолингвистики. В качестве примеров были приведены отрывки из известных произведений, таких как Ормулум и хроники Роберта Глостерского.

Д. Ноел (Гонконг) выступил с сообщением «Одна и та же модель, разные ситуации контакта, разные пути распространения: эвиденциальность vs. деонтические конструкции *nominativus cum infinitivo* в нидерландском языке (в сравнении с английским)». Вновь был упомянут такой критерий, как функциональность инновации, и сказано о его важной роли при адаптации в языке.

И. Игартуа (Испания) в сообщении «Потеря грамматического рода и усвоение неродного языка» описал возможные процессы, происходящие с грамматической категорией рода, подробнее останавливаясь на упрощении (т. е. утрате категории рода) в ситуациях использования неродного языка.

М. Доновью (Австралия) рассмотрел сценарии языкового контакта, для которых известны социальные условия, в докладе «Социальные истории и различные лингвистические последствия».

В сообщении «Социальные корни грамматической гибридизации в майяских языках» Д. Лоу (США) описал конвергенцию родственных языков в ситуации, когда идея групповой идентичности по месту жительства и родству превалирует над идеей языковой общности.

Наконец в докладе Л. Алварес Лопес и А. Йон-Анд (Швеция) речь шла о взаимосвязи лексических и грамматических изменений в «секретном» языке афробразильцев — кафундо.

В заключение следует подчеркнуть, что все доклады отличал высокий научный уровень, а сама конференция в Лейпциге была проведена безупречно. Нельзя не отметить присутствие большого количества ведущих в мировой типологии лингвистов, широкую географию их исследований (Австралия, Африка, Азия, Америка, Западная и Центральная Европа), концептуальную взаимосвязанность большинства докладов и, не в последнюю очередь, живые обсуждения большинства выступлений.

На сайте конференции доступна ее программа и слайды презентаций практически всех докладов: <http://www.eva.mpg.de/linguistics/conferences/grammatical-hybridization-and-social-conditions>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Haspelmath et al. 2005 — Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. *The world atlas of language structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Thomason, Kaufman 1988 — Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Los Angeles: University of California Press, 1988.

² Автор употребляет данный термин согласно [Thomason, Kaufman 1988].

Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова»

Елена Леонидовна Вилинбахова^{a,®},
Наталья Михайловна Заика^{a,6},
Максим Леонидович Федотов⁶

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия;

⁶ Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия;

[®] elenavilnb@yandex.ru

20–22 ноября 2014 г. на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета прошла международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова». Конференция была посвящена 100-летию со дня рождения Ю. С. Маслова (5 мая 1914 г. — 31 августа 1990 г.), одного из крупнейших российских лингвистов XX в., профессора и многолетнего заведующего кафедрой.

В соответствии с основными научными интересами Юрия Сергеевича главными направлениями, представленными в докладах конференции, стали аспектология, морфология, грамматическая семантика, общее языкознание, история языкознания и славистика. Всего в рамках конференции было представлено 15 пленарных, 44 секционных и 10 постерных докладов.

Доклады на **пленарных** заседаниях были посвящены как глобальным лингвистическим проблемам, так и более частным вопросам, связанным с жизнью и научной деятельностью Ю. С. Маслова.

Т. В. Черниговская (Санкт-Петербург) в выступлении на тему «На стыке наук: язык и мозг» подчеркнула необходимость комбинированных, конвергентных знаний, ярким примером которых являются психо- и нейролингвистика, находящиеся на стыке гуманитарных и естественных наук. В докладе были представлены результаты исследований языка, в которых используется современная техника экспериментальной работы, включающая нейровизуализацию.

Х. Томмолла (Финляндия) в своем докладе проанализировал вопросы типологии видо-временных систем, являвшейся одной из основных областей научных интересов Ю. С. Маслова. Особое внимание он уделил функциям перифрастических конструкций с аспектуальными значениями, в частности прогрессивных и результативных конструкций, в финском языке.

International conference «The heritage of Yuri Maslov: Linguistic ideas and their evolution»

Elena L. Vilinbakhova^{a,®},
Natalia M. Zaika^{a,6},
Maksim L. Fedotov⁶

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia; ⁶ Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia; [®] elenavilnb@yandex.ru

В. С. Храковский (Санкт-Петербург) в своем выступлении, вызвавшем оживленную дискуссию, обратился к проблеме состава частных значений несовершенного вида (НСВ). В первую очередь под вопрос была поставлена правомерность выделения у НСВ (одного или нескольких) повторительных частных значений. Была аргументирована точка зрения, согласно которой сами глаголы НСВ в клаузах с повторительной семантикой выступают в том же актуально-длительном частном значении либо в «неактуально-длительном» частном значении (термин, предложенный в докладе). Повторительная же семантика лежит в иной плоскости, нежели частновидовые значения НСВ (в том числе она выражается соответствующими обстоятельствами).

Внимание участников также привлек доклад П. М. Аркадьева и А. Б. Шлуинского (Москва), которые рассмотрели аспектуальные системы деривационного (словоклассифицирующего) типа, представленные в славянских, балтийских, картвельских языках и ряде языков других языковых семей, с точки зрения того, какие типы перфективации и имперфективации в них представлены. Выяснилось, что языки с аспектуальными системами такого типа могут отличаться как по представленным в них семантическим типам перфективации и имперфективации, так и тем, какие типы выражаются одними и теми же или разными формальными средствами.

Х. Р. Мелиг (Германия) прочитал доклад, посвященный проблеме взаимодействия вида и отрицания. В нем было показано, что при исследовании этого взаимодействия надо учитывать противопоставление обобщенно-фактического и единично-фактического частных значений НСВ. Релевантным это противопоставление является как в случае общего отрицания (ср.: — *Кто заполнил анкету* <...>? *Сашиа*? — *Нет, Сашиа ее не заполнял* / [#]*не заполнил*), так и в случае

частного отрицания (— *Кто заполнил анкету <...>? Саша? — Нет, заполнял ее не Саша / это не Саша ее заполнил*).

Е. В. Горбова (Санкт-Петербург) предложила вновь обратиться к проблеме соотношения префиксации vs. суффиксации и деривации vs. словоизменения в морфологии русского вида. Отталкиваясь от положений последних лет (исследования группы Л. Янды по классифицирующей функции префиксов, теория множественной префиксации С. Г. Татевосова) и основываясь на собственных корпусных данных, исследователь представил альтернативную трактовку русской видовой системы — как совмещающей одновременно словоклассифицирующую приставочную перфективацию и словоизменительную суффиксальную имперфективацию.

И. П. Кюльмоя (Эстония) рассмотрела перфектные конструкции в русских говорах Западного Причудья: конструкцию с причастием на (в) *ии* (*сын женившии*), посессивную (*у меня печенье напечёно*) и пассивную без согласования (*двор закрыто*). В работе продемонстрировано использование этих конструкций для выражения известных разновидностей перфектной семантики. В том числе было показано, что результативно-перфектное значение характерно для всех трех конструкций, тогда как экспериенциальное — только для первой.

Е. В. Падучева (Москва) в докладе «Классификация Маслова — Вендлера и ее нетривиальные применения» проанализировала различные употребления русского союза *пока* (*не*) с точки зрения аспектуально-акциональных характеристик вводимых союзом клауз. В некоторых случаях оказалось необходимым обращаться к нетривиальным классам — ср.: «состояние ненаступления события» (*позвоно, пока дети не проснулись*) или процессный компонент у исходно моментального глагола (*долго бился, пока не понял*).

В. Б. Касевич (Санкт-Петербург) в своем выступлении предложил уточнения определений трех близких терминов: «семантика», «значение» и «смысл», — призванные сделать их употребление более последовательным. В частности, «семантику» было предложено понимать как «сферу означаемых языковых знаков» (внутриязыковую), а «значение» как «изменение в информационном состоянии адресата <...>» (надязыковое).

А. В. Бондарко (Санкт-Петербург) представил анализ научного наследия Ю. С. Маслова с точки зрения современных аспектологических теорий. В докладе обсуждался широкий круг вопросов, в числе которых семантика категории вида и закономерности ее функционирования в славянских языках; происхождение и развитие

глагольного вида; проблемы сопоставительной аспектологии; категория вида в ее отношении к способам действия и разрядам предельных / не-предельных глаголов; взаимосвязи категорий вида, времени и таксиса.

Е. В. Петрухина (Москва) рассказала об условиях применения функционального критерия Ю. С. Маслова (состоящего в возможности замены глагола совершенного вида (СВ) без изменения его лексического значения глаголом НСВ в контекстах настоящего исторического и повторяющегося действия) в определении видовой парности. Было показано, что критерий Маслова остается основным тестом на видовую парность для всех типов корреляций СВ и НСВ. Автор подчеркнул необходимость сохранения понятия видовой пары, несмотря на предпринимаемые попытки отказаться от него в связи с изучением многочисленных перфективных корреляций (типа *чистить* — *очистить*, *почистить*) и видовых троек (*есть* — *съесть* — *съесть*).

В. Д. Климонов (Германия) посвятил свой доклад лексическим видам, которые имеют статус концептуальных универсалий, релевантных как для философии, так и для лингвистики. На материале русского языка автор затронул вопрос субкатегоризации событий и рассмотрел экспоненты событийности, а именно: морфологические маркеры актуальности у глаголов типа *заплакать*, *попить* (*молока*), конкурирующие с ними синтаксические маркеры аспектуальности в конструкциях типа *начать плакать*, а также контекстуальные маркеры актуальности в конструкциях типа *выпить немного молока*.

А. Барентсен (Нидерланды) обратился к сопоставительному изучению плюсквамперфекта в современных славянских языках на материале амстердамского корпуса ASPAC. В докладе были приведены первые результаты работы, включающие данные о распределении разных типов употребления найденных форм: с одной стороны, функция плюсквамперфекта в самостоятельной позиции в тексте и, с другой стороны, употребление его в рамках сложного предложения — в определительном предложении, таксисных конструкциях или изъяснительном придаточном предложении.

Е. В. Головкин (Санкт-Петербург) посвятил доклад учебнику Ю. С. Маслова «Введение в языкознание». Автор продемонстрировал, как, с одной стороны, оригинальная лингвистическая концепция Маслова проявляется в тексте учебника, а с другой — показал, что последний в необходимой мере отражает представления о лингвистике, существовавшие в 1970-е гг. Помимо этого, в докладе обсуждалось место учебника Маслова в ряду других аналогичных пособий

последней четверти XX в., а также возможности его современного применения в преподавании.

Завершающий доклад конференции представил А. Н. Соболев (Санкт-Петербург). Его выступление было посвящено славянским языкам в балканском языковом союзе. В качестве основной причины интеграции ряда славянских языков и диалектов в балканский языковой союз ученый назвал длительное состояние двуязычия больших групп людей и их последующую монолингвизацию. В докладе также были рассмотрены ограничения, которые накладывает прототипическая славянская языковая структура на донациональность (англ. «borrowability») славянских лингвистических единиц и категорий.

Секционные доклады были разбиты в соответствии с областями научных интересов Ю. С. Маслова. На секции **аспектологи** были представлены главным образом доклады, посвященные виду и — шире — аспектуальности в русском литературном языке.

Д. Альтшулер и С. Мелконян (Германия) рассмотрели некоторые употребления русского НСВ в свете «теории дискурсивной когерентности» (Дж. Р. Хоббс и его последователи); было высказано предположение, что русский НСВ несовместим с непосредственно связанными между собой ситуациями, однако может употребляться в контексте следования во времени, если между двумя ситуациями нет прямой связи. И. Б. Шатуновский (Москва) проанализировал различия в семантике русских «аналитических» конативных сочетаний (противопоставленных «синтетическим» конативным глаголам типа *убеждать*, *искать*) с глаголами *(по)пытаться* и *(по)стараться*. Особый интерес слушателей вызвал доклад И. Б. Иткина (Москва), в котором автор обратился к проблеме существования в русском языке не только двувидовых (типа *женить*), но и «полуторавидовых» (термин И. Б. Иткина) и/или «аспектуально нестабильных» глаголов (*образовать*, *обещать*, *девать* и др.) — причем общее число таких аномальных глаголов оказывается довольно значительным; были подвергнуты конструктивной критике существующие критерии определения вида русских глаголов. А. В. Павлова (Германия) и Н. Д. Светозарова (Санкт-Петербург) в совместном докладе привлекли внимание к феномену взаимодействия русского вида с актуальным членением предложения (это взаимодействие можно проиллюстрировать парой примеров *Придется лучины жечь* vs. *Придется лучины жечь*). О. Ю. Чуйкова (Санкт-Петербург) исследовала способы выражения в русском языке значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации — перспектива (ср.:

Вот-вот упадет) и авертива (ср.: *Чуть (было) не обиделся*). Н. Г. Самедова (Азербайджан) рассказала о парадоксе, связанном с двоякой семантической природой глаголов типа *прыгнуть*, традиционно относимых к «моментальным», и его возможным решению. Доклад Ю. П. Князева (Санкт-Петербург) был посвящен особенному классу нарративных употреблений НСВ в русском языке типа <...> *Раздалось дребезжание, но дверь не открывалась* <...>; <...> *Да и мы все замерли и только глядели* <...>, которые исследователь называет «ингрессивными» и трактует как несинхронные (перспективные). Г. И. Панова (Абакан) рассмотрела факторы, влияющие на видовую отнесенность конкретных глаголов (глагольных основ), и систему временных глагольных форм в русском языке. В. И. Гаврилова (Москва) обратилась к вопросу о морфологическом оформлении в русском языке форм страдательного залога от глаголов СВ и о конкуренции в этой сфере предикативных форм страдательного причастия СВ (*был построен*; *было выслано*) и более редких возвратных образований СВ на -ся (*построился*; *выслалось*). В докладе М. Я. Дымарского (Санкт-Петербург) «Аспектуальность как категория высказывания» обосновывалось положение, согласно которому любое из «частновидовых значений» (речь шла в первую очередь о НСВ) может быть выражено уже самим формально-смысловым контекстом («моделью высказывания») — без обязательного участия глагольной словоформы.

Кроме этого, на секции были представлены доклады, посвященные аспектуальности в других языках, а также в диалектной речи. Е. А. Мишина (Москва) рассказала о различных употреблениях имперфекта от глаголов (прото)-СВ в древнерусском языке — «кратно-перфективных» и модальных (в том числе в контексте отрицания). В. А. Закровская (Тюмень) рассмотрела некоторые нетривиальные особенности функционирования глаголов в архангельских говорах — например, отличные от литературного языка возможности употребления глаголов СВ в итеративных контекстах; наличие «местоглаголий» типа *тогда делать*, в том числе сочетающихся с требуемыми по смыслу приставками (*с-тогда давать*, *при-тогда делала*). Й. Костов (Франция) представил в докладе прикладной подход к классификации македонских глаголов, учитывающий их семантику и формальные свойства — словоизменительные и словообразовательные. М. Лазински (Польша) проанализировал интерпретации глаголов СВ и НСВ в польских и русских юридических текстах; важно, к примеру, оказалось учитывать

конативную vs. событийно-итеративную интерпретации НСВ: ср. польск. <...> *naklania*^{НСВ} *ją do tego* '[Ответственности... подлежит лицо, которое...]' склоняет его к этому' (многократная событийная, а не однократная конативная интерпретация) и русск. *...лицо, склонившее*^{СВ}... (НСВ в русском был бы неудачен как допускающий конативную интерпретацию 'пытаться склонить'). Л. Э. Найдич (Израиль) и А. В. Павлова (Германия) рассмотрели практические проблемы, возникающие у переводчика с немецкого на русский в связи с аспектуальной «нейтральностью» немецкого (так, немецкие глаголы часто оказываются акционально и сочетаемостно более гибкими, чем их русские эквиваленты), и дали их теоретическое осмысление.

На секции **морфологии** были представлены доклады на материале русского языка разных периодов. Е. В. Маринова (Нижний Новгород) рассмотрела факторы, влияющие на родовое оформление несклоняемых существительных в современном русском языке, выделив среди них структурный (исход основы) и парадигматический (влияние соотносительного по значению слова). А. А. Горбов (Санкт-Петербург), проанализировав атрибутивные компоненты сочетаний типа *бизнес-центр*, выделил подтипы таких сочетаний и пришел к выводу о том, что препозитивные атрибуты в них в большинстве случаев являются основами — частями сложных слов, в которых имеет место синтаксическое основосложение. Л. Н. Донина (Санкт-Петербург) применила понятие «парциальной основы» в рамках понятийного аппарата теории Ю. С. Маслова к материалу древнерусского языка, показав, что парциальные основы в древнерусском языке XV в. употреблялись шире, чем в современном русском языке.

Также на секции были представлены исследования на материале других языков. М. З. Муслимов (Санкт-Петербург) прочитал доклад, посвященный выравниванию по аналогии именных парадигм в ингерманландском финском, проследив зависимость падежной основы, по которой происходит выравнивание, от лексического значения конкретной лексемы. В выступлении Т. В. Любченко (Украина) освещалось функционально-семантическое поле интенсивности в новогреческом языке и были систематизированы основы глаголов, передающих интенсивность действия. Ю. Конуна (Санкт-Петербург) рассмотрела временную структуру эвиденциальных высказываний на материале современного японского языка, придя к выводу о том, что в нем имеются четыре типа эвиденциальности: сенсорная, инферентивная, репортативная и перфектная, — и проанализировала специфику этих типов.

На секции **грамматической семантики** было сделано два доклада. Е. В. Перехвальская (Санкт-Петербург) рассказала об одной стратегии выражения таксисных значений в южных мандах, заключающейся в том, что таксисные значения передаются конструкциями с глаголами движения (приближения или удаления) либо нахождения в определенной точке пространства, а смысловой глагол выражается номинализацией «действие → место действия». Выступление А. Д. Даугавет (Санкт-Петербург) было посвящено развитию лексических и грамматических значений полисемичного латышского глагола *tīkt* 'добираться, получать, становиться, ...', которое было исследовано на материале корпуса латышского языка и интернет-источников.

На секции **общего языкознания** были представлены доклады, посвященные анализу различных направлений научной деятельности Ю. С. Маслова. В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) обратился к наследию Маслова в области фразеологии (в том числе его наблюдениям по поводу «межнациональных» фразеологизмов и необходимости критического отношения к возможностям этимологизации фразеологизмов) и предложил собственную новую историко-этимологическую интерпретацию фразеологизмов *дело табак* и *во всю ивановскую*. С. А. Крылов (Москва) рассмотрел основные положения во многом оригинальной общесемiotической концепции Маслова, представленной в его статьях и учебнике «Введение в языкознание». О. В. Трофимова (Тюмень) показала, как наблюдения Ю. С. Маслова в области грамматической семантики отразились в лекциях по курсу «Теоретические проблемы грамматики русского языка» Е. А. Белоусовой, как они повлияли на ее лингвистическую концепцию. И. А. Орлова (Санкт-Петербург) рассказала о роли, которую играют труды и идеи Ю. С. Маслова (в первую очередь аспектологические) в такой молодой области, как юрислингвистика, изучающая отношение языка к закону. С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург) в докладе «Языковые правила в аспекте речевого онтогенеза» подчеркнула, что понятие «языковое правило», активно употреблявшееся в работах Маслова, должно быть возвращено в систему лингвистической терминологии, особенно в «антропоцентрические» ее области, такие как функциональная лингвистика, психолингвистика, теория освоения языка как второго и лингвистика детской речи.

В докладах были рассмотрены и другие вопросы из разных областей лингвистики. Оживленную дискуссию вызвал доклад Е. В. Урысон (Москва) о наречных предлогах (типа *вокруг* (кого-л. / чего-л.), *далеко от* (кого-л. / чего-л.)), где

обсуждался альтернативный традиционному подход, при котором такие предлоги считаются подклассом наречий. Выступление А. В. Венцова, Е. И. Риехакайнен и Н. А. Слепокурова (Санкт-Петербург) было посвящено русским гласным и согласным в перцептивном аспекте, исследованным на материале спонтанной речи; был сделан предварительный вывод о том, что основная функция согласных состоит в сохранении перцептивного «каркаса», а гласных — в передаче просодико-эмоциональных компонентов. И. С. Бурукина (Москва) рассказала об имплицитных посессивах в русском языке (имеется в виду отсутствие эксплицитных посессивных выражений типа *мой* при сохранении идеи обладания), которые в контекстах с кванторными выражениями, эллиптическими сокращениями, выделительными *только*, *даже* либо употребляются как связанные переменные, либо должны получать прагматическое прочтение. В докладе Е. Л. Вилнбаховой (Санкт-Петербург) на материале корпусных данных и интернет-источников рассматривалось функционирование в русском языке тавтологий в качестве риторического приема, направленного на формирование положительного образа говорящего. Н. В. Шутемова (Пермь) говорила о возможности применения понятия доминанты в лингвистических (текстологических) исследованиях — при изучении семантической и коммуникативной стороны текста, при исследовании процессов восприятия текста, при анализе поэтического (и вообще художественного) текста, в переводоведении.

На секции **истории языкознания** было представлено четыре доклада. Б. С. Жаров (Санкт-Петербург) рассказал о малоизвестных подробностях биографии датского лингвиста Карла Вернера (1846—1896), связанных с его студенческой поездкой в Россию: как стало известно из его писем, во время годичного пребывания в Санкт-Петербурге Вернер тесно общался со многими российскими учеными, в числе которых были историк А. А. Куник, филологи Я. К. Грот и И. И. Срезневский. В докладе О. И. Фонаковой (Санкт-Петербург) была рассмотрена история изучения русских глагольных приставок в XVII—XIX вв., в том числе изменение терминологии («предлог», «приставка», «префикс») и выделение у приставок словообразовательных и (позднее) грамматических функций. Доклад С. Г. Ильенко (Санкт-Петербург) был посвящен книге Л. Р. Зиндера и Ю. С. Маслова «Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог» (1982) как одновременно характеризующей его научное наследие и представляющей оригинальную творческую личность ученого. Л. Б. Карпенко (Самара) в докладе о русской

правовой терминологии аргументировала точку зрения, согласно которой анализируемая терминология имеет не только собственно восточнославянские, но также и церковнославянские истоки.

На секции **славистики** был представлен ряд докладов, посвященных болгаристике — одной из основных областей научных интересов Ю. С. Маслова. Некоторые из выступлений непосредственно соотносились с деятельностью юбиляра. Так, З. К. Шанова (Санкт-Петербург) прочитала доклад о Болгарии и болгарском языке в жизни Маслова, в котором отразила становление ученого как болгариста, и обратила внимание на значение его работ для лингвистической типологии и общей аспектологии. Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург) проанализировала более периферийный аспект научных интересов Маслова, связанный с артиклевой системой болгарского языка, и подчеркнула тщательность описания артиклевой системы в работах исследователя и типологическую значимость его выводов, соотнес их с современными теориями. М. М. Кондратенко (Ярославль) в докладе «Семантические оппозиции в болгарской диалектной хрономии» рассмотрела противопоставление статического (циклического) и динамического (относительного) времени, а также противопоставления рассматриваемого семантического класса по признакам «большой/маленький», «мужской/женский», «рабочий/нерабочий».

На конференции также прозвучали доклады, посвященные другим славянским языкам. А. А. Новик (Санкт-Петербург) изложил результаты исследования мифологической лексики, собранной на территории Украины в селах с албанским, болгарским, гагаузским, русским и украинским населением, обратив особое внимание на мифологических персонажей, угрожающих людям, на демонов, предсказывающих судьбу, а также на практики, связанные со взглядом. В выступлении О. В. Блиновой (Санкт-Петербург) на материале «западнополесского письменного языка» анализировалась дистрибуция предикативного имени, расширенная по сравнению с окружающими литературными языками, что, вероятно, является приемом, направленным на увеличение дистанции между ними и исследуемым идиомом. Е. Э. Пчелинцева (Украина/Санкт-Петербург) сделала попытку объяснить уменьшение количества отглагольных имен действия с запада на восток в польском, украинском и русском языках с помощью анализа актуальной семантики соответствующих глаголов. О. С. Плотникова (Москва), исследовав массив словенских текстов XVI в., пришла к выводу о том, что соотношение способов выражения

значения будущего времени в словенском обусловлено естественной эволюцией языка.

В последний день конференции была организована **постерная** секция, на которой были представлены доклады на разные темы. А. С. Баранова (Новосибирск) продемонстрировала, каким образом в словарях новых слов русского языка дается описание родовой характеристики неодоушевленных несклоняемых существительных. В докладе Т. Ю. Вавилюй (Пермь) обсуждалась роль различных языковых единиц (лексических, словоизменительных, синтаксических) по отношению к модально-коммуникативному аспекту семантики предложения — «модусу» по Ш. Балли. А. Ю. Гордиенко (Москва) на примере нескольких английских лексем показала, каким образом контекстный анализ может использоваться в качестве вспомогательного инструмента в семантических исследованиях. Совместный доклад М. В. Зиминной, М. В. Ополонниковой и Е. А. Якимовой (Иваново) был посвящен частеречной принадлежности слов *nicht* и *kein* в немецком языке; было предложено относить обе единицы к логическим частицам. Н. В. Карева и М. Л. Сергеев (Санкт-Петербург) в совместной работе проанализировали теоретические формулировки и представление глагольных парадигм в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова (1752 г.), являющейся переводом анонимной немецкоязычной

грамматики. Н. В. Кузнецова (Тюмень) показала, что в русском языке коннектор *a tak* во многих случаях выступает как средство выражения оценки значимости/незначимости явлений. М. Д. Рыжикова (Симферополь) посвятила доклад понятию лаудации (похвалы), рассмотрев ее виды по степени формальности, подготовленности, обязательности, информативности и другим параметрам и определив возможные аспекты ее дальнейшего изучения. В докладах О. А. Сулеймановой (Москва) и Д. Д. Холодовой (Москва) рассматривались предикаты «бесперспективного протекания» (в терминологии Ю. С. Маслова; ср. 'гулять', 'спать', 'читать') и предполагаемые особенности их сочетаемости в русском и английском языках. Д. Хоригути (Япония) провел сопоставительный анализ глагольного вида в латышском и русском языках и сделал вывод, что в латышском словообразование играет более значительную роль для видовой системы, чем в русском.

В заключение, подводя итоги конференции, к участникам и слушателям обратились председатель и заместитель председателя Программного комитета Л. А. Вербицкая и Е. В. Горбова. Они отметили разнообразие тем докладов, плодотворность состоявшихся научных дискуссий, активное участие в конференции молодых исследователей, а главное, неугасающий интерес к личности выдающегося лингвиста Ю. С. Маслова.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи:

1. Рукопись присылается в электронном виде по адресу: vorpros@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты, если такие использовались. При использовании нестандартных шрифтов, сложного форматирования и т. п. статья предоставляется в DOC и PDF.
2. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати). См. сайт: <http://vja.ruslang.ru>.
3. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
4. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
5. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).
6. Для смысловых выделений используется разрядка 2 пт или полужирный шрифт, термины выделяются кавычками (не курсивом).
7. Сноски должны быть постраничными.
8. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки: [Иванов 1998]. После года выпуска ставится двоеточие и номер(а) страниц(ы): [Иванов 1998: 35], или [Иванов 1998: 35—50], или [Иванов 1998: 35, 45, 50], или [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmath 2008: 23 ff.]. Во избежание недоразумений укажите инициалы автора: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные уточнения: [Иванов 1998a; 1998b; Bailyn 1995a; 1995b].
9. Список использованной литературы дается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту. В этот список включаются только те работы, ссылки на которые есть в тексте статьи.
10. Библиография оформляется следующим образом:
Фамилия год — Фамилия И. О. Название монографии. Город: издательство, год.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название журнала. Год. №. Диапазон страниц.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название сборника. Город: издательство, год. Диапазон страниц.

Основные правила оформления статьи:

Текст статьи присылается в формате Microsoft Word for Windows; размер шрифта — 12, размер межстрочного интервала — полторный; название статьи, ФИО автора и заголовки набираются полужирными строчными символами. Все заголовки выравниваются по центру. Заголовок статьи, ФИО автора и сведения о нем (название института или др. учреждения, город, индекс (учреждения), страна) аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

1. Примеры в тексте статьи принято давать курсивом, а их переводы в одинарных кавычках или кавычках-елочках.

Итак, в списке нужно указать «код работы» (фамилия, год выхода цитируемой работы). Если авторов больше двух, допустимо упомянуть только одного автора плюс выражение «и др.» или «et al.». «Кодом» сборника или иного аналогичного издания может быть фамилия редактора или сокращенное название сборника.

Образцы оформления библиографии смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 30.04.2015
Формат 70×100^{1/16} Усл. печ. л. 13,0
Бум. л. 5,0 Тираж 398 экз.

Дата выхода в свет 26.06.2015
Усл. кр.-отт. 5,2 тыс. Уч.-изд. л. 15,5
Зак. 188 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6